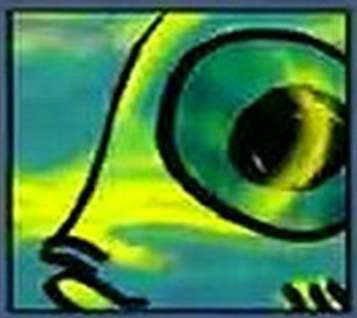
текст

Раймон Кено

День святого Жди-не-жди

Роман

День святого Жди-не-Жди
Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено
День святого Жди-не-Жди. (Роман)
- I. Рыбы
- II. Весенник
- III. Валун
- IV. Сельчане
- V. Туристы
- VI. Чужеземцы
- VII. День святого Жди-не-Жди

Аннотация

Роман Раймона Кено «День святого Жди-нежди» повествует о стране, где царят странные обычаи и ритуалы, а ее окаменевший правитель стоит в виде статуи перед мэрией. Это миф с легендарными героями и не менее легендарными событиями и одновременно — это комический очерк о колониальном туризме, язвительная критика этнографических стереотипов и отстраненный взгляд на абсурдность «цивилизованного» общества.

Роман впервые выходит на русском языке.

Раймон Кено

Творчество Раймона Кено (1903–1976) — уникальное явление во французской литературе XX века. В нем органично сочетаются литературная традиция и авангардизм, мистификация и философский подтекст. Все это в полной мере проявилось в лучшем романе Р. Кено «День святого Жди-не-жди», повествующем об удивительной стране, которой руководит статуя, стоящая перед мэрией.

На русском языке роман выходит впервые.

* * *

Изначально автор задумал роман из пяти частей. Первые три были опубликованы в 1934 г. под общим названием «Gueule de Pierre» («Каменный зев» / «Глотка Пьера»). Четвертая часть, написанная в 1938 г. (ее отрывок «Крестьянин, что едет в город» напечатан в журнале «Volontes» № 5, 1938), вышла в 1941 г. отдельной книгой «Temps mêlés» («Смутные времена» / «Спутанные погоды»). Она включала «монолог» и несколько стихотворений. Отрывки из пятой части «Saint-Glinglin» («День святого Жди-не-жди») публиковались в журналах: «Жди-не-жди у Серединных людей» в «Poesie 44», № 21, 1944 и «Элен у Артроподов» в «Labyrinthe» № 18, 1946. В 1948 г. вышел роман

под названием «Saint-Glinglin», включающий значительно переработанные варианты первых двух книг, в которых автор изменил имена почти всех персонажей, отказался от «театральной формы» четвертой части, внес большое количество поправок, а также еще не опубликованную последнюю часть. Таким образом, это издание можно рассматривать как полную и окончательную версию старого проекта и/или воспринимать как совершенно новое оригинальное произведение.

В октябре 1936 г. в письме английскому поэту, художнику и искусствоведу Хьюгу Гордону Портиасу Кено заявляет: «В книге под названием „Каменный зев“ [...] я попытался исследовать область мифов, создать свои собственные и *использовать* их так, чтобы вслед за мной ими пользовались другие. Но было ли это возможно? Сейчас мне думается, что нет. Миф — не литература и не поэзия: он представляет собой социальную, жизненную, эффективную и, самое главное, общечеловеческую силу. Он нисходит *для* людей, а не исходит *от* них (или из них). Он имеет значение космическое, но никак не психологическое. Значение универсальное, но никак не индивидуальное. А значит, в одиночку чело-

век не может выдумать миф, как он выдумывает механизм, философскую систему, новую игру или новый вид бутоньерки». (Цит. по: Р. Кено. Полн. собр. соч. Библ. Плеяды, т. II, Галлимар, 2002, с. 128.) «Стремление к мифологии» раскрывается в статье Р. Кено «Миф и подлог» (1939).

«À la Saint-Glinglin» (досл. «В день святого Глэнглэна») — устойчивое выражение, соответствующее русским фразеологизмам «когда рак на горе свистнет» и «после дождичка в четверг».

День святого Жди-не-Жди
(Роман)

Неужели рыба никогда не смотрит что происходит по другую сторону толстого стекла, отделявшего ее от мира людей?

Раймон Кено

I. Рыбы[*]

ПЬЕР:

Рыбья жизнь — странная жизнь… страннодорада![2] радужник[3]… Я никогда не мог понять, как можно так жить. Сутьществование[4] жизни в этой форме беспокоит меня намного будьте, чем любой иной повод для слез, который предоставляет этот мир. Вид аквариума бульдоражит во мне целую цепь докрасна раскаленных клещей. Сегодня, во второй половине дня я пошел смотреть на аквариум, которым гордится Зоологический Сад Чужеземного Города[5]. Я простоял там в потрясении до тех пор, пока меня не выгнали сторожа.

---

[*] Примечания: *

Р. Кено родился 21 февраля 1903 г. (под знаком Рыб). Роман начинается с описания рыб, а заканчивается сочетанием «beau temps fixe» (устойчивая хорошая погода), в котором последнее слово рифмуется с названием французской буквы *x* (икс). Если учесть, что зодиакальные Рыбы обозначаются знаком 23, а буква % занимает в греческом алфавите 23 место (т. е. месяц — 2-й, год — 3-й), то роман оказывается автобиографическим циклом, замкнутым меж двух рождений. Эта приверженность к «самовысчитыванию» может показаться пророчески роковой: Кено умер 25 октября (10-й месяц) 1976 г. в возрасте 73 лет (7 + 3 = 10).

Подобный прием автобиографического оформления перекликается с фразой из внутреннего монолога Блума в «Улиссе»: «…обозначим мой адрес и мое настоящее имя через икс, как выражается мадам Алгебра passim». Примечательно, что буква *x* (икс) в романе почти не встречается; она заменяется на другие буквы и сочетания: gz, ss, ks, cs и т. п.,

что приводит к искажению орфографии. Редкие несоответствия этому липограмматическому правилу являются невольными упущениями, о чем свидетельствует фигурирующий в черновиках список исправлений, которые Кено собирался внести в последующие переиздания. Об этом свидетельствует и один из вариантов предполагаемого названия романа: «La Disparition» («Исчезновение»). Жан Полан, поздравляя Кено с публикацией романа, пишет: «Теперь это действительно очень сильная и совершенная вещь… Так долго ожидаемая *x* взрывается в финале, как раскат грома».

[2] Примечания: 2

Фонетическая игра со слогами «дор» и «рад» в «doradrole vairon» (где drôle — странный, смешной, dorade — carassius auratus, рыба из Китая дорада или аурата, d'or — золотой, rade — рейд) напоминает строчку «адор дорадор дурадора» из газетного объявления, которое читает Блум в III части «Улисса» Д. Джойса.

[3] Примечания: 3

Морская рыба семейства губановых с радужной окраской, длинной челюстью и губами, вытягивающимися в трубочку.

[4] Примечания: 4

В романе сущ. existence претерпевает постоянные трансформации; если sistence (от *лат.* sistere быть помещенным; пребывать) остается неизменным, то префикс ex- заменяется на различные слова, близкие по звучанию. Эти изменения самого термина передают всю гамму скептического отношения к его значению. Так, каннибализм (ogre-sistence) начинается с яйца (egg-sistence) на морской глубине в воде (aigue-sistence) и водорослях (algue-sistence), проходит через едкость или язвительность (âcre-sistence), горечь или пронзительность (aigre-sistence) и заканчивается ненавистью (haine-sistence). Искаженная орфография может переводить и фонетическую твердость самого слова (ek-sistence и hoec-sistence); подобная транскрипция использовалась для французских переводов Хайдеггера в 30-е гг.

[5] Примечания: 5

Вероятно, прототипом Чужеземного города был Лондон. В сб. Кено «Зглаз» (1943) есть стихотворение «Чужой город», написанное в 1922 г. в Лондоне. К тому же сущ. l'Etrangère (чужеземка, иностранка) является анаграммой Angleterre (Англия). Аллюзию на английское происхождение Чужеземья можно найти и в главе II Весенник.

Положение пленника еще больше подчеркивает странность этой жизни. Я заметил, что одно из созданий, исполосованное черным, плавало туда-сюда с совершенной регулярностью. Поскольку эти твари не спят — по крайней мере, мне так кажется, — предполагаю, что в этот поздний час, когда и пока я пишу, моя зебра по-прежнему фланирует сюда-туда и по-прежнему радикально бездельничает. Ей необязательно останавливаться даже для того, чтобы есть, равно как и для того, чтобы воспроизводиться. Последний вид деятельности, говорят, происходит столь безличным образом, что для его осуществления, вовсе не требуется останавливать движение плавника.

Так о чем она думает, моя рыба? Разумеется, я не требую, чтобы она размышляла, предавалась рациональной деятельности, выстраивала силлогизмы и опровергала софизмы, конечно же нет, но неужели моя рыба никогда не смотрит, что происходит по другую сторону толстого стекла, отделяющего ее от мира людей? По всеобщему мнению, ответ негативный: нет, моя рыба не думает, ее интеллектуальная деятельность ничтожна. Я нахожу это жестоким. С рыбами невозможно установить человеческие отношения. Хотя рассказывают же о них анекдоты рыбаки.

Но эти люди редко встречаются в моем Родимом Городе; а их анекдоты словно придуманы как раз для меня: легенды и плод воображения. Вне своего аквариума рыбье смущество имеет какую-то жизнь. Его смуществованию можно придать какой-то смысл: оно плывет по реке вверх и вниз (у чужеземцев я видел немало рек), проплывает меж водорослей, прижатых течением ко дну, подстерегает свою жертву, попадается на наживку. Да, насчет речной рыбы понять еще можно. Но насчет рыбы морской? Сардины? Селедки? Трески? Сардина — это ведь полное отупение! Недавно, попав по ошибке в один из кинематографов Чужеземного Города, я увидел сардин[6]. Плашмя, друг на дружке, неисчислимые в компактной морепродуктовой массе, они плебейски терлись чешуей. Но ведь сардина — это живое субщество! А треска?! А селедка?! У меня на глазах наворачиваются слезы. Папа! Мама! Как жестока жизнь рыбы в косяке! Стоит только вдуматься, и кажется, что сейчас расколется голова. Мы рождаемся миллионным хором, затем, всем вместе нам, сестрам-селедкам, предстоит пересечь неизмеримый Океан, прижимаясь плавником к

[6] Примечания: 6

См. описание документального фильма о ловле сардины в романе Кено «Вдали от Рюэйля».

плавнику и рискуя попасть в сети. Вот она, наша селедочная жизнь. А особь, что находится в середине косяка? Миллионы сородичей окружают ее со всех сторон, и вот, в один прекрасный день — хотя ей не ведом ни день, ни ночь, — и вот однажды она, серединная селедка, чувствует головокружение. Да, головокружение. Какая участь ее ожидает? О, какое мрачное сгуществование! Папа! Мама! Как жестока жизнь рыбы в косяке!

Это становится просто невыносимым. У меня от этого чешуя встает дыбом. Соль разъедает десны. От кипящего Океана под мое окно долетают последние лопающиеся пузыри. Я так одинок в этом городе, где вынужден томительно изучать чужеземный язык. Но это меня волнует меньше всего. Меня это не интересует. Мой Родимый Город присудил мне Почетную Стипендию, чтобы я смог глубоко познать этот язык. Учитель тарабарщины — вот та единственная роль, которую прочит мне отец. Я не хотел бы его разочаровывать; я покажу себя достойным милости, которой он для меня добился; я способен на сердечность и признательность; но почему отец считает меня глупым? Я стану учителем абракадабры, пусть. Я могу склониться и смолчать, но я не в силах избавиться от других переживаний, касающихся

науки жизни. Жизнь! Я посвящу свою жизнь изучению жизни![7] Клянусь, здесь и сейчас, перед этим окном, которое выходит на одну из коммерческо-стратегических улиц Чужеземного Города. Я встал, вытянул руку в сторону наружного воздуха и сказал: «Я и т. д. … жизни». Затем снова сел. Дело сделано. Отныне мое судьбествование имеет смысл, и я считаю, что, придав жизни смысл еще в молодости, можно расширить свои возможности и интенсифицировать свое будущее, короче, выстроить судьбу. Мне кажется, что именно сейчас восходит та звезда, что приведет меня к вершинам, которых я хочу достичь и которых я достигну. Ибо у меня есть гордость. Я доберусь до вершин науки жизни, и хрен с ней, с этой чепухой-чебурлой, с этим говором чужеземцев, которых мы видим лишь в качестве туристов, да еще и редких к тому ж. Да и зачем вообще с ними говорить?

Сегодня я опять пошел в аквариум. Видел мурен. Их держат поодиночке. Они свирепы. Питаются мясом. Во времена, когда у народов

---

[7] Примечания: 7

Пародия на девиз *vitam impendere vero* (посвятить свою жизнь правде), который Ж.-Ж. Руссо и Ж. Санд позаимствовали у Ювенала («Сатиры», IV) и Платона: «Долг оратора — говорить правду» («Апология Сократа»), Ср. также «Я избрал путь истины…» (Пс. 118, 30).

были императоры, мурены ели рабов — так пишут журналисты. Мурены очень отличаются от других рыб, и прежде всего — жестокостью. Однако жестокость — одна из кардинальных категорий жизни человека в обществе[8]. Все это очень загадочно. То, что жестокость некоторых рыб спасает их от ужаса, присущего жизни рыбьего рода в целом, представляет еще один повод для беспокойства. Кажется, лишь в силу своей жестокости мурена становится независимым индивидуумом!

У меня есть и другой повод для опасения: скат. От анатомического строения этой рыбы у меня сжимается сердце; я страдаю при одной мысли о том, что ее голова расположена непонятно где — то ли на спине, то ли на животе… Ее жабры… я принимаю их за глаза. А глаза… они у нее на брюхе! А еще у нее есть нос! И маленький свирепый рот! Рассмотрев этот страшный лик, я чуть не заплакал от горя; тут явление взмахнуло плавниками, словно крыльями, взмыло к поверхности воды и внезапно превратилось в какую-то морскую птицу, в отраженный образ ширококрылого

---

[8] Примечания: 8

Отсылка к размышлениям Г. Ле Бона в работе «Психология масс» (1895), которую Кено читал в начале 20-х гг.

альбатроса[9]. Нет, скуществование ската — это что-то невероятное! Иметь расположенные таким образом глаза, летать в воде, да еще и ничего не делать! Невероятно!

Вот в чем дело. На лестнице живых существ я выбрал слишком низкую ступень[10]. Между нами — целая пропасть. Обезьянья жизнь вполне допустима; коровья — кое-как; птичья — с натяжкой. Но я совершенно не в состоянии понять того, что эти твари ничем не заняты и это их совсем не тяготит. Ладно, это их дело. Оставим ихтеологию. Сегодня утром я получил два письма, одно — от отца, другое — от Поля.

Первый пишет: «Наш город готовится к Празднику. Я сожалею, что ты не сможешь на нем присутствовать; такого красочного праздника не было уже много-много лет. Я пойду на значительные жертвы, что увековечит мое богатство и мою славу. Надеюсь, ты пылко трудишься и покажешь себя достойным Почетной Стипендии, которую я с таким трудом для тебя заполучил.

---

[9] Примечания: 9

Реминисценция темы «птиц морских ширококрылых» в стихотворении Ш. Бодлера «Альбатрос» («Сплин и идеал» в книге «Цветы зла»).

[10] Примечания: 10

Эту формулировку часто использует А. Бергсон в своей работе «Творческая эволюция».

Какое счастье, что я смог добиться, чтобы тебя удостоили этого заслуженного отличия, которое обеспечивает блестящее, уважаемое и небывалое положение в Родимом Городе: дипломированный гид-переводчик-толмач-драгоман. Это ли не прекрасно? Какое будущее, сынок! И чем только ты не обязан мне? И кем бы ты стал без меня? И что еще ты должен сделать ради меня? Будь достойным моего великого имени. Трудись».

Ладно.

Второй пишет: «Спасибо за средство передвижения на двух колесах, которое ты мне отправил. Теперь я уже научился им пользоваться и удивляю население, чего вовсе не желал. Все говорят, что в этом году Праздник затмит своим блеском все, что когда-либо устраивалось. Жалко, что тебя здесь не будет. Но самое интересное не это. Жан делает курьезные открытия: он идет по очень странному следу. Когда мы все окончательно проверим, то проинформируем тебя относительно этой необычной новости. Велосипед мне очень пригодился».

Открытие — оно и есть открытие, а след — это еще не открытие. Мои братья? Дети!

Я живу настоящим чужестранцем в этом Чужеземном Городе: никаких контактов с населением.

Я почти никого не знаю, если не считать мою Хозяйку, моего Учителя и Сторожа в Зоологическом Саду. С жителями у меня нет даже этих посредственных и толпогромственных отношений, кои заводятся при использовании общественного транспорта, ибо я передвигаюсь исключительно посредством двухколесного верчения. Мой бициклет переносит меня из места, где бдит хозяйка, до места, где нудит учитель, а оттуда, чаще всего, в место, где царит сторож. Я проезжаю через Чужеземный Город и ощущаю свою причастность к уличной компактнотолкающейся толпе лишь по непонятным мне ругательствам водителей автобусов и замечаниям зорких муниципальных постовых, что следят за регулярностью движения. Единственные, реально сумществующие связи — это те, которые я завожу себе, для себя и сам с собою. Иными словами, среди реально спуществующих совсем нет женственных. Полагаю, интенсивность мысли требует целомудрия. Именно так один чужеземец выдумал закон падения яблок. Я не могу растрачивать на семя то, что поднимается в мой мозг ради будущей славы. Моя жизнь посвящена жизни, я дал клятву. Жизнь, я разглядываю ее в омаре. Какой ужас! Хотя сам омар ею доволен. По крайней мере, так кажется.

Я только что написал отцу то, что думаю о жизни омаров. Думаю, у отца нет никаких соображений по этому поводу, но я стараюсь держать его в курсе своих волнительных размышлений.

На первый взгляд между жизнью рыб и жизнью ракообразных почти нет разницы. Позавчера я видел, как омар прогуливался среди тюрбо[11] и морских языков[12]. Казалось, все они принадлежат к одному миру. Но, хорошенько поразмыслив, я понял, что между этими товарищами есть отличия. Омар — это не то же самое, что рыба! Все-таки морской язык не так уж далеко ушел от человека: вот что я теперь думаю. Но омар! Жить в панцире, другими словами, костью наружу, вне и вокруг себя: это ведь радикально меняет способ восприятия жизни! Постоянно чувствовать вокруг себя целое море; двигать клешнями; видеть, как перемещаются другие; подстерегать жертву: вот каковы, вне всякого сомнения, пролегомены всех размышлений омара.

Что касается рыб, я настойчиво продолжаю считать, что у них собачья жизнь, собачье сучье-

---

[11] Примечания: 11

Вид камбалы ромбовидной или овальной формы, с кривым ртом и глазами на левом боку.

[12] Примечания: 12

Вид деградированной камбалы с удлиненным языковидным телом.

ствование, напрочь лишенное индивидуальности. Однако субществование омара не является из-за этого менее ужасающим. Значит, это и есть жизнь? Эта тишина, тень, водоросли, эта свирепость на конце клешней, эти кровожадные доспехи? Только попробуем представить жизнь омара во мракости. А как умирают те, кто не попал в кипящий кухонный котел? Умирают ли они, омары, от старости? «Уходят» ли они покойно или отбиваются от смерти затвердевшими в результате запущенного артрита клешнями, в которые въелись кольчатые червяки? Догадывается ли он, омар, о своей грядухлой дисфункциональности? Не предпочел бы он стать, например, скатом с белыми крыльями и глазами на пузе? Или карабкаться на деревья и пожирать фрукты, как его коллега, кокосовый краб, животное проворное и зазубренное? Когда я говорю, что какое-то животное — такое или сякое, я даже мысленно не собираюсь давать ему субъективную оценку. Еще меньше, человеческую. Я намерен определить сам смысл его судьбществования. Я не получал писем из Родимого Города. Я упорно трудился. По вечерам, когда я возвращался, улицы казались мне такими матовыми. Я думал об отце, матери, братьях; потом о гепарде, которого видел

в прошлый раз в Зоологическом Саду. Может показаться странным, но он по натуре — рыцарь. Каков скачок от гепарда к омару, хотя последний также носит доспехи.

Я представляю себе, что случится, если на земле останется один человек и один гепард. Оба шагают по поверхности планеты гордыми и свободными попутчиками. Вероятно, так оно и будет. Теперь представим себе, что какую-то катастрофу смогли пережить один человек и один омар. Горизонт затянут маревом. Изнемогающий человек освобождается от разбитых ботинок, от изодранных носков. Чтобы облегчить боль, он окунает кровоточащие ноги в море. Омар подбирается и откусывает ему большой палец. Человек, утратив способность кричать, склоняется к поверхности воды и говорит омару: «Омар, на этой опустошенной земле в живых остались мы одни! Мы — единственные живые существа во Вселенной, нам предстоит в одиночку бороться против вселенского бедствия. Омар, ты согласен заключить со мной союз?» Но животное пренебрежительно поворачивается к нему панцирем и направляется к другим океанам. Кто знает, о чем грезит омар? И что можно думать о его непостижимом суровществовании? Образ непреклонного

и невозмутимого омара разрывает небо людей своими умонедоступными клешнями. Поверх туманных крыш, через открытое окно я словно вижу, как внезапно вскидываются его грозные клешни, смыкая и размыкая свои гигантские клещи для того, чтобы кромсать созвездия.

Я не добился почти никаких успехов в изучении Чужеземного Языка. Мой Учитель меня предупредил — если мне удалось правильно его понять, — что я вернусь в Родимый Город не более двуязычным, чем раньше, возможно, даже наоборот, еще менее[13]. Что тогда скажет мой отец, а вместе с ним и весь город? Это могло бы стать поводом для беспокойства, если бы у меня не было других, более значительных.

Неужели животная жизнь — постоянное счастье? Опять отправляюсь в аквариум рассматривать морских языков и дорад. Я смотрю на них беспристрастно, объективно. И что же? Рыбы мне не кажутся особенно счастливыми:

---

[13] Примечания: 13

В стихотворении «Плавание 1922 года» (сб. «Рассекая волны») Кено рассказывает о своем возвращении из Англии: «Ayant le pied marin mais ne sachant pas mieux / Que lorsque je partis la langue de Chexpire» (Освоив путь морской, я знал ничуть не лучше / По возвращении шекспировский язык). Незнание чужеземного языка подчеркивается искаженной орфографией имени: Chexpire, причем по-французски pire означает «хуже».

они не производят такого впечатления. Это еще одна категория, которая не применима к этой животноморской жизни. Счастью здесь не место. А несчастью? На это морские угри, языки и тюрбо не могли мне ничего ответить. Я перестал уделять им внимание и направился в отдел, который еще не видел и который служит убежищем тропическим рыбам. Там были и раковые, и козероговые, и прочие угреобразные морского происхождения. Одни рыбы были с усами или перьями, другие — с собачьей мордой или усеченным туловищем. Миллиметровые индивидуумы, перемещающиеся с сумасшедшей скоростью, казались совершенно прозрачными. Более крупные позволяли себе всевозможную орнаментацию: полосы, точки, цвета. Эти рыбешки придали моей мысли совершенно другое направление, такое же беспутное, как и предыдущие; мне почудилось, что эти крохотные создания, возможно лишенные всякого мало-мальски связного видения мира — насколько я представлял себе в то время, — демонстрировали, по крайней мере в каком-то смысле, все признаки веселости. Резкие и абсурдные повороты, зигзаги, описываемые ими в воде, — какими бы неоправданными они ни представлялись с точки зрения не важно какой

и не важно насколько расстроенной системы, — случайность этих прерывистых траекторий, все это мне показалось проявлением определенной радости, которая, по моему мнению, может быть исключительно тропической.

Это открытие толики человечности в поведении рыбьей живности или — возражаясь иным, но почти идентичным образом — это открытие истинной жизнерадостности, соответствующей человеческому представлению о жизни, притупило чувство тревоги, которое охватывает меня всякий раз при посещении аквариума. Именно в этот момент я заметил недалеко от выхода слабо освещенный угол, в котором дремала стеклянная клетка. Я не ведал, что это было. Я туда пошел.

С одной стороны, даже хорошо, что я туда все же сходил: в интересах науки о жизни. Но с другой стороны, я бы обошелся и без этого страшного зрелища. В одиноком сосуде помещались (помещались!) несколько белых червяков: это

были рыбы, точнее, пещерные рыбы[14]. Вдали от солнца они утратили зрение[15]. Они забыли все цвета, а от плавников у них остались лишь крохотные червеобразные отростки. Тишина[16] и мракость моря — это еще и фосфоресценция и эхо. В полостях подземных пещер, где застаивается чистая вода, — тишина и минеральная мракость. Там тоже можно жить. Там живут обитатели, но какие обитатели: белесые личинки, претендующие на звание рыб! Их предки, говорится в пояснительной табличке, были славными рыбами с живым оком и прытким плавником: они носили цвет, как все, что свет ласкал. Но привычка к темени их изменила, и вот они здесь. И они живут! Живут! Некоторые люди видят в этом подтверждение силы, изворотливости и неис-

---

[14] Примечания: 14

Amblyopsidae, троглобионтные рыбы отряда карпозубых, обитающие в пещерах. Голова голая, глаза редуцированы и закрыты кожей, лишены плавников и окраски, анальное отверстие отодвинуто к горлу. Встречаются в раннем тексте Кено, опубликованном в журнале «Сюрреалистическая революция», № 5 (1925): «Я увижу, как рыбы плывут в глубины, что ученые называют бездной морской» (Сюрреалистические тексты И. Полн. собр. соч. Библ. Плеяды, т. I, Галлимар, 1989, с. 1031). В сб. «Рассекая волны» (1969) существует стихотворение под названием «Глубоководная рыба».

[15] Примечания: 15

Тема присутствует уже в ранних произведениях Кено: «…рыбы слепые, водоросли белые, тайны глубин…» (Сюрреалистические тексты I. Полн. собр. соч. Библ. Плеяды, т. I, Галлимар, 1989, с. 990) или «из глубин поднимается шторм, за собой увлекая безглазых рыб…» (Сюрреали-

стические тексты. Новая Глава. Полн. собр. соч. Плеяда, т. I, Галлимар, 1989, с. 1048).

[16] Примечания: 16

Ср. «…рыбы, что плавают в тишине…» (Р. Кено. Сюрреалистические тексты II. Полн. собр. соч. Библ. Плеяды, т. I, Галлимар, 1989, с. 992).

требимости жизни. А я, я плакал, глядя на этих аквамерных пещерных жителей, размышляя о суровой жизни, которую они ведут. Это трудно себе представить: породиться, побыть, подохнуть, мракостными, слепыми. Но способными к воспроизводству. Какая пронизывающая, прободная тайна в этом настойчивом стремлении выжить в самых жалких условиях. Да, жалких! Они жалкие! Однако если бы у них была способность… я не говорю, думать, но… однако если бы у них было… я не говорю, сознание… если бы у них была способность к трансцендентности? Да, именно так: способность к трансцендентности. В этом нет ничего, что походило бы на человеческую жизнь. Это было бы совершенно нечеловечно и неподвластно никакому объяснению; и тем не менее тогда был бы какой-то смысл в том, чтобы жить такими: слепыми, мракостными.

Слепые… Мракостные… Я долго плакал.

Мне написала мать. Жан совершает долгие походы по Знойным Холмам, этим суровым и неистовым горам, куда никто никогда не осмеливается подниматься. Отсутствуя уже несколько дней, возможно, он дошел до Окаменяющего Истока, возможно, до вершины Большого Минерала, самой высокой из этих гор. Все это беспокоит

мать. Она боится, что он не вернется. Но отец никогда не корит его за это. Что касается меня, то я должен трудиться и оказаться достойным большой чести, которую мне оказали. Да, я не прочь оказаться достойным, но этот чужеземный язык кажется слишком не подходящим для меня. Я не продвинулся ни на йоту. Мой учитель порицает меня и сетует. А если слух о моей немощи уже донесся до Родимого Города? А если этот умник обо мне уже доложил? Иногда мне думается, что хозяйка за мной шпионит. Ах! Как мне избавиться от навязчивости несуразных слов, которые чужеземцы употребляют, чтобы выразить то, что они считают мыслями; от необходимости видеть самих чужеземцев, заявляющихся под видом туристов, со своими бестолковыми вопросами, примитивными интересами, глупым любопытством? Говорить с ними, намыливая слюной круглозвучные вокабулы их гипердиалекта?! Фу! Гадость! Вдруг я вспомнил — но к чему это воспоминание? — об одном зимнем дне. За окном выл ветер: в своей комнате я одиноко приобщался к Весеннику; мне было, наверное, лет одиннадцать. Уже стемнело. Внезапно в комнату стремительно вошел мой отец и несколько секунд смотрел на меня, и его глаза мне показались каменными;

затем, так ничего и не сказав, он медленно закрыл дверь и ушел. Я прервал игру и задумался: я понял, что когда-нибудь стану… Нет, молчу. Это не воспоминание о счастливом мгновении, а беспокойное впечатление, предвещающее неслыханное событие.

Когда я вернусь в Родимый Город, боюсь, как бы отец, а с ним и его подчиненные сразу же не осудили меня строго, так как мое знание чужеземного языка, вероятно, покажется им недостаточным, хотя мало кто из них является знатоком, разве что переведатель[17] Лё Бестолкуй[18]. Но их мнение на этот счет меня не смутит, так как я представлю им другие сокровища; те, которые отвоевал на глубине, те, ради которых пробирался в самые опасные потайные пещеры, связывался с омаром и компрометировал себя с бесчисленными сардинами Океана. Мои раз-

---

[17] Примечания: 17

Неологизм traditaire — не только игра с классическим итальянским каламбуром: traduttore traditore (переводчик — предатель). Кроме traducteur (переводчик) здесь прочитывается traditeur (христианин, передающий священные книги или сосуды язычникам во время гонений, дабы избежать наказания) и traditionnaire (толкователь Библии согласно талмудической традиции).

[18] Примечания: 18

Имя Le Busoqueux можно разложить на buse (тупица; труба, сопло) и queue (хвост; *вульг.* член). На нормандском диалекте глагол busoquer означает «тратить время на бесполезные вещи».

мышления о жизни — вот что я им преподнесу, и тогда, только тогда Родимый Город сможет возгордиться тем, что меня породил.

Только утрачивая жизнь такой, какой ее воспринимает человек, я достигаю цели своих исследований, и эта цель четко и пронзительно представляется в образе пещерных рыб. Сегодня я опять пошел к ним. Я подумал, что если бы они были способны на трансцендентность, то какой нечеловечной она бы оказалась! Но возможно ли это? Я смотрел на них. Сосуд, в котором они помещаются (помещаются!), не очень большой. Горизонтальная лампа освещает их слабо — как и положено. Вода внутри кажется стоячей — опять-таки как и положено. Их там четыре, не больше.

Может быть, остальные прячутся от света более основательно. Они практически ничем не заняты. Чаще всего пребывают в неподвижности. Когда двигают «себя», то происходит что-то вроде беловатого перетекания; тусклый живот слегка задевает песок и через несколько «шагов» замирает. Интересно, когда они едят и что именно? Да, что они едят? А омар, что пожирает он? Я полагаю, рыб; это тоже может создать иллюзию проникновения в мир омара, поскольку человек также потребляет свежие морепродукты. Но эти

бледные существа? Что они едят? Траву, такую же бесцветную, как они сами? Может быть, они вообще не едят? Или едят то, что не является собственно пищей?

То, что меня интересовало всего лишь месяц назад, сейчас оставляет совершенно равнодушным. Сама жизнь, а не ее вычурный перевод на варварское наречие; сама жизнь является смыслом всей моей деятельности, и на это направлены все мои умственные силы. Но прекраснее всего то, что из этих увлекательных размышлений немедленно вытекает утверждение, выходящее за рамки теории о непознаваемости животной жизни, о ее внечеловечности. Как можно заявлять о готовности засунуть целый мир в серию взаимосвязанных понятий, я имею в виду систему, если смысл жизни омара или пещерной рыбы совершенно не поддается охвату человеческого разума?[19] Единственные категории, которыми можно отметить эту жизнь, — категории Страха, Тишины и Мрака. Для пещерных рыб, возможно, следует добавить еще Бесцветье.

Пробило два часа ночи. Из своего окна я за-

[19] Примечания: 19

Отсылка к «Песням Мальдорора» Лотреамона: «Вот рыбы… им доступно то, что запретно человеку» (Песнь 1, «Поэзия французского символизма». М., 1993, с. 292, пер. Н. Мавлевич).

мечаю освещенную комнату напротив. Ставни закрыты. Такое позднее время и эта освещенная, подобно моей, комната… Свет гаснет… А если это зеркало?

Получил письмо от отца. Положил его в карман. Еще не читал. Большую часть дня я провел в Зоологическом Саду: в основном думал о раках и их взаимоотношениях с омарами. Почему получается так, что срукществование рака оказывается более «приемлемым», а речные рыбы кажутся более «близкими», чем морские? Значит ли это, что таинственность суйществования исходит от Океана? И наоборот, что жизнь рек участвует в деятельности человеческих обществ? Это открытие меня сильно взволновало, в тот момент, когда я накачивал сдутое колесо на имперской дороге номер семь.

Вот оно, письмо. Я узнаю почерк отца и марку со штемпелем Родимого Города. Распечатываю письмо. Читаю. Ну вот. Мои рассуждения о жизни омара отцу не понравились; эти рассуждения ему не только не понравились, но даже вызвали отвращение и продолжают это отвращение вызывать. По его мнению, все это лишь бессмысленное словоблудие, чтобы не сказать — беспросветная глупость. «Мне пришлось потрудиться для то-

го, чтобы ты получил эту стипендию, — пишет он, — а теперь ты намерен разом погубить мои усилия и свое будущее. Как? Родимый Город в тебя поверил и дал возможность целый год учить чужеземный язык в той самой стране, где он произрастает, а ты все это время смотрел, как какой-то омар копошится в стеклянном ящике с соленой водой!»

Честно говоря, именно этим я и занимаюсь, чего и не отрицаю. Именно этим я и занимаюсь: омар, стеклянный ящик, вода, соль, все — так. Правильно, Отец. Я кричу тебе через моря, через земли, через ручьи, что отделяют Чужеземный Город от нашего Родимого Города, я кричу тебе безупречно поставленным голосом: правильно! Но мне не стыдно. Почтенный отец, осмелюсь тебе сказать: на этот раз, боюсь, ты не совсем прав. И сказать тебе это осмеливается твой старший сын. Мои исследования — не пустые разглагольствования. Для человеческого разума — это шаг вперед, если можно допустить, что разум человека, как и его тело, — двуногий и способен, как и оно, делать шаги. Я в этом убежден: в этом смысл моей жизни.

Я должен сделать так, чтобы отец это принял. Я открою ему тайну пещерных рыб. Его ум и бес-

пристрастность не смогут не преклониться перед глубиной и красотой моих открытий. Но это еще не все. Если он доволен Полем, спокойным, умным и трудолюбивым, то Жан, наоборот, его немного беспокоит. Что именно брат мог сотворить после моего отъезда? Недавно он вернулся изможденный, изнуренный, изголодавшийся, проведя целую неделю на Знойных Холмах. Не я ли несу ответственность за эту перемену? Я не могу ответить на этот вопрос. Откуда мне знать, из-за чего это потрясение? Да ничего я не знаю. Вот он, Жан, запыленный, взлохмаченный, с тонкими пальцами и изящными руками, побелевшими от мела холмов, чуть скривив рот вправо подобно тем, кто много страдал, проходит по улице под моим окном. Я встал, высунулся из окна и увидел, как, шатаясь от усталости, он прошаркал в изорванных сандалиях по мостовой Чужеземного Города и растворился в свете ближайшего фонаря, услышав шаги полицейского. Брат был не один.

Вот что я ответил:

Пещерными называют животных, обитающих во мракости пещер; среди них имеются и рыбы. «Среда» их ослепляет и обесцвечивает. Они похожи на личинок. Я не знаю, чем они питаются,

и полагаю, что нельзя оставаться равнодушным перед самим фактом их сплюществования. Что касается меня, то всякий раз, осознавая факт этого слуществования, я чувствую внезапную слабость. После того как мы прошли стадию этого первого, чисто сентиментального сопоставления и всесторонне его углубили, можно отметить, что оно не только аффективно, но означает еще и саму реальность, то есть оказывается Нечеловеческим. Я хотел бы объяснить отцу, что жизнь не есть что-то совершенно доступное различным органам восприятия человека, что приписываемые ему этические и эстетические ценности не имеют отношения ни к одной из форм жизни, а следовательно, еще меньше к Жизни Самой по Себе[20]. Я немного развил сюжет, и у меня получилось длинное письмо на десяти страницах. Еще четыре страницы — матери, четыре — Полю, десяток почтовых карточек родственникам (я не забыл написать самую слезливую и благодарную открытку своей гнусной шлюховатистой старой бабке со скрюченными пальцами и длинными клыками, окопавшейся на маленькой ферме

[20] Примечания: 20

Реминисценция темы «нечеловечности» и «ужасности» бесцветных животных в романе Г. Мелвилла «Моби Дик» (гл. XLII «О белизне кита», гл. LVIII «Планктон»).

вдали от Города, почти у самых гор; это она прислала мне междугородний перевод для покупки лекарства от подстерегающей меня болезни: ретроградной тошноты). Затем отнес все на почту. Сходил к учителю. Пообедал. Поприсутствовал на лекции и в полчетвертого поспешил в Зоологический Сад.

Проблемы, которые ставит поведение млекопитающих, не внушают мне особого беспокойства. Животные бывают в разной степени глупыми, милыми, красивыми и вонючими, но все они пребывают в рамках жизни, к которой принадлежит человек. С птицами тоже еще не все потеряно. Тайна совы есть тайна человеческая.

Быть может, первые опыты столкнули меня в слишком глубокую пропасть. Быть может, долгий и медленный спуск оказался бы предпочтительнее. Выжившее в человеке я искал бы у обезьяны, затем у собаки, кошки, слона, енота-полоскуна и так — до самого утконоса, а там и у птиц. Уже с рептилиями я предугадал бы первые трещины. Рыбы, хотя все еще относятся к позвоночным, вызывают ощущение определенной тревоги. С беспозвоночными начинается ужас.

Но подобный путь был бы слишком долгим. Среди разных видов я ищу не убыль человеческо-

го, а зарю внечеловечного.

Я погулял по Зоосаду, чувствуя себя спокойно рядом со всевозможной живностью, морскими котиками и грифами, пумами и пеликанами, кошками и пингвинами. Должен все же отметить, что колибри меня несколько смутили, но это уродство вряд ли вернет меня к созерцанию летающих пернатых. Довольно спокойно рядом с животными, подумал я, менее спокойно — с людьми. Я преисполнен недоверия к находящимся здесь чужеземцам. Я не очень им доверяю, они мне кажутся не совсем искренними. Так как же я могу вслепую бросаться в изучение их языка, возможно придуманного по частям во имя непонятно чего?

За последние два дня я ничуть не продвинулся. Я был в Музее, где теснятся тысячи чучел животных и миллионы насекомых. Но эта сутолока меня не интересует. Зато я отметил, что служащий, у которого я спросил, где находятся удобства, ответил на Моем языке. Это весьма странно. Ибо: кто среди чужеземцев решится учить наш родной язык? Будущий турист? Или, быть может, я не расслышал? Впрочем, у этого персонажа был пронзительный взгляд, не вязавшийся с его должностью (а, собственно говоря, какой?) и

вежливостью речи. Но мне удалось ускользнуть от его когтей, боюсь, довольно дерзким образом. А что, если он был невиновен в таинственных намерениях, которые я ему приписал и которые я сам даже не сумел себе представить?

Вечером шел дождь; новости, которые я получил из Родимого Города, далеко не из приятных. Учи чужеземный язык, вот что повторяет на шести страницах моя мать. И будь достоин Стипендии, добавляет она. В конце, в постскриптуме, она говорит, что поведение Жана ей кажется все более и более странным, но его (мой) отец прощает ему все. Это письмо произвело на меня неприятное впечатление. Интересно, почему?

Учить чужеземный язык! — вот единственный совет, который она может мне дать. Мне так и слышится, как весь Родимый Город шепчет вместе с ней: учи чужеземный язык! А я его ненавижу, этот чужеземный язык. Терпеть его не могу. Я вообще не хочу его учить. Однако ужасно возвращаться, не оправдав оказанную мне честь, и слышать, как повсюду шепчут, что я ничтожество и лентяй, что мой отец по своей прихоти распоряжается почетными отличиями и материальными средствами сообщества. Ах!

Как будут ликовать всякие там Спиракули[21] и Квостоганы![22] Как они будут притоптывать от удовольствия! Как будут облизываться от удовлетворения!

Хотя я повторяю себе все это почти ежедневно, такого рода исход меня все равно не пугает; несмотря на точку зрения отца, который, как мне кажется, не очень хорошо разбирается в сложившейся ситуации, я уверен, что, спроецировав свои исследования на сограждан, смогу разом разрушить эту жалкую клевету и вызвать их одобрение, уважение и почет.

Все это было уже написано, когда я получил еще одно письмо, которое меня совершенно удручило. Он не видит никакой необходимости в том, чтобы я себя изводил и обезвоживал мозги из-за каких-то ничтожных тварей. Время, которое я на них потратил, потеряно для вещей важных, то есть для моей карьеры дипломированного гида-переводчика-толмача-драгомана. А еще он советует

---

[21] Примечания: 21

Paracole — от искаж. *фр.* caracole (спираль, улитка) или caracoler (гарцевать). Возможно, неологизм образован сочетанием *гр.* παρα (рядом, около) и *гр.* κόλλα (клей) или *лат.* cole (обрабатывающий).

[22] Примечания: 22

Catogan или cadogan — (от имени английского генерала Кейдогена) манера убирать волосы, стягивая их на затылке лентой или тесьмой. Возможно, имя образовано сочетанием: *гр.* κατα (вниз, снизу) и *фр.* gant (перчатка).

не говорить ни слова об этих эхстравагантностях согражданам, поскольку «ты увидишь, как они над тобой посмеются». И наконец, если я буду и далее упорствовать в своих заблуждениях, что неукоснительно опозорит всю семью, он будет вынужден прибегнуть к суровым мерам. Но не написал к каким.

Ну вот. Ничего не понимаю. Это выше моего понимания. Как он мог до этого додуматься? И как он может до такой степени заблуждаться относительно значимости моих исследований? Как он мог дойти до таких слов, как «суровые меры»? Неужели я невнятен? Но ведь он еще более невнятен! Возможно, его подначили? Но кто? И зачем? И как быть теперь? Над моей головой сгущается столько туч, и их словно предвещают всякие необычные проявления Чужеземного Города. Вероятно, не без основания хозяйка мне улыбается всякий раз, когда, проходя мимо, я несуразно представляю себе, что она знает то, чего наверняка знать не может.

Возвращаюсь к насекомому. Возобновляя движение от омара, я должен был бы, говоря о нем, опять восходить к человеку, поскольку насекомое ползет параллельно человеку. Так, муравей с тремя парами лап и трахейным дыханием яв-

ляет собой идеальный образец членистоногих, а факт общественного проживания стирает в его суобществовании внечеловеческое, хотя, с другой стороны, эта коллективная жизнь кажется гнетущей. Я искал нечто другое и нашел это у омара и пещерных рыб: необъяснимый ужас, который внушают некоторые аспекты жизни, и их совершенная необоснованность с точки зрения высших существ, я имею в виду как волка с глазчатой ящерицей, так и человека с бакланом.

Чем больше об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что не иначе как Океан придает жизни населяющих его существ тот внечеловеческий характер, который меня поражает неимоверно у омара и не особенно у муравья. И действительно, достаточно сравнить устрицу с улиткой, то есть океанскую жительницу с земной, так вот, вторая — не такая уж таинственная, и вид у нее не такой уж непостижимый. Возможно, какими-то чертами характера улитка похожа на черепаху… Полевые прогулки уводят улитку в область чисто человеческих оценок. Тогда как устрица… эта разновидность плевка, с ее брутальной манерой нисколько не интересоваться внешним миром, с ее абсолютной изоляцией, да еще это болезненное жемчужное выделение… стоит только чуточку

вдуматься, и меня тут же охватывает ужас. Это живое существо, ЖИВОЕ! Оно живет, ЖИВЕТ! неопределенно прилипнув к скале, живет неподвижно, невозмутимо, свирепо, открывая зев только для того, чтобы безжалостно захлопнуть его за несчастными микроскопическими организмами и бедными водорослями. Вот что такое жизнь. Они, эти устрицы, размножаются и вроде бы даже (стыдно писать) гермафродитничают; короче говоря, живут. И даже умирают, причем ужасной смертью! Улиток, по крайней мере, варят перед тем, как съесть; устриц же пожирают живьем.

По сравнению с устрицей мидия — пример еще более показательный и более подходящий для области «ужасного». Следует отметить, что эта маленькая липкая масса, коллективная глупость которой осваивает сваи пирсов и молов, — живет на том же основании, что и какая-нибудь корова. Ибо для жизни нет разных мерок. В ней нет большего или меньшего. В каждом живом существе жизнь представлена целиком. Мидию переполняет та же совершенная жизнь, что и корову или человека. То, что мидии вообще или какая-нибудь мидия в частности могла бы иметь пусть не сознание, но определенную способность

к трансцендентности, вновь ввергает меня в пучину страха и неуверенности.

А глубинная голотурия? Представляя собой всего лишь некое подобие трубки, она добывает себе пропитание в полном и равномерном мраке океанических глубин, на самом дне водяной пропасти, волоча по красноватому песку свои невыразительные и измученные формы, избавленная от человеческой опасности и свободная от страха…

Свободная от Страха. Я замираю от восхищения.

С полуночи и до сих пор я пребываю в полном изумлении. Вне всякого сомнения, именно в полночь меня головокружительно озарило[23]. Я весь день пытался проанализировать это состояние, но у меня ничего не получилось, что является явным доказательством озарения. Я размышлял об этом и ближе к вечеру, совершая нелепое перемещение от съемного жилища до Высшей

---

[23] Примечания: 23

Реминисценция темы «головокружительного озарения» у Ш. Бодлера: «бездна» «разум, подстерегаемый головокружением», «пропасть», «глубина», «молчание», «нечувствительность» («VIII Бездна» из сб. «Новые цветы зла», 1866) или у В. Гюго: «На дно безвестных вод мой дух меня увлек, / И в бездне плавал я и наг и одинок, / От несказанного к незримому блуждая» («Бездны мечты». Собр. соч. М. 1953, т. 1, с. 454, пер. Д. Бродского).

Школы, где произносилась лекция на тему времен в чужеземном языке начиная с архаической эпохи и заканчивая нашими днями. Итак, я думал и понял: то, что я открыл, было, несомненно, общим местом, но, открытая мной, эта банальность становилась головокружительной. Я поспешил об этом известить. Сначала телеграммой, потом срочным письмом, которое написал, сидя на скамье под взором уличного полицейского, который был немного похож на поставщика Капюстёра[24], хотя и превосходил его атлетически; это сходство мне напомнило, что, когда мне было лет двенадцать, этот индивидуум имел привычку говорить в мой адрес: «Несмотря на глупый вид и плоскостопие, из этого парня что-то да получится», на что мой дорогой папа отвечал: «Вид у него и правда глупый, а вот плоскостопия у него нет». Так вот, теперь он мог бы добавить: «Да, из него получилось нечто головокружительное».

Сам факт моего головокружения совершенно меняет сложившуюся ситуацию. Как складывалась она до того, как случилось оно? До этого мне предстояло вернуться в Родимый Город неудачником, неспособным использовать чужеземный

[24] Примечания: 24

Choumaque может разбиваться на chou (капуста) и mac (*жарг.* сутенер) или macque (мяло для льна).

язык для обслуживания туристов, и оправдываться россказнями о своих исследованиях, поскольку они не привели ни к какому результату. Катастрофа. Тогда как теперь! Поскольку головокружение является неоспоримой субъективной реальностью, отцу ничего не останется, как меня признать, а я оправдаю свое незнание чужеземного языка демонстрацией своей головокружительной озарительности! Таким образом, я стану первым родимогородцем, который ступил на самый трудный, самый изнурительный и самый увлекательный путь, ведущий к глубинам жизни[25].

Я дошел до поворотной точки, до решительного момента; я открыл категорию, которая объединяет устрицу, омара и человека: страх. Я знаю, в каком-то смысле это банальность. Трюизм, повторяю я, заявляя, что два основных инстинкта — это инстинкт сохранения и инстинкт воспроизводства; можно сказать, что страх есть проявление первого из них. Но, учитывая прой-

---

[25] Примечания: 25

Реминисценция темы стихотворения В. Гюго «Что слышится в горах» (1829): «И я задумался. Мой дух на той вершине / Обрел крыла, каких не обретал доныне, /Еще подобный свет не озарял мне путь, / И долго думал я, пытаясь заглянуть / В ту бездну, что внизу, под зыбью волн таилась, / И в бездну, что во тьме души моей раскрылась. / И вопрошал себя о смысле бытия, / О цели и пути всего, что вижу я…» (Собр. соч. М. 1953, т. I, с. 432, пер. В. Левика).

денный мною путь, и речи быть не может о том, чтобы остановиться на этом классическом этапе. И действительно, страх порождает беспокойство, а беспокойство как раз и является тем высшим признаком человеческого, исчезновение которого меня так пугало. Устрица — беспокойна, омар и треска — беспокойны и тем самым близки человеку. Их внечеловеческое очеловечивается, их жизнь обосновывается, их струсществование узаконивается. Между человеком и омаром, между омаром и устрицей существует (помимо общей буквы[26]) эта связь, этот мост, эта солидарность: страх.

Но не в этом кроется мое открытие. Мое озарительство, моя головокружимость заключаются в том, что я вывожу на свет живых существ, которые ничего не боятся и даже не понимают, чем страшна «красивая смерть»; живых существ, которым не приходится опасаться прожорливости других живых существ и вредоносности бактерий; живых существ, которые находятся по другую сторону страха, а именно пещерных рыб и глубинных голотурий. Хотя подземные воды и прозрачны, они тем не менее эквивалентны

[26] Примечания: 26

Во французском языке все три слова начинаются с буквы «И»: человек — homme, омар — homard, устрица — huotre. *(Примеч. перев.).*

тинистым безднам океана. И не надо оспаривать мои слова, опираясь в споре на всякие якобы бесспорные возражения вроде: у них, глубинных голотурий, возможно, есть СВОИ инфекционные заболевания, а у пещерных рыб — СВОИ раки и туберкулезы! И не надо меня спрашивать, дескать, что о всяких вы там думаете вершах океанографов и сетях спелеологов? Что я думаю? Кто, я? Я, я помещаю их в скобки — как болезни, так и ученых — и продолжаю свое описание. Вот так вот запросто, в скобки. Удивительное и чудодейственно потрясающее открытие! Возможно, они сохраняют следы старой боязливости: одни — с тех времен, когда их подвижноглазые и легкожаберные предки плавали в неделимых на свои и чужие водах, опасаясь крючка и щуки; другие — с тех времен, когда их пращуры населяли водоросли, растущие у поверхности тех морей, куда гастрономически эволюционировали джонки дальнего плавания. Возможно, они хранят следы этой боязливости в своем альбумине! Но теперь ни тех, ни других уже не корежит от тревог и страхов, они живут, одинокие и несуразные, в густой тьме и абсолютной тишине вод. Ни тех, ни других ничто не сближает с человеком; они отделены от него ямами и водоворотами. Их жизнь — уже не

наша жизнь. И все-таки это Жизнь. И она от нас ускользает. Само отсутствие страха кажется нам отсутствием жизни, и тем не менее это — жизнь, очень далеко, очень глубоко под нами.

Поглощенный многочисленными думами, заплывающими мне в череп с того небывалого момента в позавчерашнюю полночь, я приехал к учителю с опозданием. Я не знаю того, что должен знать, и забыл даже то, что знал. Очевидно, у меня нет никакого шанса когда-нибудь дойти до удовлетворительных манипуляций чужеземным языком: вот что он думает, мой учитель. Я тоже так думаю. Он написал моему отцу, чтобы оповестить. Пусть. Еще несколько дней назад этот новый факт меня бы расстроил. Теперь его последствия мне абсолютно безразличны. Думаю, после моего вчерашнего письма это вообще не имеет никакого значения. Любой нехто может научить маленьких детей тарабарщине, но кто сможет, хотя бы чуть-чуть, осветить густые тайны глубинной жизни[27], если не Пьер Набонид?

---

[27] Примечания: 27

Отсылка к Демокриту: «На самом деле мы не знаем ничего, ибо истина сокрыта в глубине» и «…обвиняй природу, которая, как говорит Демокрит, истину спрятала далеко в глубине [моря]» (Демокрит в его фрагментах и свидетельствах древности. ОГИЗ, 1935, с. 171, пер. А. О. Маковельского).

Учитывая обстоятельства и как следует поразмыслив, я решил, что бесполезно продолжать недомогающие меня ученья. Я предупредил об этом учителя, Муниципальный Совет, отца: три официальных письма. Я пробуду здесь еще несколько дней, затем, к Празднику вернусь домой. Приняв эти взрывные решения, я увидел, как передо мной расстилается весь этот долгий день, очень светлый и очень свободный. Давно уже у меня не было такого ощущения, думаю, с того дня, когда, выехав как-то рано утром на велосипеде с младшим братом, я заметил перед собой большую дорогу, нежно освещенную ранним солнцем. Где мой брат сейчас, в эту минуту, когда я вспоминаю о том мгновении? Опять этот одинокий скиталец бродит по Знойным Холмам?

Размышляя таким образом, я гулял по улицам Чужеземного Города. Меня привлек его центр, который я знал очень плохо. Сначала я шел, не обращая особого внимания на то, что меня окружало, но под конец мне представилось, что встречающиеся на моем пути люди выдавали не то чтобы замечания в мой адрес, но скорее намеки на мою ситуацию и на интересующие меня вопросы. Разобраться в этом было нелегко. Ведь я довольно плохо понимаю чужеземный язык,

и потом не очень хорошо представляю, как эти люди могли оказаться не только в курсе особенностей моего судьществования, но еще и на моем пути, прямо на моем пути. К тому же странно, что эти случайности и совпадения следовали одно за другим с такой быстротой; я встретил не менее пяти групп, чьи высказывания, мною улетносхватываемые, но подвохонеуловимые, похоже, имели какое-то отношение к моей личности.

Ощущая некую неловкость (гнетущую), я добрался до сердцевины города. Я с беспокойством взирал на то, как машины кружатся по кольцу вокруг обелиска, пока центробежная сила не выталкивала их на радиальные улицы. Я пребывал в нерешительности и тут заметил напротив здание казенного вида. Обогнув отрезок пустоты, вокруг которой циркулировали автомобили, я добрался до казенного здания: это был какой-то музей или скорее Государственный Универсальный Музей. Я вошел внутрь и был неприятно поражен тем, что главная лестница насчитывала четное количество ступеней.

Но к чему я так долго все это рассказываю? И все же продолжу. В зале, посвященном стеклянным изделиям или, скорее, украшениям, меня охватило сомнение в реальности настоящего

момента, радикальное сомнение в самом себе. Я замер, машинально разглядывая свое лицо в каком-то подобии кривого зеркала; я отметил, что у меня был как раз тот туповатый вид, который мне всегда приписывали, а эта туповатость усиливалась из-за зеркальной кривизны, придававшей моему изображению тусклую тягучесть. Так я и стоял и говорил себе: а если нет? А если нет? И думал о своем возвращении в Родимый Город, то есть об отце. Я, должно быть, застыл надолго, так что заинтригованный смотритель уже принялся кружить вокруг да около. Я уже не в первый раз замечал, сколь причудливым образом все служащие этого Чужеземного Города схожи со знатными лицами Родимого Города, как будто это их двойники охраняют все эти далекие нам сокровища. Этот охранник был похож на Лё Бестолкуя: тот же старческий вид на стадии усушки, та же четкая морщинистость, та же слюнтявая манерность. Присутствие этого бурлескного персонажа вызвало у меня отвращение. Я поспешно вышел из сего места, но докучливое сомнение не переставало свербить.

Приближается тот день, когда я покину Чужеземный Город, покину без сожаления, сказал бы я, если бы был уверен в том, что горжусь своими

размышлениями о жизни обоснованно. Но я сомневаюсь. В этом вопросе я не сумел побороть тревогу. Окружающие чужеземцы пропитывают меня всего каким-то дурным предчувствием; настолько хорошо они, похоже, угадывают мои беспокойства. Слышимые порой разговоры меня невероятно стесняют. Вселенская тягость так и давит. Я сбежал в большой Парк пригородного района и там принялся вновь размышлять о существах, живущих в темени и тишине вод. Отныне меня интересуют только рудиментарные формы: губки, черви (земляные червяки кажутся такими чувствительными), жгутиконосцы. Вот, вот: может, мне следовало выбрать прежде всех остальных одноклеточную инфузорию? Вместо того чтобы перебираться через пропасть, зияющую между человеком и омаром, можно было бы пересечь одним махом трещину, разделяющую бациллу и уистити[28].

Так я размышлял, сидя в охре умирающего газона; там валялись несколько пустых пачек из-под сигарет, использованные автобусные билеты, осколки. Мой велосипед преданно лежал подле меня. И я себе сказал по поводу автономной

[28] Примечания: 28

Порода маленьких обезьян семейства игрунков, обитающих в тропических районах Южной Америки.

клетки, питающейся окружающей ее однородной средой: я вижу ее в глубинах вод, я замечаю, как она незаметно развивается в толщах вод. Слепая. Немая. Глухая. Она там живет, и если трансцендентирует, то должна восприниматься как единица, живущая посреди другой единицы, как единица, которую не затрагивает множественность, поскольку раздвоение эту единицу не размножает. Она живет, слепая, немая и глухая. Живет вне страха, ибо не знает, что есть враги. Она знает только одну единицу, Океан, но не ведает Страха. Она знает только эту другую единицу, единицу питающую, но не знает пожирающих множеств, даже если компрометирует себя в потребительской деятельности по отношению к равному или превосходящему живому существу; для меня это всего лишь малозначительная деталь. В тот момент, когда я все обдумывал, меня сбили с толку. Проходили люди, которые хотели придать значение тому факту, что они проходили. А два человека подошли очень близко и затараторили; как мне показалось, я разобрал, что они высмеивали кого-то, кто плохо говорил на их языке. Речь шла не обо мне, но их ирония меня разозлила. Я встал, оседлал велосипед и погнал прочь. По дороге люди останавливались

и были готовы, как мне показалось, показывать на меня пальцем. Я прибавил скорости.

И тут моему взгляду разом представились все внечеловечные существа, которые живут в водах, пещерные рыбы, глубинные голотурии, амебы; я узрел их всех, слепых, немых и глухих, и понял, что категории, позволяющие к ним приблизиться, — вовсе не те, что ограничивают человека, а те, что измеряют эмбрион, что их жизнь есть жизнь утробная, и существуют две жизни: жизнь человека и жизнь зародыша, и существуют две системы категорий, и что Жизнь — не только Различие, Движение, Свет и Обновление, но еще и Молчание, Мракость, Неподвижность и Единичность, не только Беспокойство, но и Отдых, не только Страх, но и Покой: И я увидел, что одна из этих систем относится к будущему и называется Славой, а другое — к прошлому и называется Счастьем. И я понял, что только что, пока я несся на велосипеде, преследуемый угрозами (вероятно, пустыми) всего Города, встревоженного моим присутствием, меня озарило вторым головокружением.

На этот раз дело серьезное. Мой отец, которого я люблю и уважаю, тот, кто является для меня примером, в тени которого я вырос, тот, кто меня

защищал, направлял, учил, тот, к кому все меня обращает, как к единственному существу, который был властелином моего детства, законным повелителем и наставником, который всегда выказывал по отношению ко мне свою любовь, привязанность и дружбу, тот, кто вывел меня из детских пеленок, дабы подвести к половой зрелости, наконец, тот, благодаря кому я был принят в науку и, следовательно, смог завоевать Почетную Стипендию для Изучения Чужеземного Языка, тот, кто, таким образом и в некотором смысле, оказывается косвенным соавтором моих открытий и ответственным за мои головокружения, мой отец от меня отрекается. Он больше не желает меня видеть. Я — больше не его сын. Моя фамилия больше не Набонид. Мое недомыслие, безумие, пресловутое головокружение, я могу их оставить себе вместе с расстройствами и извращениями, я больше не люблю ни Его, ни Маму, ни Поля, ни Жана, ни бабушку Паулину, ни всю нашу семью. Я — семейный стыд и вырождение. Мой отец, будучи образцом чести, немедленно вернул стипендиальную сумму Родимому Городу. Я показал себя недостойным отличия, которым он меня отметил, но, как свинцовое грузило, еще способен утянуть в болотистый овраг позора маму, братьев

и всю семью. Вот что написал мой папа.

Я возвращаюсь через три дня. В сегодняшнем письме Поль, не вдаваясь в подробности, заявил, что при встрече откроет мне удивительную тайну. Естессно, я вызываю беспокойство, но, пишет он, «к счастью, подготовка к Празднику занимает все умы. Об истории с тобой никто не говорит, не считая Спиракуля; но его никто не слушает, кроме Квостогана». Вот так, мой Родимый Город волнуется вдали от меня, Родимый Город, дорогой Родимый Город. Вскоре я вновь займу свою комнату в доме отца, в этой старой обители, которая воздает честь Площади-с-Музыкой балконом из кованого железа. Мои сограждане смогут меня осудить, и я им объясню, что такое жизнь, и каким совершенно внечеловечным образом трансцендентируется существование в скалистых щербинах, и что жизнь это еще и сон, равно как и беспорядочное движение маленьких тропических рыб или беспрерывная активность обычного муравья. Я проясню им феномен, и тогда они пересмотрят опрометчивые осуждения, которые смогут сформулировать, да, они все пересмотрят, мои сограждане, знатные лица в том числе, и сам Спиракуль, и даже мой отец. Ибо отец так сурово осудил меня только потому, что

доверился неточным донесениям, поступившим невесть откуда. Но когда, я окажусь там, ему придется склониться перед моей сокровенной истиной. Они все вынуждены будут склониться перед моей сокровенной истиной, так как я принесу им истину, и мало того, что свою, да еще и сокровенную, ту, которую я видел своими глазами, видел сам и видел только я. В свой Родимый Город я вернусь опозоренным и обесчещенным, посрамленным и запятнанным. Первые контакты будут унизительны, да, знаю, что поначалу мне придется сносить оскорбительные взгляды всего Города. Они примут меня за постыдника, за того, кто должен стыдиться. Однако я донесу в голове или еще где многие тайны жизни. Да, эта голова, неспособная ответить на доверие Города, эта голова, которая не сумела забиться пустыми вокабулами чужеземного языка, эта голова содержит в себе решение тьмы трепетных тайн. Так вот я ее не склоню, как кое-кто там уже наверняка предполагает. Тот, кто к ним вернется, будет уже не похож на того, кто от них уезжал, ибо отныне он отмечен головокружительностью.

Еще два дня. Я заперся в своей комнате, чтобы выкристаллизоваться. Хозяйка спросила, не болен ли я. Нет, ничуть. Из-за нее я отвлекся. Как я

мог так долго сносить ее лживое и притворное лицо? Не она ли писала моему отцу лживые донесения на мой счет? Возможно, ей платят за то, что она за мной шпионит, откуда мне знать? Отныне весь Чужеземный Город кажется мне ответственным за те недоразумения, что вредят мне в моем Родимом Городе. А учитель, возможно, и он принадлежит к тому типу людей, что меня ненавидят из зависти, презирают из ревности, коварно шельмуют, азартно уничижают, тупо дискредитируют. Они довольствуются инсинуациями. Они плохо выговаривают свой собственный язык для того, чтобы я его не понимал, или, наоборот, произносят его хорошо для того, чтобы я понимал его превратно. Даже если они делают это несознательно, они делают все для того, чтобы я думал именно так. Во всяком случае, подозрительными мне кажутся по меньшей мере некоторые из них, например — моя хозяйка.

Итак, я закрылся в своей комнате, чтобы помозговать над всем этим, я повторил то, что вчера написал. Громким голосом прочел то, что вчера сочинил. Остался этим, как и вчера, удовлетворен. Истина восторжествует над несправедливостью, а головокружительность — над присяжной усид-

чивостью[29]. На вокзале меня не будет встречать ни оркестр Города, ни знатные лица, ни хор девушек, ни папа, ни мама. На вокзале меня встретит лишь издевка и насмешка, с одной стороны, стыд и позор — с другой. Именно так все и должно произойти, но маяку и сердцу остается только ждать. Ну, где это видано, чтобы ложь побеждала правду?!

Мать прислала мне совершенно мокрое письмо, надеюсь, от слез. Почерк неразборчивый. Я из него мало что понял. Чего она хотела? В свою очередь меня приговорить или «утешить»? Предупредить? Местами я вроде бы разобрал: она советует сделать то и се, но ее советы кажутся мне слишком запустанными. За этими каракулями — презрительный гнев отца. А еще я получил смятую записку, написанную карандашом: «От Родимого Города до фермы бабушки Паулины двадцать пять тысяч девятьсот двадцать ша-

[29] Примечания: 29

Игра однокоренных слов assis (сидящий) и assise (фундамент, основание; ассамблея, собрание правителей) вызывает ассоциацию с *фр.* cour d'assises (присяжные заседатели). Возможна аллюзия и на assise de Jerusalem (Иерусалимские акты — свод законов и обычаев, принятых в Палестине и на Кипре во время крестовых походов).

гов[30]. От основания до вершины Знойной Горы двадцать один час ходьбы, от Прохода Предков до Отменяющего Истока — тринадцать. Если ты пойдешь через Никомеда и Никодема[31], то сократишь путь. Праздник приближается. Ты не забыл об этом. Ты вернешься и сможешь присутствовать при невероятной катастрофе. Город бурлит, не осознавая, и все это плохо кончится. Мы вместе сочтем число часов, пока будет длиться трагедия, и ты запомнишь эту цифру как талисман. Ибо потом мы расстанемся. Этот Праздник будет отличаться от других. Я не зря провел столько одиноких ночей на Знойных Холмах. Одни уверяют, что я ходил на руках, другие — что бился головой о камни, дабы проверить свой череп на прочность, третьи — что хулил

---

[30] Примечания: 30

Это число соответствует периоду прецессии равноденствий (25 920 лет), половину которого «древние рассматривали как время, истекающее между двумя обновлениями мира, что в истории земного человечества должно интерпретировать как интервал между двумя большими катаклизмами» (Р. Генон. Эзотеризм Данте. Галлимар, 1957, с. 62).

[31] Примечания: 31

Никомеды — царская династия государства Бифинии, располагавшегося в северо-западной части Малой Азии вдоль южного побережья Черного моря и захваченного римлянами в I в. до н. э. «Никомед» — название трагедии П. Корнеля (1651). Никодим — фарисей, член синедриона, тайный последователь Христа (Ин. 3,1), который вместе с Иосифом Аримафейским снял с креста Тело Учителя, натер Его благовониями и положил в гроб (Ин. 19,39). В средневековых мистериях это имя часто дается наивному, ограниченному персонажу. Во фр. языке

сущ. nicodème имеет нарицательное значение (простак, простофиля).

лик ослепительной луны и бросал вызов звезде, имя которой крестьяне не хотят называть. Не зря провел я столько одиноких ночей на Знойных Холмах. Этот Праздник будет отличаться от других. Все кончится плохо. Но мы вместе сочтем часы, отделяющие нас от развязки. Помни, что Поль проживает в середине Города, поскольку он родился меж нами. Я открываю ему многие вещи, о которых нельзя написать, но действовать он не будет. Какое-то время мы с тобой пройдем вместе, потом ты вернешься к Родимому Городу, а я уеду, чтобы когда-нибудь вернуться со спутницей, о которой ты и не подозреваешь. Ибо не зря провел я столько одиноких ночей на Знойных Холмах. ЖАН».

Я сходил в Зоологический Сад. Аквариум был закрыт. Высшее испытание, последнее издевательство города, который видел, как восходила моя звезда и усиливалось мое головокружение.

Мой багаж собран, хозяйке заплачено из денег Стипендии. Комедия! Через два дня начнется Праздник, Праздник нашего Родимого Города. Через два дня наступит День Святого Жди-не-Жди. И я окажусь там.

II. Весенник

С шести часов утра Родимый Город начал оживать. Нарастающий гул изобличил пробуждение населения, исполненного надежд. На Эспланаде раскладывали свой товар лоточники и разносчики. На Центральной Площади осторожно разворачивали фаянс и фарфор для Полуденного Праздника. На тротуарах, перед кафе уже выставлялись столики, а на омнибусах и телегах уже прибывали группы сельчан. В половине седьмого Духовой Оркестр сделал небольшой круг, исполнив традиционный и си-бемоль-минорный гимн Родимого Города «Покорители Кучевых облаков». Пробуждение сделалось всеобщим.

Выплывая из сновидения, Роберт зевнул, услышал отдаленную музыку, открыл глаза и сверил время по будильнику. В соседней кровати брат по-прежнему упрямо спал. Роберт немного послушал, как тот дышит, затем прислушался к уличному шуму. Да, действительно, Праздник наступает! Он встал и босиком, в ночной рубашке сходил пописать, после чи-и-и-во опять лег и, обхватив колени руками, с энтузиазмом задумался: в этом году Праздник намечается ошеломитель-

ный! Об этом твердит весь город. Говорят, никогда еще не было столько стендов и столько посуды! А сколько туристов! А сельчане[32], что в последние дни валили валом. Среди коих самым знатным в глазах Роберта пребывал дядя Обскар[33], виноградарь. Дядя казался изрядно глуповатым, но неисчерпаемо щедрым. Сегодня утром Роберту предстояло встречать его на вокзале. Подумав об этом, он снова посмотрел на будильник, а посмотрев, опять заснул.

Когда он проснулся, на надлежащем приборе отзванивало восемь часов. Брат уже встал, мыльная вода фонтанировала вокруг. Какое-то время Роберт полежал молча с открытыми глазами, внимательно рассматривая и методически отмечая каждый жест брата: Манюэль поливал себя водой из тазика, отчего вокруг ведра образовалась большая лужа, затем начал причесываться. Дело кропотливое. Добившись желаемого результата, он склонился к зеркалу и провел рукой по щеке.

— Со вчерашнего дня выросли? — спросил

---

[32] Примечания: 32

В сб. Кено «Буколики» есть стихотворение «Сельчанин», перекликающееся с текстом «Крестьянин, что едет в город».

[33] Примечания: 33

Вклинившаяся буква «Ь» сближает мужское имя Oscar с часто используемым в романе прилагательным obscur (темный, мрачный); ср. обскурантизм.

Роберт.

— Наконец-то проснулся, — ответил Манюэль.

Накануне он первый раз побрился.

— Когда в следующий раз пойдешь к цирюльнику? — спросил Роберт.

— Откуда я знаю! Как начал бриться, отрастает быстро.

— А когда ты будешь бриться каждый день?

— Ты меня достал. Вставай лучше.

Роберт замолчал. Он продолжал наблюдать за различными стадиями братского прихорашивания.

— Так ты встаешь или нет?! — гаркнул Манюэль. — Провозишься, я тебя ждать не буду.

Роберт вскочил, макнул в воду пальцы, капнул себе на нос, в два счета оделся и побежал на кухню, где Манюэль разогревал кофе.

— Роберт, сделай тартинки. Я хочу есть.

— Предок еще не встал?

— Нет. Вчера ты опять сожрал весь сахар, в сахарнице не осталось ни одного кусочка.

Роберт молча резал хлеб и намазывал ломти маслом.

Когда кофе согрелся, оба уселись и принялись тартино-кофейничать.

Они уже заканчивали завтракать, когда от-

крылась дверь и на пороге появилось существо с бледным лицом и мрачно заплывшими глазами.

— Здравствуйте, дети, — проговорило существо.

— Здравствуй, папа, — ответили дети.

— Кофе еще есть?

— Нет, — ответил Манюэль. — Я разогрел вчерашний остаток.

— Сварил бы ты мне новый.

— Некогда, я должен идти на вокзал встречать дядю.

— А Роберт не может сварить?

— Я иду с Манюэлем, пап.

Отец грузно осел на табуретку: зад тянуло, в руках ломило.

— Ах да, Обскар приезжает сегодня утром, — с трудом изрек он, пытаясь ладонью удержать падающую голову. — Значит, кофе нет?

Манюэль и Роберт встали из-за стола.

— Мы пошли, — объявил старший.

— Вы пошли? — спросил отец с рыхловато деланным интересом.

— Ну, ты вчера и напился, — сказал Роберт очень серьезно и даже восхищенно.

— Пф! — отозвался отец. — Ай-ай-ай, — добавил он, зевая.

— Ладно, мы пошли, — сказал Манюэль. — Не забудь сварить себе кофе. Ты сам говорил, это лучшее средство о.с. б.[34] Мы вернемся часов в десять, дождись нас.

— Конечно, дождусь. Конечно.

Он поднялся и поплелся обратно в спальню.

Братья вышли на улицу и бодро зашагали в сторону вокзала. В домах Родимого Города подготовка к празднику шла с удерживаемым рвением и пока еще без особой эхзальтации. В 9.12 прикатил поезд. Дядя в штиблетах с нашлепками засохшей грязи вышел из купейного вагона третьего класса в окружении громогласно гуторящих и гогочущих сельчан. Толпа двинулась к выходу и расползлась по Вокзальной площади. И тут Манюэль заметил Пьера Набонида с чемоданом в руке — одного в своем одиночестве. Манюэль оставил дядю под присмотром Роберта, зашел одинокому путешественнику в спину, случайно толкнул его и извинился.

— Вот так встреча! Вы приехали на Праздник?

— Здравствуй, Манюэль. Не думал, что первым встречу тебя.

— Как прошло путешествие?

---

[34] Примечания: 34

«Опохмелка с бодуна». В оригинале аббревиатура g.d.b. означает *фр.* идиому gueule de bois (*доел*, деревянная харя).

Пьер пожал плечами.

— Путешествия — это все ерунда. Что здесь говорят обо мне?

— Да ничего особенного, — неуверенно ответил Манюэль. — Сегодня вечером будет обалденный салют.

— Ты знаешь, что я отказался от Стипендии?

— Да, мне сказали.

— И что об этом говорят?

— Да, в общем, говорят только о предстоящем Празднике.

— А обо мне?

— Не особенно.

— И все-таки что именно?

— Да ничего особенного. Что Стипендии больше нет, вот, ну и, в общем, все. А что произошло? — с неумелой нескромностью спросил Манюэль.

— Все очень просто. Я делал там открытия. Поэтому у меня не было времени на изучение чужеземного языка. Я все объясню отцу. А еще я намереваюсь произнести речь.

Манюэль опешил:

— Речь? Вы произнесете речь?

Пьер улыбнулся.

— До свидания. Я должен идти. Пока больше ничего не могу тебе сказать. Увидимся на Празд-

нике.

— Ладно! — радостно ответил Манюэль.

— Ты давно видел Жана?

— Он ушел на Знойные Холмы. Вчера вечером его еще не было.

Пьер ничего не сказал и пошел своей дорогой, один в своем одиночестве, с маленьким чемоданчиком в руке.

Изумленный Манюэль побежал к дяде и его корзинам.

Набонид[35] (так — без упоминания имени — называли только Мэра Родимого Города) сидел в цветном узорчатом халате. Он тщательно проверял механизм автомата, поскольку обычай Родимого Города предписывал верховному эдилу[36] его обязательно иметь. Итак, Набонид его обязательно имел и тщательно чистил. Занятый делом, которое не доверил бы никому, он,

---

[35] Примечания: 35

Набонид или Навонид (556–538 до Р.Х.) — последний вавилонский царь. Выбор имени персонажа, как это часто случается у Кено, неслучаен: «Набу» — имя ассирийского или вавилонского идола, бога скипетра, бога пера, устроителя мира (от *ассир.* «наба» (говорить), ср. с *евр.* «нави» (пророк)). В предисловии к изданию 1948 г. Кено отмечает, что Геродот называл Набонида «Лабинетом». По-французски сущ. binette имеет нарицательное значение (сапка; рожа, харя).

[36] Примечания: 36

Член городского управления, муниципалитета *(ист.).*

казалось, был полностью погружен. Причем это не мешало ему внимательно прислушиваться к звукам, доносящимся извне, и быть настороже. Наконец он услышал то, что ожидал: некие шаги в коридоре. Он дважды крикнул: «Поль»; носящий это имя индивидуум приоткрыл дверь, несомненно, для того, чтобы спросить о причине вызова. Набонид пресек возможный вопрос.

Не глядя, спросил:

— Куда ты идешь?

— Пойду посмотрю, все ли правильно расставили.

— Не стоит. Я доверил это Штобсделу[37]. Можешь остаться здесь.

— Может, лучше, если я схожу и гляну в последний раз?

— Ты хочешь выйти, да? Хочешь пойти на вокзал и встретить Пьера? Ты этого хочешь? Пойти на вокзал и встретить Пьера? Так вот, я запрещаю тебе идти на вокзал встречать Пьера. Ясно?

— Но…

— Быть может, ты хочешь сказать, что не соби-

---

[37] Примечания: 37

В оригинале Quéfasse — искаженная форма гл. faire (делать) в сослагательном наклонении: qu'il fasse (чтобы сделал). Это еще и отсылка к имени одного из учеников Христа (*арам.* Képha, во *фр.* транскрипции Céphas / Képhas): «Иисус же, взглянув на него, сказал: ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: „камень“ (Петр)» (Ин 1, 42).

рался идти на вокзал и встречать Пьера?

— Нет…

— Я хочу, чтобы до меня он ни с кем не встречался! Ты понял?

— Да, отец.

Дверь начала закрываться.

— Жан еще не вернулся?

— Нет, отец.

— Хорошо.

Дверь закрылась. Отверзши ухи, Набонид прислушался к шагам, удаляющимся в правильном направлении, и понял, что сын повиновался. Внимая, как и прежде, исходящим и приходящим звукам, он снова принялся за чистку. Когда в дверь позвонили, он даже не вздрогнул. Он услышал, как старая служанка открыла и сказала «здравствуйте, господин Пьер», а *тот* спросил: «отец дома». Затем *тот* прошел по коридору и постучал в дверь.

— Войдите, — сказал Набонид, застыв в позе «в-чистку-автомата-погружен».

Тот вошел.

— Здравствуй, отец.

— Мгум, — промычал Набонид, не меняя позы.

Возникла пауза.

— Я приехал утренним поездом, было много

народу.

Потом:

— Ты не очень рассердился? Понимаешь, я решил вернуться. От моего пребывания там нет никакой пользы. Я зря терял время.

Потом:

— Видишь ли, я создан не для того, чтобы быть переводчиком. Мое призвание — в другом. Я понимаю, вся эта история со Стипендией, конечно, неприятна, но…

Наконец Набонид встал. Он был жирный и квадратный. Его руки покачивались, а пальцы подрагивали. Он сурово посмотрел на Пьера, но пылающий взор сына не испепелил.

— Отец, ты читал письма, которые я тебе посылал?

— Ну?

— Я знаю, ты не веришь в это головокружение. Но я докажу тебе, что становлюсь все более головокружительным. Жизнь — вот что я открыл: два аспекта жизни! Жизнь светлая и жизнь мракостная. И именно разглядывая пещерных рыб…

— А-ка-кой-прок-сэ-тих-пе-щер-ных-рыб? — отчеканил Набонид монотонным свинцовым голосом, надвигаясь медленно, тяжело и последовательно.

Пьер печально взирал на вырастающую перед ним огромную массу. С отвращением отметил, что отцовские пальцы перепачканы маслом. Попятился. В конце своего отступательного маневра стукнулся затылком о стену. На ощупь отыскал дверную ручку и вышел спиной вперед. Дверь закрылась. Набонид выскочил в коридор.

Пьер успел подняться на три ступеньки.

— Куда ты направился? — крикнул Набонид.

Жесткий взгляд дал ему понять, что ответа он не получит.

— Тебя никто не держит, дитя мое, — мягко произнес Набонид. — В этом доме не место головокрушительным людям.

Пьер спустился на три ступеньки, прошел мимо отца, не повернув головы, нахлобучил шляпу (по привычке) на макушку, наклонился в сторону, подхватил чемодан и вышел.

Набонид вернулся к проверке работоспособности автомата; в его жестах не было ни малейшей нервозности.

Зострил[38], Сенперт[39] и Капюстёр сели и принялись, выпивая, болтать.

Зострил, заместитель мэра и заодно производитель фосфатината[40], поставил свой бокал на стол и сказал:

— Удивительно, что в праздничные дни всегда хочется выпить пораньше.

Жестянщик Сенперт поставил свой бокал на стол и сказал:

— В такой день даже привкус у напитка совсем другой. Намного фкуснее.

Он выдохнул, мочевой пузырь сдулся.

Зострил закурил трубку.

— Будет хорошая погода, — уверенно заметил он, глядя на горящую спичку.

Разумеется, это замечание было излишним,

---

[38] Примечания: 38

Имя имеет отдаленное сходство с *фр.* zostère (водяное растение зостер или взморник).

[39] Примечания: 39

В «Каменной глотке» этого персонажа звали Saint-Pair (Св. Четный, Св. Равный или Св. Пэр). Saimpier фонетически перекликается с saint-pierre (Zeus faber, солнечник, рыба с круглыми пятнами на боку, являющимися, согласно легенде, отпечатками пальцев Петра, который по приказу Христа вынул изо рта этой рыбы статир, т. е. 4 драхмы (Мф. 17, 27).

[40] Примечания: 40

Искаж. фосфат, фосфорнокислые удобрения.

так как с момента установки тучегона[41] плохая погода отсутствовала напрочь. Но подобные фразы все еще произносили по привычке, которая беспричинно увековечивала воспоминание о старых добрых временах, когда в метеорологии еще был какой-то смысл.

Поставщик Капюстёр поставил свой бокал на стол и сказал:

— Ваша посуда уже готова?

Два собеседника кивнули.

— В этом году я решил расколоться на пятнадцать тысяч тюрпинов[42], — сказал Зострил. — Один лишь красивый фарфор.

— Вы держите свою планку, — сказал Сенперт, горько и завистливо.

В жестяном деле он только и делал, что «изво-

---

[41] Примечания: 41

Неологизм chasse-nuage (дословно: разгоняющий тучи) морфологически и фонетически напоминает chasse-neige (снегоочиститель). Это слово можно было бы перевести и как «снебоочиститель». Родимогородский тучегон — явная реминисценция «маленькой системы для возвращения хорошей погоды и заклинания дождя» из книги А. Жарри «Король Убю» (акт III, сцена 7).

[42] Примечания: 42

Тюрпэн из Реймса — архиепископ в «Песне о Роланде» (1080). Возможно, turpin образован от Turlupin, персонажа фарса, злого шутника, и от гл. turlupiner (грубо разыгрывать; донимать, изводить). Сущ. tirlupin (оборванец, голодранец) появляется в «Гаргантюа» Ф. Рабле. Кено мог образовать неологизм от *лат.* turpis (безобразный, постыдный) или изменить согласную в *жарг.* сущ. turbin (работа, пахота).

дил серебро».

— Я выставил две тысячи семьсот пятьдесят кофейных чашек, — настойчиво продолжал производитель фосфатината.

Капюстёр присвистнул от восхищения.

— Я отделаюсь одной тысячей. Для меня и этого достаточно. Я не собираюсь становиться мэром.

— В этом году, — сказал Зострил, — у него колоссальная выставка. Он потратил на нее половину своего состояния.

— Еще бы, — сказал Сенперт, распуская пузо, — должен же он как-то смывать позор, которым его обмазал сын.

— Не будем употреблять столь громких слов, — прошептал Зострил.

— Вы слышали? — спросил Капюстёр. — Говорят, он сегодня возвращается.

— Нет, — сказал Сенперт.

— Да слышали, слышали.

Зострил поспешил высказаться. Он считал, что все и всегда знает лучше других.

— Я не просто об этом слышал, я в этом уверен. Он приехал сегодня утром.

— И что он будет делать дальше? — спросил Капюстёр.

— Довольно печальная история, — сказал Зост-

рил. — Парень имел такое прекрасное будущее. Впереди, разумеется, а не сзади.

— Разумеется, — подхватил Сенперт. — Впереди.

— А чем же он занимался в этом Чужеземном Городе? — спросил Капюстёр у Капюстёра.

— Пф, — легкомысленно фыркнул Зострил. — Девицами.

— Это у него от отца, — заявил Сенперт. — Мне кажется, тот уже припускает чуть ли не за своей будущей невесткой.

— Может, ему вскружила голову какая-нибудь молодая особа? — предположил поставщик. — Хотя он и без этого выглядит не очень сообразительным.

Задержав фразу на весу, он нарушил тишину глубоким вдохом окружающего воздуха, после чего выдохнул:

— Этот недоросль.

— Вот-вот, это наверняка из-за какой-нибудь юбчонки, — согласился заместитель, нервозно почесывая грудь.

Он побаивался.

— Тогда непонятно, почему он вернулся, — возразил Капюстёр, проявляя недюжинный логический напор.

Зострил замолчал. Капюстёр продолжал:

— Я слышал другое, и это имеет отношение не к девочкам.

— К мальчикам? — спросил Сенперт.

— Нет, нет! Там, в Чужеземном Городе, Пьер Набонид якобы сделал какое-то открытие.

— Открытие? — удивились собеседники.

— Да. Открытие по поводу рыб.

— Ну и ну! Это довольно странно, — сказал Сенперт.

— А откуда вы знаете? — завистливо спросил Зострил.

— От его брата Поля. Но по секрету. Пусть это останется между нами.

— Ах, так вам об этом рассказал Поль, — задумчиво произнес Сенперт. — Если вам рассказал Поль, тогда…

— А что вы думаете о младшем брате? — спросил Зострил. — Вы считаете, нормально уходить в горы и сидеть там дни и ночи непонятно зачем напролет?

— Набонид прощает ему любые причуды, — сказал Капюстёр.

— Вот-вот официально объявят о помолвке Поля и малышки Эвелины Лё Бестолкуй, — сказал Зострил.

— Пф! Похоже, она хватается больше за отца, — заметил Сенперт. — За отца, который ее прихватывает, — добавил он.

— И вы это сами видели? — серьезно спросил Зострил.

— А вот и он, — сказал Капюстёр.

Набонид с автоматом под мышкой вошел в кафе.

— Я еще успею выпить стаканчик?

— Можно отправляться минут через десять, времени вполне достаточно, — ответили остальные.

— Чертовская жажда. В день святого Жди-не-Жди меня высушивает с раннего утра.

— Сейчас полдвенадцатого, — заметил Зострил.

— Вы уже были на Площади?

— Я проходил в восемь часов, — ответил заместитель. — Все шло как по маслу. А ваша выставка — это что-то потрясающее.

— Около четырехсот тысяч предметов.

— Ого! Такого еще никогда не было.

— Даже выставка дедушки Бонжана, пятьдесят лет тому назад, не смогла бы сравниться с вашей, — сказал Капюстёр, считавший себя знатоком истории Родимого Города. — В той было не больше двухсот тысяч предметов.

— Теперь Спиракулям и прочим Квостоганам останется только заткнуться. Знаете, что они принесли на праздник?

— Одну дребедень, — сказал Зострил. — Я видел сегодня утром.

— Вот видите! Говнюки надеялись мне нагадить этим недоразумением с Почетной Стипендией! Я их размажу своей посудой!

— Браво! — вскричал Зострил, судьба которого была тесно связана с судьбой мэра. — Браво! Приятно слышать, что вы размажете всю эту гнусь.

— Благодарю вас, Зострил, — сказал Набонид.

— За это мы могли бы выпить, — предложил Сенперт, не желая уступать в раболепстве.

Четыре официальных лица заказали бутылку шипучей фифрыловки[43], чокнулись, выпили и рыгнули.

— Теперь уже пора, — сказал Капюстёр.

— Пошли.

Набонид взял свой автомат и вышел в сопровождении Капюстёра и Сенперта. Зострил с элегантной клюшкой для гольфа завершал процессию.

---

[43] Примечания: 43

Неологизм fifrequet образован от *фр.* fifre (флейта, дудка) и fifrelin (пустяк, грош).

Мачут, Мазьё и Мандас[44] сгруппировались вокруг уже липкого стола и, опорожняя кувшинчики фифрыловки, принялись комментировать события.

Мачут, виртуозный практик колбасного дела, — поставил свой пластмассовый стаканчик на стол и сказал:

— Забавная штука: как праздник, так у меня пересыхает в горле с первыми петухами.

Мазьё, торговец целлофаном (Родимый Город потреблял его в очень незначительном количестве), поставил свой стаканчик на стол и сказал:

— То, что пьешь обычно, кажется намного вкуснее в такой день, как сегодня. Больше вкуса.

Он щелкнул языком. Мачут закурил трубку.

— Погода будет хорошая, — уверенно заявил он, гася спичку в лужице фифрыловки.

Это заявление было совершенно бесполезным, поскольку с тех пор, как на конце шеста заколыхался тучегон, в Родимом Городе погода была хорошей всегда. Но само выражение по-прежнему иногда употребляли; это было чем-то вроде

---

[44] Примечания: 44

Мачут от *фр.* mâchure (*текст*, дефект на ворсе; след от удара). Мазье от *фр.* marqué (меченый, клейменый). Имя Мандас могло быть образовано от *санскр.* mandala (мандала, символ в буддийской философии), *фр.* mandale (оплеуха, пощечина) и/или mandant (передающий полномочие, избиратель).

просторечной поговорки, которая не выходила из обихода. Импортер Мандас (хотя родимого-родцы не особо жаловали товары чужеземного производства) поставил свой стаканчик на стол и сказал:

— Ваша посуда уже на месте?

Два собеседника утвердительно прожестикулировали.

— Я там лишь для проформы, — продолжал он. — Если бы я захотел, то мог бы вообще не участвовать.

— Вы совершенно правы, что держите свою планку, — сказал Мачут.

— Я считаю, что для моего положения одной сотни ганелонов[45] вполне достаточно, — сказал Мазьё.

— Вам лучше знать, — сказал Мандас.

— Не все могут тратить целое состояние, как это делает мэр, — добавил Мазьё в свое оправдание.

— Посуда, которую он выставил на этот раз, — что-то потрясающее, — сказал Мачут.

— Еще бы, — отозвался Мазьё, дергая себя за

---

[45] Примечания: 45

Ганнелон — рыцарь-предатель во французском эпосе. В «Песне о Роланде» из-за предательства Ганнелона при битве с сарацинами (778) в Ронсевальской долине погиб Роланд, 12 пэров и весь французский отряд. Возможно также, что неологизм образован от гл. gagner (зарабатывать) и прил. long (долгий, длинный).

ус, — ему же надо как-то подкрасить свою репутацию после истории с Почетной Стипендией!

— Он вроде бы приезжает сегодня, — сказал Мачут.

— Кто приезжает?

— Сын Набонида, тот, у которого была Стипендия.

Мандас, претендующий на исключительную осведомленность, сразу же выдал:

— Он приехал сегодня утром. Сын Бонжана видел, как он сходил с поезда.

— Он с ним говорил?

— Да. Тот якобы собирается произнести речь.

— Как это, речь? — забеспокоился Мазьё. — Что это значит: он собирается произнести речь?

— Он расскажет о своих открытиях, — пояснил Мандас.

— Ничего не понимаю, — сказал Мазьё, дергая себя за ус. — Этот парень что — изобретальщик?

— Да, изобретальщик. И он собирается произнести речь, — подтвердил Мандас в замешательстве.

— Тут что-то не так, — сказал Мачут.

— Это уж точно, — поддержал Мазьё.

Мандас обиженно замолчал.

— Все-таки я удивляюсь, — удивился Мазьё. —

И как он мог стать изобретальщиком? Помню, когда мой сынишка был с ним в одном классе, то иначе как обалдуем его не называл.

— Это правда, — подтвердил колбасник.

— Ведь чтобы стать изобретальщиком, в голове надо что-то иметь, — вполголоса продолжал торговец целлофаном.

— Признаться, по части странностей семья Набонидов переплюнет кого угодно, — сказал Мандас.

— Вы по-прежнему не знаете, почему младший снюхался с сельским почтальоном? — спросил Мазьё.

Увы, никто ничего не знал. Мандас с удовольствием бы выдумал, но это было ему не по силам.

— Совершенно непонятно, — пожаловался Мачут. — И никак не выяснить.

— Сахул[46] об этом не говорит, даже когда напивается, — сказал Мандас.

— Во всяком случае, дело темное, — сказал

---

[46] Примечания: 46

Измененная орфография имени Саула, сына Киса из колена Венеаминова и первого царя Израиля (1 Цар. 9, 31). Его история начинается с поисков ослиц отца; быть может, неслучайно персонаж Кено перемещается не иначе как на осле. Sahul напоминает близкое по звучанию сущ. sahel (сахель, зона полупустынь в Северной Африке, а также пустынный ветер, сирокко).

Мазьё.

Собеседники согласно затрясли головами.

— И чего он все время разгуливает по Знойным Холмам? — спросил Мачут. — Ну, скажите, какой в этом смысл?

— Все это плохо кончится, — мрачно предрек Мандас. — У меня по этому поводу есть кое-какие соображения.

— Да? — заинтересовался Мачут.

Мандас даже не вздрогнул, поскольку лгал.

Возникла пауза.

— По-вашему, кто выиграет Весенник в этом году? — спросил Мазьё, дабы выйти из области неведения и вступить в область предположения.

— Есть шанс у Роскийи, — сказал Мачут.

— И у Бонжана тоже, — сказал Мандас, — он — настоящий знаток и наверняка будет среди лидеров.

— Бонжан вчера так нажрался! — сказал Мазьё. — Пришлось нести его до дому.

— А вот и он сам, — сказал Мачут.

И действительно, в кафе вошел Бонжан в сопровождении двух сыновей и брата-сельчанина. Мандас, надеясь выудить дополнительные сведения от Манюэля, зацепил квадригу:

— Бонжан! Идите сюда! Здесь свободно!

Все очень шумно расселись.

— Ну и ну, — сказал Бонжан, — я бы чего-нибудь пригубил. В день святого Жди-не-Жди едва встанешь, а во рту уже засуха.

— Уж здесь-то мы не завянем, — сказал дядя, заказывая фифрыловки на всех.

«Вот сельчанин, каких уже не бывает», — подумали торговцы.

— Ну, как, вы уже все расставили? — спросил Бонжан.

— Да, — сказали остальные.

— Сейчас глянем, — сказал дядя. — Хоть стоило ради этого приезжать-то?

— Мэр устроил такую выставку, какой не было со времен выставки вашего деда, — сказал колбасник.

Мачут очень гордился своим Родимым Городом; он в подробностях знал его историю, особенно малую, и в своей профессиональной деятельности обогащал речь примерами и анекдотами, которые черпал из местных анналов. Родословную каждой свиньи — наизусть.

— Ну, поглядим, поглядим, — сказал дядя, которого прошлогодний праздник скорее разочаровал.

— Ну, Манюэль, ты после этого еще видел Пьера

Набонида? — спросил Мандас.

— Не-е, гыспадин Мандас, — ответил Манюэль. — Наверное, он готовит свою речь.

— Что значит «речь»? — спросил Мазьё.

— Без четверти двенадцать, — закричал Мачут. — Мы опоздаем.

— Надо бежать, — сказал Мандас.

Трое торговцев утерли усы и вскочили.

— Еще увидимся, — крикнул Бонжан.

— Само собой, — согласились они и вышли, оставив дядю расплачиваться за напиток.

— Ну, — спросил Бонжан у сына, — теперь, когда они ушли, скажи-ка мне, шоэтта за речь такая.

— Да брось ты, — сказал Обскар, — тебя всегда тянет заморочиваться.

Он хихикнул, что обычно делал, употребляя городские вокабулы.

На Центральной Площади было море посуды. Сотнями растягивались полные столовые сервизы и композиции из отдельных предметов. На транспарантах указывались имена владельцев коллекций; сами они стояли рядом и ожидали начала Праздника, назначенного на полдень. Груды посуды были более или менее значительными и весьма различались как количеством,

так и качеством. Циркулирующая толпа беспристрастно оценивала предметы и, не задумываясь, безжалостно критиковала скаредно или скудно представленные экшпозиции.

Бонжан, дядя Обскар, Манюэль и Роберт смешались с толпой. Первым участником, встретившимся на их пути, оказался колбасник Мачут. Возле него стояли всего одна стопка блюд, несколько глиняных мисок и набор маленьких чайных чашек.

— У вас вроде бы одно блюдо треснутое, — подозрительно предположил Бонжан.

Это предположение немедленно привлекло внимание тех, кто его услышал, и вокруг Мачута сразу же образовался круг. Колбасник яростно запротестовал:

— Да за кого вы меня принимаете? Это ж надо такое сказать! И потом, какое из них треснутое, ну скажите!

Бонжан ткнул пальцем. Мачут принялся вертеть блюдо во все стороны.

— Ну, что? Треснутое? Где треснутое?

Блюдо было не треснутое.

— Ладно, ладно, хорошо, — успокоили его.

— Не намного же вы раскалываетесь в этом году, Мачут, — не сдавался Бонжан.

— А эти чайные чашки? — возразил колбасник. — Разве некрасивые? Свадебный подарок моей тетки. Взгляните. Привезено из Чужеземья. У них это что-то вроде маленьких солнечных часов. Как только чужеземцы видят такую чашку, то сразу же знают, что уже пять часов пополудни.

Бонжан не любил рассказы о путешествиях и перестал придираться. Следующие разделы не представляли собой ничего выдающегося: банальная кухонная посуда, но в достаточном количестве, дабы не вызвать презрение общественного мнения — много фаянса и мало фарфора. Дальше размещалась коллекция Зострила: В этом году он отличился как количеством, так и однородностью: выставил две тысячи семьсот пятьдесят фарфоровых кофейных чашек. И ни одной треснутой, что подтвердил сегодня утром городской страж. Восхищенный шепот окружал владельца экшпонатов, который элегантно опирался на клюшку для гольфа. Предмет вызывал у зрителей сильное любопытство.

— А это что такое? — спрашивали у Зострила.

— Подарок моего друга Мандаса. Привезено из Чужеземья.

— А для чего это? — спрашивали у Зострила.

— Ну, это все ихние штучки. Чужеземцев во-

обще трудно понять. Это якобы для того, чтобы в газоне делать дырки.

Роберт и Манюэль застыли, снедаемые яростным желанием заиметь такую же штуковину, но тут их внимание привлек соседний участок. Коллекция состояла исключительно из старых и довольно редких тарелок, которые Лё Бестолкуй постарался представить как можно выгоднее. Они не выстраивались в стопки, а лежали на земле порознь. На некоторых были видны следы реставрации, но, учитывая их историческую ценность, это не явилось поводом для дисквалификации. Роберт и Манюэль задержались, рассматривая экшпонаты с картинками юмористического, а местами и скатологического характера. Насмеялись вдоволь. Мандас представлял всего лишь две салатницы и три соусницы; в этом году он выступал во внеконкурсном показе. Чуть дальше располагался Капюстёр со своей коллекцией десертных тарелок, иллюстрированных ребусами. Но ребусы уже демонстрировались в прошлом году, к тому же, по мнению любителей, коллекция Роскийи была намного полнее. И наконец, на краю площади, вдоль специально возведенного ограждения, красовалась посуда мэра. Она вписывалась в прямоугольный параллелепипед

стометровой длины, десятиметровой ширины и пятиметровой высоты. Было выставлено более 5000 тарелок, 12 000 кофейных чашек, 20 000 чайных чашек, 7000 супниц, 300 графинов, 250 десертных тарелок, 1200 круглых блюд, 1500 овальных блюд, 2000 салатниц, 4123 соусницы, 20 розеток, 350 сахарниц, 7 масленок, 12 000 кофейников и не менее 317 000 подставок для яиц.

Перед всем этим скоплением прогуливался туда-сюда сам мэр Набонид: вздернутая голова, массивный торс, грудь колесом. Он держался в стороне от остальных, как того требовал обычай. Он был одет в костюм охотника, обут в зверски начищенные высокие сапоги, которые блестели на солнце, и сжимал в руках красивый автомат, сверкающий не хуже сапожной кожи. Вокруг него пресмыкалась гробовая тишина. При его виде зрители замирали, разинув безмолвные рты. Здесь смолкал и одобрительный шепот с восторженным охохоханьем, и саркастическое кряхтенье с презрительным улюлюканьем. Роберт, Манюэль и их родичи смешались с созерцающей толпой и проникли всеобщим настроением, которое было вызвано импозантным присутствием мэра, поразительным великолепием посуды и яростной надраенностью автомата.

Тем временем волнение усиливалось с каждой минутой. На балконе мэрии городской страж Штобсдел готовился дать сигнал к началу Праздника.

Без одной минуты двенадцать возбуждение стало ощутимым. Все засуетились, выбирая себе место по вкусу. С первым ударом муниципальных курантов Штобсдел начал надувать красный воздушный шар из бодрюша[47], который из плоского комочка стал принимать разные причудливые формы и постепенно превратился в эдакий набухающий дирижабль, устремленный в небо[48]. Штобсдел тужился масштабно: надутые щеки, налитые кровью глаза, сморщенный — словно болезненная устрица — лоб. С пятым ударом курантов шар раздулся до чудовищных размеров, и люди замолкли. Никто не кашлял, не шушукался, не шептал и даже не дышал. Недвижимая и немая толпа взирала на вздутие бодрюша и испуганно вопрошала себя, что лопнет сначала:

---

[47] Примечания: 47

От *фр.* baudruche — газонепроницаемая пленка из кишок животных.

[48] Примечания: 48

«Самое странное свойство члена, способность восставать против силы тяжести [...], приводит к символическому представлению в виде воздушных шаров из бодрюша, летательных аппаратов, и в последнее время, в виде воздушного корабля Цеппелина», — отмечает З. Фрейд в одной из «Лекций по введению в психоанализ».

голова Штобсдела или предмет, который он удерживал в руках. С десятым ударом ожидание уже сопровождалось изменениями физиологического характера: черепа освобождались от серого вещества, спинномозговая жидкость стекала в шестеринки[49] и разбухающее в них сознание принимало форму орудийных стволов. Казалось, что заурядный шар из бодрюша, пусть даже и муниципальный, не может достичь такого поразительного объема. Нервы скрипели под кожей.

Двенадцатый удар курантов низвергается в пропасть прошлого. Шар лопается. Праздник начинается.

Зострил поднимает свою клюшку для гольфа, размахивается и одним резким мощным ударом сметает по меньшей мере двести три тарелки. Повсеместный посудобойный звон возносится в небо, за считанные секунды достигая предельной громкости. Участники и зрители с воплями бросаются на фаянс и фарфор. Одни ударом ноги раскалывают салатницы, другие запускают тяжелыми супницами в ряды компотниц, и все крошится со страшным грохотом. Соусницы и

[49] Примечания: 49

В оригинале brayette — искаженная форма от *фр.* braguette. См. объяснение термина в историко-революционном романе ирландской писательницы С. Мара «С ними по-хорошему нельзя».

масленки вальсируют в воздухе и звонко тюкаются на землю. Знатоки, специализирующиеся на блюдцах, методично разбивают их о собственные лбы. Некоторые жонглируют и вдруг прерывают демонстрацию своей ловкости: на какое-то мгновение тарелки словно зависают в воздухе, после чего пикируют и разбиваются. Кто-то плюхается на большие овальные блюда и давит их своим весом. Один оригинал засунул голову в огромную сахарницу и высвободил ее ударом кофейника. Лё Бестолкуй с рычанием топчет собственную коллекцию. Манюэль каблуком плющит ребусы Капюстёра. Под усердными ногами Роберта чайные чашки Мачута уже давно превратились в крошку. Звон и грохот смешиваются с громкими воплями. И тут к этому неистовству присоединяется автоматное тра-та-та.

Набонид крушил свою посуду самостоятельно. Он поливал автоматной очередью шестьдесят пять тысяч семьсот пятьдесят фарфоровых предметов (не считая подставок для яиц), которые приберег до последней минуты; и подскакивали масленки, и кололись соусники, и трескались закусницы, и взлетали стопки тарелок; с каждой секундой росла груда осколков.

За каких-то десять минут не осталось ни одного

целого предмета. Владельцы и посетители перестали вопить. Несколько упрямцев продолжали выискивать тарелки, ускользнувшие от уничтожения. Теперь раздавался только треск автомата, Набонид измельчал груду осколков. Осколки крошились, крошки распылялись. Облако пыли возносилось к небу. И вот наконец стрельба прекратилась[50].

Праздник закончился, вся Площадь была покрыта густым — не менее десяти сантиметров — слоем осколочного месива. Оказалось всего пять раненых: двое пострадали от огнестрельного оружия Набонида, одному неосторожному туристу Зострил, расправляясь с тарелками, расколол череп своей клюшкой для гольфа, и еще двое поранили себе глаза летящими осколками.

— Папа, ну и досталось же от меня чашкам Мачута!

— Ах, ребята! Как я вмазал каблуком по соуснице Мандаса! — радостно ответил Бонжан. — По-

[50] Примечания: 50

Сцена боя посуды — транспозиция древнего обычая североамериканских индейцев (в частности у племени куакиютль) под названием потлач (potlatch): две семейные группы сходятся на мирный поединок, их вожди по очереди бросают в огонь часть своего имущества, чтобы доказать сопернику пренебрежение к материальным благам. Этот ритуал, существующий также у меланезийцев и полинезийцев, описан в работе М. Мосса «Эссе о даре. Форма и причина обмена в архаических обществах» (1924), которую Кено читал в 30-е гг.

сле такого сразу же чувствуешь себя лучше.

— Что будем делать теперь?

— Я бы пропустил стаканчик, — высказался дядя, который потрудился на славу.

К ним присоединились Мачут и Мазьё.

— Промочим миндалины, — предложил последний. — От этой пыли ну просто дьявольская жажда!

— А в следующем году — ваша очередь выставлять, — сказал Мачут, обращаясь к Бонжану.

— Это уж точно, — ответил тот. — Выдам не хуже вашего.

— Посмотрим, — ответил этот.

— В общем, не зря приехали, — подытожил дядя. — Одна куча мэра чего стоила!

— Да, но из-за этого чертова автомата никто не мог подойти и долбануть по его посуде, — заметил Бонжан.

— Действительно, — признал Мазьё. — Это неправильно! Он перебил все сам, это нехорошо!

К ним присоединился Мандас.

— Вы так не считаете? — спросили у него. — Что за манеры — бить все самому.

Мандас покачал балдой:

— Именно это про себя говорил я себе в мыслях своих последних.

— Нехорошо так поступать, — не унимался Мазьё. — Это пренебрежение населением, собственно говоря.

— Лучше бы он этого больше не делал, — изрек Мачут с внезапной угрозой в голосе.

— Да вы не нервничайте, — сказал ему Бонжан.

— А его сыновья? — вдруг воскликнул Мачут. — Ни одного не было.

— Даже младшего, — заметил Мандас.

Эта загадочность еще больше усилила жажду.

— Ну, что, пойдем к Ипполиту? — предложил Мазьё.

— О.К., — согласился Бонжан. — Дети, вы идете?

— Ага, патер, — ответили они.

— До чего ж они потешные, — заметил дядя Обскар.

Разумеется, у Ипполита свободных мест уже почти не было. И все горланили вовсю. Они кое-как приютились в конце длинного оцинкованного стола, на две трети занятого семьей какого-то сельчанина.

— Фифрыловки всем, — прокричал дядя.

— А вам чего, ребята? — спросил Бонжан.

— И мы не прочь фифрыловки, — сказал Ма-

нюэль.

— Тогда принесите целую бутылку, — сказал официанту Бонжан.

— Давай, давай.

— Наверняка придется ждать целый час, — проворчал Мандас, который каждый раз, проводя по верхней губе языком, колол его о щетину усов, а проводил (он им о нее) постоянно.

— Расскажи-ка, Манюэль, — сказал Мазьё, — что там Пьер Набонид придумал?

— Он собирается произнести речь, гыспадин Мазьё.

Мазьё задумался, после чего выдал:

— Это очень странно.

— А о чем именно он будет говорить, неизвестно? — полюбопытствовал Бонжан.

— Нет, папа.

— Ну, я спросил просто так. У меня от этого волосы в ноздрях виться не перестанут.

— Шутник, — сказал дядя Обскар, расплачиваясь за бутылку фифрыловки.

Пока папаша оправдывал звание мэра, перемалывая посуду, Поль сидя на двухколесном аппарате, присланном братом из Чужеземья, проворно катил на восток от Родимого Города.

Он проехал по Важному Бульвару, пересек

Вечную Авеню и выехал на Внешнюю Дорогу, которая ведет к Знойным Холмам и вдоль которой Родимый Город вытягивается и истончается до состояния хиреющего предместья, предназначенного для полусельчан. Поль остановился перед длинным низким строением, разделенным оградами на полдюжины жилищных блоков. Вокруг кишела детвора; по случаю Праздника ее приодели, что на какое-то время лишило место привычного живописного фу. Напротив строения улица была заставлена скамейками и оцинкованными столами из распивочной, а весьма редкие охтуфтоны[51], которых не интересовал Полуденный Праздник, уже начинали пьяно клевать носом.

Из всех кухонных окон перли пары брущтукая[52]. В одно из них Поль заглянул.

— Сахул не вернулся? — спросил он.

Не переставая помешивать содержимое котла, мамаша Сахул ответила:

— Так ведь нет, еще не вернулся. Ужо в пять

---

[51] Примечания: 51

Искаж. *фр.* autochtone — автохтон, туземец, коренной житель.

[52] Примечания: 52

Неологизм brouchtoucaille, вероятно, образован от *фр.* brou (зеленая шелуха, кожура ореха) или bruche (насекомое зерновка, личинки которой живут в семенах овощей); ср. с *нем.* Frühstük (завтрак) или Bruch (ломка).

часов как уехал, ровно как вы ему наказали, и вот, стало быть, все никак не вертается. А я так хотела, гспадин Поль, шоб он с нами хоть малость бруштукая-то поел. Вот бедный мужик-то, угораздило, рази ж можно на него такое валить-то, да еще в самый Жди-не-Жди. Ужо в пять часов как встал, сел на своего мула и уехал вот. А таперича, значит, ужо опоздал на праздник посуды, и ежели дальше не приедет, то не поест с нами бруштукая, мудила.

— Значит, мой брат тоже не вернулся? — прервал ее Поль.

— Таки нет. Тоже мне занятие! Видано ли, так шастать по горам? В мое время туды не ходили, в горы-то, ни-ни, ведь робкий-то не будет туды ходить все время-то. Ну и причуды же у вас у всех. Только не подумайте, шо я хочу вас обидеть, знамо дело.

— Знаю, госпожа Сахул.

— Это совсем как ваш брат, тот, что получил Стипендию, он никак приехал сегодня, а?

— Приехал, но я его еще не видел.

— Как же так?

— Отец не захотел.

— Неужто правду говорите? — воскликнула госпожа Сахул, переставая помешивать бруштукай.

— Правду. Я даже не знаю, где Пьер и что он делает.

— Ой! Ведь как вам должно быть печально, гспадин Поль. Да еще все случись аккурат в самый Жди-не-Жди! Расскажите поподробнее, гспадин Поль.

— К сожалению, у меня нет времени, госпожа Сахул.

— Вот горе-то горе…

— Вы можете передать мои слова Сахулу?

— Ну, как же, конечно, почему не могу.

— Скажите ему, пожалуйста, чтобы ждал меня у Ипполита. Я заеду туда после Весенника. Вы хорошо поняли?

— Да, гспадин Поль.

— Скажите то же самое Жану. И пусть он не возвращается домой, пока не встретится со мной. Я помчался.

— Ну и дела, ну и дела, — заохала мамаша Сахул.

А Поль уже мчался на Запад.

Когда он доехал до Центральной Площади, праздник уже закончился, автомат уже не трещал, толпа покидала выставочное пространство, топча осколки фаянса и фарфора. Продираясь против течения, он пробился к отцу и нашел его

в усиленном знатнолицевом окружении.

— Это самое потрясающее уничтожение посуды, которое когда-либо имело место, и я имею в виду не только Родимый Город, — проговорил Лё Бестолкуй, — а всю поверхность земного шара, если вообще подобное явление существует еще где-нибудь.

— Это ничто по сравнению с вашим превосходным выбором редких тарелок, — вежливо ответил Набонид.

— Вы изволите шутить, вы шутить изволите, — зажеманничал Лё Бестолкуй.

— А вот и ты, — сказал Набонид, замечая сына. — Я тебя совсем не видел.

— Я был там, — ответил Поль, указывая на дальнюю сторону Площади.

— Я вас тоже не видел, — сказал нотариус, который провел праздник в указанном направлении.

— Однако я вам растоптал несколько тарелок.

Поль естессно лгал.

— Отлично, отлично, — улыбаясь, произнес Набонид. — Надеюсь, ты хорошо повеселился.

Все направились к гостинице «Косодворье»[53], шикарному заведению с трактиром для туристов. Надо было разыграть аппетит перед обедом, который в этот день состоял главным образом из одного блюда: брушту кая. В Родимом Городе брушту кай готовится следующим образом: возьмите капусту, артишоки, шпинат, баклажаны, латук, грибы, тыквы, огурцы, свеклу, репу, кольраби, помидоры, картофель, фиги, сельдерей, редис, козлобородник, бобы, лук, чечевицу, кукурузу и кокосы; почистите, срежьте, обрежьте, помойте, порежьте, нашинкуйте, размельчите, разотрите, процедите, просейте, просушите, отожмите, переложите, продуйте, сожмите, разбавьте, отсублимируйте, отконкретизируйте, распределите, разложите и жарьте частично на воде, частично на оливковом и на ореховом масле, частично на говяжьем и на гусином жире. Одновременно возьмите живых животных: млекопитающих самцов и птичьих самок. Заколите, обдерите, ощипите, разделайте, разрежьте, нанижите и зажарьте. В огромном котле приготовьте соус из

[53] Примечания: 53

В оригинале «Leborgne» от *фр.* boigne — означающего кривой, одноглазый, окно, выходящее в стену, глухой проем; в переносном значении — подозрительный, опасный, пользующийся дурной репутацией; ср. cabaret borgne (притон).

масла, чеснока, уксуса, горчицы разной, яичных желтков, коньяка, стручкового перца, соли, перца в горошек, шафрана, тмина, гвоздики, тимьяна, лаврового листа, имбиря и паприки. Положите в котел животный компонент и доложите компонент растительный. Мешайте и перемешивайте, а когда придет время, выложите все на огромное фамильное блюдо, которое вы позаботились не мыть с прошлогоднего праздника.

Дамы ожидали.

Пока мужчины участвовали в Полуденном Празднике, женщины готовили бруштукай. Совместные утехи должны были начаться только с игрой в Весенник, уже после обеда.

Итак, дамы ожидали.

Госпожа Лё Бестолкуй принимала госпож Зострил, Капюстёр, Набонидиху-мать и Набонидиху-супругу; а еще барышень Эвелину Лё Бестолкуй и ее кузину Лаодикею[54]. Короче говоря, все женские сливки Родимого Города.

И все эти дамы ожидали.

---

[54] Примечания: 54

Лаодикея (Laodicée) — название многих греческих городов в Сирии и Малой Азии. Лаодика (Laodice) — часто встречающееся имя греческих принцесс, в частности самой красивой из дочерей Приама и Гекубы. Лаодика влюбилась в афинского царевича Акаманта, который прибыл в Трою с посольством, требовавшим возвращение Елены.

Тем временем их мужья, цвет родимогородской элиты, накачивались фифрыловкой, дабы устранить вредное воздействие каолиновой пыли. На медленном огне в большом фамильном котле варился бруштукай. Часы пробили двадцать семь ударов полвторого.

— Господа скоро прибудут, — сказала госпожа Лё Бестолкуй.

— Да уж пора бы, — проворчала бабка Паулина. — У меня сосет под ложечкой.

Когда старуха голодна, то готова грызть даже дверные ручки. Барышни посмотрели на нее с ужасом и вздрогнули, когда она проворчала еще раз:

— У меня сосет под ложечкой.

Барышни ошарашенно разглядывали ложечку.

— Господа скоро придут, — неубедительно повторила госпожа Набонид.

— А не выпить ли нам по капельке портвейна, — предложила госпожа Лё Бестолкуй. — Конечно, это выглядит немного по-туристически, но Мандас уговорил моего мужа купить одну бутылочку. По капельке, не больше.

— Давайте, — проворчала бабка Паулина.

И дамы принялись цедить свою капельку портвейна, находя, что вкус у него совсем недур-

ственный.

— Хррр, — внезапно хрякнула госпожа Набонид-мать.

Все замолчали. Старуха живет на далекой ферме у самого предела холмистой знойности. От одной этой мысли на душе становится тревожно.

— Плохо было б, если б мой сын не одержал победу.

— Разумеется, — сказала госпожа Зострил, не раздумывая (подумала она про себя).

— Мой сын — мэр, — отчеканила прародительница.

Вновь воцарилась глупейшая тишина. В бокал госпожи Капюстёр упала бессознательная муха.

— Какой ужас! — вскричала она. — Муха!

— Я дам вам другой бокал.

Госпожа Лё Бестолкуй торопливо выполнила обходительное обещание. Старуха презрительно оглядела жену поставщика. Подумаешь, муха! Поддеваешь пальцем и давишь об стол. Вот как надо с мухами! Тьфу! Как вырождается род! Воспользовавшись легким переполохом, вызванным кончиной домашнего насекомого, барышни встали и отошли к окну пошептаться.

— Я ее боюсь, — сказала Эвелина.

— И я, — сказала Лаодикея.

— Она наверняка пожирает маленьких детей!

— Какая ты глупая, Эвелина. Послушай, неужели нам придется терпеть ее весь день?

— Ну уж нет! Ты что, шутишь?

— Но ведь она будет с нами на ужине у Набонидов.

— А черт! Черт, черт, черт!

— Было бы неплохо, если бы она напилась. Заснула бы где-нибудь в уголке.

— Вот-вот. Скажем Полю, чтобы он ее напоил.

— А вдруг она начнет буянить?

Обе задумались.

— Смотри-ка, вон идут Бонжаны, — сказала Лаодикея.

— Видела? Манюэль на нас посмотрел, — сказала Эвелина.

— А знаешь, он очень приятный парень.

— Неважно одет.

— Хррр, — внезапно раздалось у них за спиной. — Что вы там высматриваете, крошки?

Эвелина пробормотала несколько бессвязных слов.

— Небось шептались о своих ухажерах, а? — спросила бабка, раздувая ноздри.

— Вот они! — закричала Эвелина, судорожно тыкая пальцем в сторону группы господ, кото-

рые решительно направлялись к нотариусу, а именно: Зострил, Капюстёр, Лё Бестолкуй, Поль Набонид и мэр.

— Вот они! — закричала старуха. — Идут! Наконец-то можно приступить к бруштукаю!

Она засеменила в сторону ватерклозета.

— Я боюсь эту гнусную грызлу, — сказала Лаодикея.

— Смотри, как шикарно выглядит Набонид со своим автоматом, — сказала Эвелина.

— Прекрасно одет.

— Наверное, сильный, если такой высокий.

— Поль нас увидел.

— Он не такой высокий, как его отец.

— Смотри-ка, а Жана с ними нет.

— Наверное, он еще не спустился со своих гор.

— Почему он не вернулся к празднику?

— Какие элегантные сапоги.

— Слушай, а почему нет Жана?

— Спроси у Поля. Ах! Набонид уже поднимается.

Они отошли от окна. Вскоре вошли мужчины, они громогласно гуторили и гоготали.

— Наше почтение, сударыни и барышни, — поприветствовали они.

Их речь была гладкой и все еще влажной от

фифрыльного возлияния.

— Чокнемся с дамами, — сказали они, опустошая бутылку импортного портвейна.

— Что скажешь, дорогая супруга, госпожа Лё Бестолкуй, — крикнул переведатель, — готов ли бруштукай? Мы изрядно проголодались.

— Правильные слова, господин Лё Бестолкуй, — сказала старая Набонидиха, успевшая вернуться. — Я ждала вас с нетерпением. Так хочется есть! Я бы не отказалась от глоточка портвейна.

— Господин Набонид, — хором затараторили дамы, — говорят, вы были великолепны.

— Шестьдесят шесть тысяч предметов из фарфора, — объявил изрядный подхалим Лё Бестолкуй.

— Триста семнадцать тысяч подставок для яиц, — подчеркнул не меньший жополиз Зострил.

— Мне бы так хотелось побить посуду, — вздохнула Эвелина.

— Замолчи! — крикнула ей мать. — Как тебе не стыдно?! Воспитанная девушка такого никогда бы себе не позволила.

— Скверно ты себя ведешь, — пророкотал отец.

— Не будем об этом, — снисходительно проронил Набонид.

Он исподтишка поглядывал на барышню, вылизывая последние капли своего портвейна.

— Господин Набонид, — спросила одна из дам, — кого вы прочите в победители сегодняшней игры?

— Есть серьезный шанс у Бонжана, — ответил мэр. — Умен, обладает воображением и — не будем забывать — гибкой кистью.

— А Роскийи?

Завязалась дискуссия. Поль и барышни отошли к окну и принялись болтать. Через какое-то время у дома переведателя затормозил мул с запыленным седоком.

Всадник помахал рукой, после чего в два счета ускакал.

Эвелина отметила, что это был сельский почтальон.

— Чего это он?

— Я и сам удивляюсь, — ответил Поль.

— Но ведь это он вам подал знак? — спросила Лаодикея.

— Мне? Вам, наверное, померещилось!

— Поль, не грубите, хи-хи!

— Кто здесь говорит о сельском почтальоне? — жестикулируя, спросила бабка.

— Никто, — ответил Поль.

На сем объявили, что бруштукай готов.

При всеобщем неописуемом восторге Набонид от имени Родимого Города вручил Бонжану Триумфальный Приз Весенника. Не желая никоим образом умалять достоинств предыдущих победителей, можно без малейшего преувеличения сказать, что никогда еще подобный успех не был до такой степени заслужен. Никогда еще артистизм и проникновенность в суть игры не достигали таких высот. Даже соперникам Бонжана пришлось единогласно признать его неоспоримое превосходство. В нескольких словах Набонид напомнил присутствующим историю Триумфального Приза со дня его основания до настоящих дней. Грянули аплодисменты, оркестр резанул первые доли «Покорителей Кучевых облаков».

— Ну, в общем, это надо обмыть, — сказал дядя.

— Ах! Папа сегодня опять нафрякается, — прошептал Роберт.

Было нелегко подступиться к победителю, у которого фанатичные туристы выпрашивали автографы. Мачут и Мазьё заметили дядю Обскара и направились к нему, увлекая за собой своих дам.

— Каков ваш братец! Какой триумф!

— Ну, в общем, это надо обмыть, — сказал дядя.

Именно этого от него и ждали.

С трудом удалось оторвать Бонжана от почитателей.

— Ах! Здорово, папа! Ты был на высоте! — сказал Роберт.

— Здорово! — сказал Манюэль. — Папа, ты — настоящий ас.

— Дети, дайте я вас обниму, — изрек Бонжан.

От волнения он чуть не прослезился.

— Ну, в общем, это надо обмыть, — сказал дядя.

Брат обнял и его.

— Пошли к Ипполиту?

У Ипполита плотная толпа уже успела набраться фифрыловки. Входящего победителя встретили восторженными воплями. Дядя сразу заказал несколько бутылок. Тут Мазьё и Мачут обнаружили, что их дамы затерялись в толпе.

— Найдутся, — сказал торговец целлофаном, который уже извелся от жажды.

Закончив обмывать триумф, они потянулись к аттракционам. С карусели доносились крики людей и скрежет деревянных лошадок. Молотые и перемолотые мелодии вместе с женским визгом и тяжелым мужским гоготом буравили уши; этот гул сопровождался монотонным топотом толпы.

— Пойдем развлечемся, — предложил колбас-

ник.

За ним последовали остальные, багрово распаренные и игриво настроенные.

Бонжан захотел поупражняться в метании стрел, но чуть не попал в глаз хозяйке стенда, которая имела позади богатый жизненный опыт. Мазьё попытался ее за этот опыт ущипнуть, но она крикнула ну-ка! и поток зевак понес Мазьё дальше. Дядя показал в тире замечательные результаты, но остальные, замутнев от алкоголя, были просто смешны. Мимо прошел Мандас; он тащил за собой пьяненькую жену, которая вздумала — подобно мужчинам — сыграть в ятонский бильярд и запустить шаром в кипайскую вазу. Роберт и Манюэль испытали свои силы в стрельбе пробкой из пневматического ружья, но так и не сумели сбить желанную пачку сигарет. Затем компания завязла, не зная, куда идти дальше и на кого смотреть: на самого маленького в мире гиганта, на человека-урну или на женщину с татуировкой по всему телу, куда вход несовершеннолетним запрещен?

— Пойдем глянем на татуировку, — предложил дядя.

— Ладно, — согласились остальные и позволили ему заплатить за всех.

— Несовершеннолетним нельзя, — заявила кассирша, указывая на Роберта и Манюэля.

— Как это, как это?! — возмутился Бонжан и протолкнул сыновей в балаганчик. — Сегодня-то уж можно повеселиться.

Мазьё пожелал удостовериться, что татуировка не нарисованная, и направил обслюнявленный палец в каравеллу, украшающую спину демонстрационной особы. Зазывала его удержал, но публика и так развеселилась. Впрочем, определить степень оттатуированности дамы все равно бы не удалось, поскольку у нее были открыты лишь руки, голова, спина и икры. Что до остального — полное разочарование.

— Все их байки про несовершеннолетних, которым нельзя, — это бесплатный треп, — сказал Бонжан.

Роберт и Манюэль разделяли отцовское мнение, а разрисованные пухлые икры тетеньки не вызвали у них никаких предосудительных мыслей.

Чуть дальше позеленевший от бесклиентности зазывала вопил: «Она живая! Она живая!» Он разжигал идиотское любопытство горожан и сельчан картинкой, изображающей женщину, которая спустилась с Луны на Землю и которая

— по словам демонстратора — была наделена, словно летучая мышь, парой шелковых крыльев; эта зоологическая особенность ничуть не мешала особе курить трубку и раскладывать горимусс[55].

Группа не поддалась на гнусную провокацию, зато почувствовала непреодолимое влечение к аппарату, предназначенному для доставления сильных эмоций любителям сильных эмоций. Все втиснулись в кабинку, которая медленно отъехала, закрутилась со скоростью сто в час (так было написано на афише), затем сорвалась и, с ходу пролетев тоннель, выкинула свое содержимое на гладкий спуск[56].

— Вот это да, сразу чувствуешь, что не зря уплочено, — сказал дядя, оправляя шляпу.

Молодежь захотела повторить.

— Только не это, — взвыл Бонжан. — От этой штуки я сейчас блевану.

— Пойдем примем чего-нибудь бодрящего? — предложил Мачут.

---

[55] Примечания: 55

Неологизм cramousset образован от *фр.* гл. cramer (жечь, гореть) и сущ. mousse (пена, мусс). Горимусс, должно быть, является родимогородским эквивалентом пасьянса.

[56] Примечания: 56

См. описание аттракциона в романе Кено «Мой друг Пьеро».

Компания повернула на другой галс и направилась в сторону кафе. По дороге новоиспеченному чемпиону Весенника захотелось сыграть в лотерею. Воспользовавшись тем, что папа с редкой изощренностью усугублял свое невезение, Роберт и Манюэль решили побаловать себя машмеллой[57].

Они накинулись на сдобу.

— А я вас искал, — сказал Поль, хлопая их по плечу.

Поль был старше их, Поль был сыном мэра.

— Вот умора, — сказал Роберт, чтобы поддержать беседу.

— Вы видели Пьера?

— На вокзале, — ответил Манюэль.

Он облизал липкие пальцы и добавил:

— С тех пор не видели.

— Вы его больше не видели?

— Нет. Ведь правда, мы его больше не видели?

— Не видели, — подтвердил увязнувший в сладости Роберт и гордо добавил: — Он задумал произнести речь.

— Это он сам вам сказал? — удивленно спросил Поль.

---

[57] Примечания: 57

От *англ.* marshmallow (алтей) — десерт из перетертого алтея, залитого сахарной глазурью.

— Эй, ребята! — крикнул Бонжан. — Вы идете?

Ему все опротивело. Он только что проиграл сорок тюрпинов медными монетами в два ганелона.

— Папа кричит, — сказал Манюэль. — Пошли.

Поль исчез в толпе.

— Чего он хотел? — спросил у Манюэля заинтригованный Мазьё.

— Он не знает, где его брат.

— Эта история плохо кончится. Плохо кончится.

— Пойдем промочим горло, — предложил Бонжан. — Как меня скрутило после этой штуковины.

Они двинулись против течения толпы.

Выше по течению зазывалы привлекли к месту зазывания.

Плотная масса родимогородцев, сельчан и туристов теснилась вокруг качелей. В одной из люлек находились две женщины; они раскачивались стоя, отчего их юбки высоко раздувало. При каждом взлете открывался изрядный вид, и самцовая масса издавала ликующее хрюканье.

— Нет, вы только посмотрите, — промямлил взволнованный Мазьё.

— Порочные бабенки, вот что, — изрек дядя,

сельская мораль которого осуждала подобные неприличия. — А сколько здесь собралось этих, что пялятся? Ведь человек двести, не меньше! — презрительно добавил он.

Очень высоко вспорхнула одна из юбок.

— Ух ты! — сперто выдохнул возбужденный Мазьё. — Ух ты!

Сыновья Бонжана зыркали, как и все остальные, и посмеивались про себя. Чемпион взирал на них суровым оком.

Он поддержал брата:

— Действительно, порочные. Это вызывает у детей непотребные мысли. Эй вы! А ну-ка, вытащите руки из карманов.

Две женщины на качелях постепенно уменьшали амплитуду полета, с каждым движением юбки поднимались все ниже и ниже, пока не перестали подниматься окончательно. Самцовая масса рассеялась, поздравляя себя с даровым и обильным зрелищем. Качели остановились; женщины спрыгнули на землю. Мазьё и Мачут признали своих жен.

Об этой пикантной истории будут судачить еще очень долго и наверняка сочинят песенку под

аккомпанемент волынок, виелл[58], тамбуринов и ландскнехтов.

Набонид в сопровождении знатных лиц обходил Праздник, дабы проконтролировать мизансцену и показаться своему народу.

На Вечном Бульваре прибытие господ было отмечено скоплением уважительной толпы. Любопытные туристы и суровые сельчане тыкали пальцами: вон тот, высокий, в соломенной шляпе.

— Ну до чего же противно, — сказал Спиракуль, который играл с Квостоганом в ятонский бильярд. — Ну до чего же противно смотреть, как все они пресмыкаются перед этим быдлом.

— Пф, трусы, — ответил его партнер.

— Почетная Стипендия — это просто возмутительно. Настоящий скандал. А им хоть бы что.

— Он бьет свою посуду один; их и это не возмущает.

— Ворчат себе под нос, и на этом все.

— Слюнтяи.

Набонид шествовал, величественно рассекая массы. Он остановился перед тиром и, поразив

---

[58] Примечания: 58

Средневековый струнный щипковый музыкальный инструмент, похожий на виолу.

каждую мишень с первого выстрела, выиграл приз, который под ликующие выкрики восторженного населения ему вручила взволнованная кассирша.

— Ты только посмотри, — сказал Спиракуль. — Ну, что за выпендрежник! Ему ведь с двух метров в слона не попасть!

— Здесь ты не прав, он — знатный стрелок, — возразил Квостоган.

— Ага, ты тоже прогибаешься? Если бы меня тут не было, ты бы пресмыкался, как и остальные.

Лё Бестолкуй, который терпеть не мог все народное, мучительно следовал за начальственным кортежем.

— Ох уж эта чернь, — обронил он.

— Вы можете вернуться домой, — заметил Сенперт, которого глубоко обидело то, что переведатель не пригласил его на перекус.

Набонид обернулся к Лё Бестолкую:

— Вы устали? Вам скучно?

— Ах, господин Набонид, как метко вы трахнули все мишени! — ответил переведатель.

— Пф! Подумаешь, сложность: расколоть горшок с трех метров!

— А вы сами что, ни разу в жизни не трахали? — поддел переведателя Сенперт.

Присутствующие отменно посмеялись над этим отменным каламбуром.

Дойдя до карусели, Набонид предложил прокатиться. Лё Бестолкуй отказался: его от всего этого мутило. Взгромоздившись на деревянную корову, Набонид сделал вид, что безумно веселится, и горожане говорили: наш мэр не гордец, это хорошо, и сельчане добавляли: их мэр не гордец, совсем не гордец, и туристы заключали: вот это да, вот это да, по части фольклора нас здесь просто закормили.

— Посмотри-ка на этого выпендрежника! — сказал Спиракуль своему партнеру, который пытался зацепить крючком бутылку шипучки. — Он это делает ради популярности, и у него получается!

— Но ведь он и вправду не гордец.

— Ну вот, ты такой же простак, как и все остальные. С такими олухами, как ты, не удивительно, что он до сих пор остается мэром.

Это замечание разозлило Квостогана; его рука дернулась, и он зацепил бутылку.

Спрыгнув с коровы в гущу всеобщей почтительности, Набонид увидел Штобсдела, который ему штобсвыделывал какие-то знаки. Мэр к нему подошел и завел его в укромный уголок, за фур-

гоном.

— Ну, что поделывают мои сыновья, Штобсдел?

— С какого прикажете начать?

— Вы теряете ум, Штобсдел. Я спрашиваю, что они делают.

— Вместе ничего, поскольку они не вместе. Но по отдельности каждый чем-то занят.

— Не пытайтесь умничать, Штобсдел, у вас это все равно не получится. Жан вернулся?

— Да, около часа. Он ел бруштукай с Сахулом. В настоящий момент они вдвоем выпивают вместе с Полем все втроем. Они сидят у Ипполита. Не подобает сыновьям господина мэра приятельствовать с сельским почтальоном!

— Оставьте свои замечания при себе, подчиненный чиновник.

— Прошу прощения, господин мэр. Но в такой день, как сегодня, можно себе позволить инсинуации подобного замеса, а то как же…

— Что же они замышляют? — прошептал Набонид.

— Откуда мне знать? Вид у них очень возбужденный. Но сегодня все очень возбужденные; а значит, это ничего не значит. Причина всему — это гспадин Жан, который все время разгуливает

по Знойным Холмам.

— Не умничайте, Штобсдел. Вы ничего в этом не смыслите, черт возьми, ничего не смыслите. Что же они замышляют? Что?

Штобсдел пожал плечами, что являлось для него проявлением полного неведения. Затем высморкался. Набонид уже думал о другом.

— А Пьер?

Штобсдел самодовольно улыбнулся.

— Сейчас он как раз читает речь.

— Што-што?!

— Да. Он как раз читает речь в заведении Роскийи, где даже снял для этого зал; это стоит полтюрпина, участие в расходах по организации, как написано на рукописной афише. Вот почему я пришел, потому что подумал, что вы захотите услышать, как гспадин Пьер прочтет речь, а еще потому что удивлялся, что вас, почтенный мэр, там нет. Штоб мне пусто было, какая честь для вас, гспадин Набонид, ведь не так много молодых людей способны прочесть речь, особенно насчет рыб, насколько я понял из его первых слов, но я сейчас как раз вам все это докладываю, поскольку не увидел вас у Роскийи и подумал, что вам будет приятно услышать, что гспадин Пьер общается с массами.

На этом Штобсдел, имеющий вполне обоснованную репутацию идиота, заткнулся.

— Вперед! — скомандовал Набонид.

Он устремился к Роскийи. Он шел задами, за фургонами и стендами, дабы избежать толпы. Ярмарочные собаки набрасывались и лаяли ему в подколенные впадины. Сзади следовал Штобсдел, отгонявший животных пинками и покрикивающий ах вы мерзкие твари! с откровенным негодованием.

Меньше чем за десять минут весь Родимый Город узнал, что Пьер Набонид произнесет речь, и во всех умах, которые Праздник — следуя своему прямому назначению — отвлек от обычной городской жизни, эта новость сразу же пробудила воспоминание о Почетной Стипендии.

В указанный час зал был заполнен до отказа и забит до предела. У дверей стоял хозяин заведения Роскийи и преграждал вход сверхзапланированным слушателям, несмотря на их алкоголистически пылкое возмущение. Среди присутствующих — ни одной женщины и очень мало знатных лиц. Не было ни Поля, ни Жана, зато в первом ряду сидели Роберт и Манюэль.

Ровно в шесть часов появился оратор. Он решительно направился к столу и сразу же заговорил.

Все немедленно замолчали.

Первые слова потерялись в глубокой тишине. Что же он такое говорит, этот обалдуй Пьер? Не очень понятно. У Жизни есть два аспекта. Откуда он это взял? Из Чужеземного Города? Уж лучше бы работал, чтобы воздать должное своей Почетной Стипендии. Есть Жизнь на Свету и Жизнь во Мраке, и на Свету она регулируется Страхом, а во Мраке — Счастьем. Вот что он рассказывает. И чего ради в этот Праздничный день он тревожит сограждан, призывая их размышлять о Жизни. Она там, на улице, эта Жизнь, со своими качелями, алкогольными напитками и ярмарочными уродцами.

Ах, вот оно что: он полагает, что его не поняли. И до чего же настырным он стал после своих путешествий. Ладно: пускай объяснит на примерах. Все равно хуже от этого не будет, поскольку вообще не очень понятно, что он такое говорит. Што-што?! Жизнь Эмбриона? Ну, как тут удержаться от смеха! И то правда, ежели он сюда пришел рассказывать скабрезности, то, может, стоит остаться и чуток послушать. А он все рассказывает. Рассказывает и, похоже, верит в свои россказни. А теперь он уверяет, что жизнь зачастую тяжела и трудна и никогда не знаешь, что

тебя ожидает. Что в жизни есть переживания, и неприятности, и неудачи, и болезни, и утраты. Вследствие чиво у него такая мысль, дескать, было спокойнее, когда все сидели в материнской утробе, все же до чего похабно произносить такие штуки вслух.

Однако какие странные мысли. Можно обойтись и без того, чтобы копаться в извилинах по этому поводу, да и все эти громкие слова означают непонятно что. Вот на что он тратил свое время в Чужеземном Городе. Уж лучше бы выучил их язык. Вот на что потрачены общественные тюрпины, на то, чтобы сыновья мэра могли ворошить в своей голове кучи неприличных мыслей.

Ладно, теперь он заговорил об Океане. Не понятно, в какой связи. Из-за вод. Из-за каких вод? Ах вот как, теперь понятно. Да ведь это же просто мерзость, то, что он рассказывает. О таком нельзя говорить публично. Это гадко, тем более что здесь дети! По этому поводу Спиракуль что-то деликатно прошептал, но его заткнули.

Теперь он собирается говорить о твари еще более противной, чем омар и устрица: о пещерной рыбе. Где он ее выудил; нет, это просто невообразимо!

— А-ка-кой-прок-сэ-тих-пе-щер-ных-рыб? — от-

чеканил кто-то.

Растянулась обширная тишина. Пьер оглядел присутствующих и высмотрел отца, который только что вошел в сопровождении Штобсдела.

— Ладно, заткнись, — сказал Набонид добродушным тоном.

Затем, повернувшись к слушателям, мэр жизнерадостно возвестил:

— Уважаемые сограждане, благодарю вас за доброжелательное внимание, которое вы соизволили оказать интереснейшим бредням, которые только что наплел мой сын. Надеюсь, они вас позабавили. Они выдают некую наивность, которую, надеюсь, вы простите оратору, учитывая его юный возраст. Спасибо, уважаемые сограждане, еще раз спасибо.

Никто не пошевелился.

Ух ты! Ну и ну, вот дела! В Родимом Городе об этом будут говорить не меньше, чем о ляжках госпожи Мазьё и госпожи Мачут. Осознавая всю серьезность настоящего часа и испытывая гордость от причастности к ключевому моменту истории, слушатели чувствовали, как в их обыденной груди сердце бьется по-праздничному незаурядно.

Никто даже не шевелился.

Штобсдел попытался замять неловкость и робко сказал:

— Ну же, господа, не задерживайтесь!

Никто даже не пошевельнулся.

А он-то чего замолк, этот пентюх?! Это слегка облегчило бы сообщество. А то все чувствовали себя как бы виновными, ну да: как будто и в самом деле виноватыми! В день Праздника все это не очень приятно. Ну и дела, ну и дела! Об этом будут судачить еще очень долго, это уж точно! А может быть, даже сочинят какой-нибудь куплетец под аккомпанемент систров[59], барабанов, флейт и шалопутов. Набонид сделал вид, что уходит, и обратился к Лё Бестолкую:

— Пойдемте, друг мой?

Тут, проявив необычайное мужество, слово взял Спиракуль.

— А нам-то чего уходить? Еще не конец.

— Еще не конец, — подхватил Квостоган.

Этого мнения придерживались и другие. Раздался шепот. Некоторые встали.

— Подождите, подождите! — крикнул Пьер. — Я еще не закончил. Подождите!

— Садитесь, — крикнул кто-то. — Он будет го-

---

[59] Примечания: 59

Систр — античный ударный музыкальный инструмент, представляющий собой треугольный металлический прут, увешанный кольцами.

ворить.

Даже Набонид не пошевельнулся.

Пьер открыл несколько раз рот, не издав при этом ни звука. Наконец объявил:

— В качестве заключения я хотел бы затронуть вполне определенную и конкретную тему: положение несчастных рыб, когда их вытаскивают из влажной стихии.

Все рассмеялись.

Когда все ушли, Пьер почувствовал, что его охватила смертельная скорбь.

Дамы пребывали в столовой.

— Сегодня вечером он ведет себя довольно скверно, — сказала Жермэн.

— Почему скверно? — спросила Паулина. — Сегодня праздничный день. Все развлекаются.

— И все же, маман, как ему не стыдно такое вытворять? Разве вы не заметили?

— Что именно?

— Он все время зажимает малышку Эвелину в укромных уголках. А ведь это его будущая невестка!

— Ха! Так ведь пока еще не невестка.

— Если бы Поль видел!

— А нечего шляться где попало! Куда он опять подевался? Когда ты помолвлен, то уж будь любе-

зен, присматривай за своей невестой, так-то!

— А малышка Эвелина ему это позволяет! Я видела, как он щипал ее за подбородок. Да-да, за подбородок!

— Ха, если это доставляет ему удовольствие. Это его право.

— И все же, маман. Все же…

Восторженные крики: «Ах! Какой красивый! Зеленый!», раздавшиеся в соседней комнате, возвестили о начале фейерверка. Старая Набонидиха налила себе стаканчик строгача.

— За ваше здоровье, доченька.

Госпожа Набонид опустила голову.

— И все же, — повторила она, вздыхая.

— Ах! Какой красивый! Белый! — заорали по соседству.

— Он — ловелас. Я готова его простить, и все же, когда речь идет о будущей невестке…

— Никто и не собирается просить у вас прощения, — отрезала старуха. — Он делает, что хочет. Мой сын — не такой, как другие, пора бы, доченька, это понять.

Госпожа Набонид вздохнула.

— А скандал с Пьером…

— Шалопай заслуживает хорошей взбучки. Читать речь, подумать только! Сопляк! Про-

бестолкуйничал там всю стипендию, а теперь приехал разглагольствовать о каких-то рыбах! Пф! Он заслуживает хорошей взбучки.

Она допила строгач.

— Пойдемте, доченька, посмотрим фейерверк. Его организовал ваш муж и мой сын. Этим нужно гордиться.

Госпожа Набонид, вздыхая, встает и идет за старухой. Они выходят на балкон и присоединяются к гостям: дюжине знатных лиц обоих полов.

Совсем рядом с Эвелиной стоял Набонид.

Он стоял совсем рядом с ней.

— Ах! Ах! Ах! — закричали все при виде зеленоватой гусеницы, выползающей из искусственного созвездия.

— Великолепно! — воскликнул Лё Бестолкуй.

— Самый красивый фейерверк, который когда-либо устраивали, — сказал Зострил.

— В сороковом году был знаменитый фейерверк, — вмешался эрудит Капюстёр, — но с этим он сравниться не может.

Красочные узоры наверху сопровождались завихрениями толпы внизу, на Площади. Раздавались восклицания. Тщательно выстроенные звезды прорывались сквозь довольно густую тьму. Воздушная масса была теплая и мягкая,

но слегка утомленная тяжестью запахов: толпа, алкоголь, бруштукай, пыль. Но прошедший день все же был хорош, и в эти нежные часы полной глоткой вдыхалась первая весенняя ночь.

В небе рассыпается облачко голубых искр.

— Какая красота, — сказала Эвелина своему соседу. — Голубой цвет очень красивый. Вы не находите, гспадин Набонид?

— Очень, — задумчиво ответил тот.

Эвелина взглянула на него:

— О чем вы думаете, гспадин Набонид?

— Если мы поднимемся на третий этаж, будет видно еще лучше.

Госпожа Набонид-мать почесала нос, госпожа Набонид-супруга ничего не заметила.

— Ах! Какой красивый! Красный! — фальшиво и придурковато крикнул Лё Бестолкуй.

На верхнем этаже Набонид открыл окно в кабинете своих сыновей.

— Отсюда видно ничуть не лучше, — заметила Эвелина.

— Не лучше, зато здесь спокойнее[60].

— Это правда, здесь спокойнее. Как они громко

---

[60] Примечания: 60

Аллюзия на эпизод из романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», в котором Родольф предлагает Эмме подняться на второй этаж мэрии, поскольку «там будет удобнее наслаждаться зрелищем».

кричат. Тихая ночь — это так чудно, не правда ли?

— Несомненно. От этого становишься нежнее.

Он подергал себя за усы и, скользнув взглядом вниз, прошипел:

— А из вас получится хорошенькая невесточка.

— Не будем сейчас об этом, гспадин Набонид. Давайте лучше помечтаем.

— А-а, — заинтересованно протянул он.

И добавил:

— Вот это, по-моему, превосходно.

Речь шла о пиротехническом явлении, которое только что расплылось в атмосфере, после чего пролилось беловатыми подтеками.

— Знаете, Эвелина, — добавил Набонид, — я не особенно привык мечтать.

— Но ведь только что у вас был довольно задумчивый вид.

— Возможно, подобное происходит со мной, а сам я этого не осознаю, хе-хе-хе.

Его рассмешила эта история с привычкой, застигнутой врасплох на начальной стадии роста. И его грудная клетка задрожала, что вызвало самопроизвольное вытягивание рук, одна из которых внезапно обняла Эвелину за талию.

Эвелина легонько затрепетала, чуть слышно

ахнула и, переждав сгорание фиолетовых, синих, голубых, зеленых, оранжевых и красных свечей, подытожила:

— Неужели вы лично отбирали все эти красоты, гспадин Набонид?

— Да, — сказал он и добавил: — Эвелина.

И добавил еще раз:

— Эвелина, — ниже модулируя голос и сильнее сжимая ее талию.

В этот момент несколько светящихся букетов разорвали шелк неба. В кабинете, позади них зажегся свет. Эвелина высвободилась и обернулась. Увидев Пьера, она произнесла его имя. Набонид повернулся в том же направлении.

— И что мне дали все эти книги? — усмехнулся Пьер. — Смотри-ка, словарь чужеземного языка.

— Зачем ты сюда пришел?

— Я пойду вниз, — сказала Эвелина.

— Здравствуй, Эвелина, — сказал Пьер.

Он проводил ее взглядом.

Они услышали, как она торопливо зацокала по лестнице.

— Я спрашиваю, зачем ты сюда пришел?

— Чтобы тебя убить.

— Но ты не имеешь права, — возмущенно воскликнул Набонид. — Я — твой отец.

— Я хочу тебя убить. К сожалению, я ничего не принес для того, чтобы это сделать. Ни ножа, ни ружья, ни топора, ни палки.

— В таком случае это всего лишь слова.

— Я хотел тебя об этом известить.

— Ну, хорошо, ты меня известил.

— Да, я хочу тебя убить.

— Интересно, за что?

— Ты вывел меня из себя.

— То, что ты сегодня рассказывал людям, — просто глупость.

— Не глупее твоего фейерверка.

— Но это обычай, малыш.

— Его надо пересмотреть.

— А еще что?

— Убрать тучегон.

Пораженный Набонид оперся о косяк балконной двери и закрыл лицо рукой, в которой унюхал аромат духов Эвелины. Это открытие изменило ход его мыслей, он снова — но уже вслух — подумал про ужас, а вместе с ним и о том, как избавиться от Пьера и попасть на балкон этажом ниже.

Он прочнее уперся ногами в пол, убрал с лица руку и сделал вид столь же отстраненный, сколь и решительный.

— Ну что ж! Как ты говоришь, это всего лишь слова. Тем не менее спасибо за то, что проинформировал! Я пойду к гостям.

— Я убью тебя.

Набонид двинулся вперед и прошествовал перед Пьером, у которого и в самом деле не было никакого оружия. Так целым и невредимым мэр спустился к гостям, а отец — к своей будущей невестке.

Когда фейерверк потух, гости согласились отведать шампанского — шумной, шипучей и хмельной новинки, импортированной Мандасом. Лё Бестолкуй не хотел, чтобы его дочь пробовала, но Набонид поднес Эвелине полный бокал, и та нашла напиток замечательным.

Затем они стали перебирать различные коллективные развлечения и остановились на игре «мы — валун, а в нас кристалл»[61], которая требует большого внимания. Бабка Паулина заснула. Эвелина играть отказалась. Набонид, хозяин, вызвался составить ей компанию, хотя и любил подобные забавы. Они уселись подальше от

---

[61] Примечания: 61

Название несуществующей игры «caillou qu'on est, cristal qu'en a» можно перевести и по-другому, используя фонетические созвучия во французском варианте, например: «Камнем быть, хрусталь иметь» или «Что камень знает, то хрусталь получает».

невинных игроков.

Эвелина поставила свой неимоверно пустой бокал и уже собиралась сказать, что нашла шампанское замечательным (превосходным, изумительным, чудесным или каким-то еще, например освежающим, пока еще не выбрала), но, повернув голову, увидела интенсивно багровеющее лицо Набонида и встревожилась.

— Поль сегодня не вернется?

— Не знаю, — рассеянно ответил Набонид.

Его глаза стали совсем круглыми, а зрачки казались черными, отменно промасленными шляпками забитых под бровь гвоздей.

— Не понимаю, почему его нет.

Набонид, похоже, не слушал. Он схватил руку Эвелины. Эвелина испугалась, что кто-нибудь из невинных игроков обернется. Но тут вошел Поль.

Набонид отпустил ее руку.

Поль улыбнулся.

— Где вы были? — спросила Эвелина. — Я целый вечер вас не видела. Мы могли бы потанцевать.

— Я искал братьев и сестру.

— Но ведь у вас нет сестры, — рассмеялась Эвелина.

— Так говорят. Ладно, пускай будут одни бра-

тья.

— Мне не нравятся твои выходки, — сказал Набонид. — Ты должен был присутствовать. Что ты делал? А Жан?

— Жан только что вернулся со Знойных Холмов. И снова отправляется туда вместе с Пьером. Они попросили, чтобы я тебе об этом сообщил.

На Набонида было страшно смотреть. Эвелине тут же захотелось вернуться к коллективной игре. Набонид предложил ей присоединиться к гостям. Она убежала и оставила двух мужчин наедине с их семейными историями.

— Объяснись, — сказал Набонид.

— Когда я говорю Знойные Холмы, я имею в виду конкретно их предел: бабушкину ферму.

— Ну и что?

— Тебе нужны подробности? Все очень просто: мы кое-что обнаружили.

— Это правда?

— Правда.

Набонид растолкал свою мать, которая что-то забурчала сквозь ошметков недоброкачественных снов. Они ушли вдвоем-с. Оробевшие игроки сделали вид, что уходивших не заметили.

Поль подошел к Эвелине.

— Теперь потанцуем?

— Что произошло? — спросила она, тряхнув локонами.

— Мы переживаем исторические времена, — ответил Поль.

Она взглянула на него:

— Ну, скажите, мой дорогой Поль. Расскажите мне все.

— Нет, — ответил Поль.

Он посмотрел на нее еще раз и повторил:

— Нет.

III. Валун[*]

ЖАН:

Зарождался день, и бедствие с ним, и я направился в горы:

Под предел поржества похитителем патер позорным прочь припустил;

И я знал, почему он бежал и что собирался делать.

Я познал его план, удел и побег, его цель, его путь.

И отправился в горы к знойным холмам, едва занималась заря,

С утренним ветром прохладным по дороге пустынной, что к ферме вела,

К неминуемой первой стоянке, к первой отметке на траектории безупречной,

К первому сроку расплаты.

Пьер преследовал также отца-беглеца, но блуждал по путаным тропам,

---

[*] Примечания: *

В книге Кено «Каменная глотка», каждый из 12 фрагментов III главы (которая называлась «Большой Минерал») соответствовал определенному знаку зодиака; очередность фрагментов соответствовала порядку смены знаков от Овна до Рыб. Фрагменты 1-й (Овен), 4-й (Рак), 7-й (Весы), 10-й (Козерог) имели соответственно подзаголовки: весеннее, летнее, осеннее, зимнее солнцестояние.

За отшельником гнался отшельник,

Ведомый только местью своею и жаждою смерти чужой,

А я отцовской тропой поднимался, след в след по стезе ступая.

И я знал, куда я иду, и знал, куда стремился идти, идя туда я,

На далекую ферму, где проживала бабка, которая породила

Знаменитого и великого, сильного и могучего Набонида, мэра Родимого Города,

И просто отца моего.

В домике маленьком, на посту человечьем последнем пред миром камней,

Проживала она вместе с курами и цыплятами их, вместе с овнами и козами их, вместе с коровней и ее овчаром.

И страдала земля ее окружавшая от недостатка любви и шелушилась местами плешиво,

Эта земля наклонная, эта земля насклонная, эта земля насклоненная,

Отвращая страдательный труд работников полевых.

И держалась старуха межи, разделявшей растенья и скалы,

И не ведал никто, оставила камень ради тра-

вы она

Или ушла, покинув Родимый Город, Привлеченная знойностью гор, но не осмелилась им отдаться

И подобно коровне щипала траву и подобно козе тянулась к утесам.

И жила там старуха, на рубеже двух владений, на самой границе двух царств.

И, спустившись на праздник, вернулась ночью,

И оставила позади себя город, что долго не мог уняться, пока не уснул,

И вернулась, ведя за собою мужчину сраженного и судьбой сокрушенного,

Сына родного, могучего и знаменитого мэра Родимого Города,

И просто отца моего.

И осталась на ферме жить в одиночестве и оплоте жестокости застарелой,

Он же дальше бежал, к пристанищам вышним.

И луч солнечный разжижал пирамиду навоза, что высилась посреди двора[63],

И бабка дремала, слюнявя зубы.

---

[63] Примечания: 63

В статье «Символизм солнца» (1931) Кено рассматривает символические представления солнца и их различные интерпретации (в том числе аналогию с экскрементами).

Одурев от фифрыловки праздной, тупо разглядывала одного из сынов от сына единственного своего.

Меж нами ни слова, ни знака, и ни признанья,

Мимо нее проходя, обыскал хлев и дом.

И прародительница причитала, причитая, пуская слюну, слюну пускала она.

Но не было времени у меня смеяться над старческой яростью живостенья.

Отец бежал дальше, к пристанищам вышним.

Захватил я с собою воду и пищу, ибо знал протяженность пути,

И ушел, не простившись со старостью злобной надзирательницы разоблаченной.

После фермы дорога тянулась вдоль пастбищ,

А потом истончалась в тропу, что к мельнице подводила,

У которой коровня и козы, хранимые овчаром,

Щипали чахлые скудные травы, что наклонная эта земля рождала.

Еще ранее до зари бугрямый пастух угадал во тьме

Тень густую, что расторопно к мельнице продвигалась,

Угадал в ней того, кто раболепными горожанами правит,

И разрушает богатства свои, дабы потешить их вялые очи.

Не великий ли то Набонид, с автоматом под мышкой, шел пострелять хищных птиц?

И бугрямец отводит глаза и вновь сторожит худосочное стадо.

Пополудни в третьем часу дошел я до мельничной башни, которую все полагали заброшенной быть.

Оказалась открытой дверь и ничего никого, дабы вход преградить.

И я крикнул: «Ты здесь, о отец», но поднялся, не дожидаясь ответа.

В окрестностях этой башни, которую все полагали заброшенной быть, я раньше бродил одиноко,

И чувствовал, там пульсирует жизнь, жизнь-загадка, жизнь-тайна,

И Сахул обнаружил со мной эту жизнь, жизнь-загадку, жизнь-тайну,

И замкнутый рот бугрямца и скрытные посещения пращурной самки.

И вот я проник в этой башню, где прятали жизнь, жизнь-загадку, жизнь-тайну,

Ту самую жизнь, к которой Поль имя сумел приложить,

Я проник в эту башню, которую окружил тер-

пеньем его.

И, поднявшись наверх по лестнице винтовой, дверь обнаружил,

И в берлогу вошел, но отступил, вонью отброшенный, я.

На полу догнивала еда, и ели протухшее мясо черви,

Вытекали из мусорной кучи струи жидкости густоватой, а в углу плесневела лужа,

Пожирали подстилку из черной соломы гниды, и танцевали на испражнениях мыши,

И не могло сквозь трещины в стенах солнце пробиться в приют сей отхожий,

А в лоне долины город бесстыдный сжимал между лядвей усохшее вади[64].

Здесь теченье вещей исчерпалось, течение времени для одной человеческой жизни.

И, плененная у горизонтов горних, жила она здесь, сестра незнакомая,

В отдаленье от города, вдалеке от жизни его, вдали от пастбищ и стад,

У хребтов расщепленных, у знойных вершин, раздирающих небо.

Но отец, убегая дальше к пристанищам выш-

---

[64] Примечания: 64

От *фр.* oued или ouadi — пересыхающее русло реки в Африке.

ним,

Но отец, удаляясь с жизнью своей к терпким иссушенным скалам,

К Великому Минералу, где по склону стекает вода из Окаменяющего Истока,

Но отец уходил все дальше и дальше от Родимого Города, который отныне знать его не желал,

И в погоне за ним мой упреждающий взор, упорство его и истина наша.

Пьер, дорогой своей следуя, должен пройти мимо дома другого в преддверии Гор,

Поклониться паре калек, двум закрученным и заключенным, двум источенным и исключенным,

Нежелательным приживальцам и страхолетинам старым, стражникам сушлым, но без сетей, Высылаемой швали, шалопутам и шаромыкам, лишемерным шакалам, шавкам шамкающим и шелудивым

Двум изгнанникам, паралитику и слепцу, Никодему и Никомеду.

Приезжают сюда раз в неделю торговцы и от дверей оставляют в миле

Для стухществований этих усохших пищу в достаточной мере,

А затем убегают, чтоб возвратиться в город

поспешно и получить ганелонов горсть за мизерный провиант,

Счет, оформленный по образцу, как должно представив Мэру Родимого Города,

Моему отцу. И еще отцу того, кто подходит к хижине двух ущербных Нико.

Никодем с Никомедом по саду гуляют, один забравшись на плечи к другому,

И когда на плечах восседает слепец, не так далеко они могут уйти,

Однако сие в рутину разнообразие вносит и иногда небольшим развлеченьем служит.

Так на следующий день после Жди-не-Жди, чьи утехи всякого рода

Не смогли калеки вкусить по причине двойного их остракизма, гуляли они, исходя из басни[65],

Пребывая спокойно: паралитик внизу, а слепец наверху.

И как только поняли, кто посетить их решился,

Языками задвигали хором в своих одубленных ртах:

«И куда же идешь ты, жизнь которого мы в Чужеземных краях полагали?

---

[65] Примечания: 65

См. примечание 8 к части V /В файле — примечание № 117 — *прим. верст.*/.

И зачем же идешь ты в Знойные Горы, не покидавший ни разу города, что внизу,

Исключая отъезд в Чужеземье для изученья наречья его?

И зачем ты бредешь по этим дорогам? Лишь брат твой проходит порой и одиночество наше тревожит.

Ты ошибся, Пьер Набонид, ибо, сюда забредя, ты спутал свои шаги.

Не для жителей города, что внизу, Знойные эти Холмы,

Здесь и воздух не тот, что киснет на площадях и бульварах.

Ты ошибся, Пьер Набонид, не твой это путь».

Но сказал Никодем, что, возможно, у заблудшего есть причины.

«Я пришел в эти горы, не потому что люблю, — сказал Пьер, —

Я пришел к вам не потому, что меня привели мечтанья,

Не для того я здесь, чтобы время зря провести, не зная, чем бы заняться в городе, что внизу.

Я иду в эти горы, чтобы — горло мое раздирает крик — чтобы убить».

«Но отсутствует дичь средь сакральных камней, что ощущают наше увечье», — сказал Никомед.

«Кто ж тогда убегает в горы?» — «Мой отец, Набонид Великий».

«Почему он бежит, этот сильный и властный муж, ведь он правит городом, что внизу, ведь он управляет Родимым Градом?»

«Он думает, что бежит от брата, но воистину он бежит от меня».

«Почему он бежит от тебя?» — «Потому что смерти боится».

«Почему он смерти боится?» — «Потому что умрет непременно, и хочу того я».

«Неужто хмель праздника так тебя опьянил?» «Он умрет, ибо здесь моя Истина восторжествует».

«Что за Истина у тебя?» — спросили близняшки-калеки.

«Существует Жизнь Мрака, а с нею Жизнь Света, Жизнь Покоя а также Тревоги,

А еще жизнь Былого, а еще жизнь Грядущего, жизнь Эмбриона, Жизнь Человека, жизнь Океана, и Воздуха жизнь,

Солнца жестокого жизнь, Воды ниспадающей жизнь».

«А для нас, не знающих Жизни, речи твои — загадка,

Но ведь смысл обретают слова, обагренные

кровью!»

И на этом Пьер распрощался, благодаря за радушный прием горячо.

Пополудни к часу шестому я проник в горловину ущелья Предков.

Там утесы хранили вид старцев, их головы мох украшал.

И достигло солнце своей абсолютной власти, и камень дрожал, как в лихорадке плоть,

И поднялся ветер, на склоне вершины дремавший.

Заметался в ущелье, словно несметное войско,

Неотъемлемый груз невидимой конницы горной,

И дыханье его кожу с рук и лица сдирало и как кости скалы глодало.

И я шел чрез ущелье Предков, щель первых ворот[66] Великого Минерала.

Той дорогой не мог не пройти отец, однако не

---

[66] Примечания: 66

Согласно Р. Генону, ворота летнего солнцестояния традиционно указываются как «врата людей» («Иероглиф Рака», 1931) и определяют «путь Предков» («Человек и его становление по Веданте», 1925). Эти врата соответствуют нисходящему периоду годового солнечного цикла. По аналогии фазы дня представляют собой фазы года; нисходящая половина дня растягивается от полудня («Пополудни к часу шестому») до полуночи: это время, когда совершается работа посвящения, которая рассматривается как «переход от „врат людей“ до „врат богов“» (зимнее солнцестояние) («Символы сакральной науки»).

видел я ничего, что могло бы служить подтвержденьем,

До часа восьмого.

Продолжал я идти, с ветром сражаясь, воющим в горной гортани

И с камнями сражаясь, с солнцем сражаясь, со зноем сражаясь.

И лишь к часу восьмому заметил я влажные пятна, что у подножья скалы расходились ручьями.

Ветер знойный уже иссушил эту лужу, в тень ее превратив.

И я понял тогда, что шел верным путем отец, ибо на этом привале мочился

И теперь, задыхаясь, стремился Истока достичь, ибо не было здесь другого пути.

И я знал это, ибо давно эти горы избрал местом своих открытий.

Был уверен в пути своем я, и за шаг свой спокоен, и, почувствовав голод, остановился,

И отведал хлеба, и сыра, и фруктов, красным вином запивая.

«Поль Набонид, ты слышишь меня? Вот я здесь на тропе,

На пути, что скоро меня приведет пред родительский лик,

Пред лик отца моего, которого мы смутили,

И который скрывал эту жизнь, о которой мы знать желали.

Но его мы раскрыли и разгадали,

И теперь я без ненависти догоняю, по знойной горе восходя,

Догоняю того, кого мы без злобы низвергли. И бежит наш отец! Он бежит через горы, за собой увлекая жизнь, что в тайне от нас держал,

Ту секретную жизнь, которую мы предадим свободе, ибо вели себя осторожно, мудро и прозорливо.

Нет: осторожным, мудрым и прозорливым был один ты, а я только грезил,

Мои грезы умелой рукою ты взял и из них сотворил мечту настоящую,

И тогда мой отец город оставил,

Еще ранее в горы я уходил совсем как зверь изнуренный, как истерзанный человек, подобно птице метался,

Уходил я из города и, когда возвращался, отец мой прощал,

Ибо всегда и во всем проявлял ко мне снисхожденье.

Но любовь его настоящую я обнаружил, а из этой мечты его бегство ты заключил,

А из этого бегства отслеживание и погоню я сотворил.

Я лишь грезил».

Так я спел, вина красного выпил и снова пустился в путь,

С ветрами сражаясь, с камнями сражаясь, с солнцем сражаясь.

Оказался в горах Пьер один, и сказал он:

«О, отец мой! Отец, я тебя ненавижу! Отец, я тебя ненавижу безмерно!

Я вознесен по склону горы как утес, перо, что уносит дыхание мести,

Ослеплен я, ибо не ведаю ни пути своего, ни стези.

И дорога моя есть тайна усталому телу, ногам, что шагают к вершинам.

И смерть меня гложет, смерть и желание смерти,

Мой Отец, как хотелось бы мне, чтоб ты умер, да, чтоб ты умер!

Мой Отец, почему ты был таким всемогущим, таким всесильным?

Ведь ты встал на моем пути, а я тебя не увидел.

Ты меня защищал, когда я был еще ребенком, и ты, отец, меня раздавил.

Ты меня поддержал, когда я ходить не умел, и

ты, отец, меня так унизил.

Ты меня подводил к порогу мужей, и ты, отец, меня оскопил[67].

Ты хотел, чтобы я онемел и истина онемела моя, как я сам,

И в Городе чтобы Родимом, где живущие все по праву — твои, потерянным я себя ощутил.

Моей истины ты не понял, ты меня так унизил.

Моих слов ты не слушал, ты меня раздавил[68]. Всемогущим, всесильным ты в Городе был Родимом, который сжимал в своем кулаке,

Ты был первым тогда, ты был главным тогда, и все горожане лизали подошвы твоих сапог, Когда ты вещал, пред тобой эти люди склонялись до самой земли,

И весь Город Родимый поддерживал силу и славу твою.

---

[67] Примечания: 67

Отсылка к Ветхому Завету: «Твои руки трудились надо мною, и образовали всего меня кругом, — и Ты губишь меня? Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня? Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожею и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой?» (Иов. 10, 8–12).

[68] Примечания: 68

Отсылка к Ветхому Завету: «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; Был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня, болен и в темнице, и не посетили Меня» (Мф. 25, 42–43).

Даже ненависть редких, даже ненависть редких мощь твою укрепляла!

Да, ты был мне отцом, говорил ты, что хочешь чтоб стал я мужчиной,

Но воистину, да, мой отец, воистину ты хотел, чтобы я стал безвольным,

А я верил всему, что ты говорил, наставник, начальник, законодатель и повелитель,

Но когда захотел я открыть тебе тайну двойную Жизни,

И напомнить тебе о судьбществовании и условиях рыбьих,

Надо мною ты насмеялся, склонил мою голову смехом громоподобным.

И когда захотел я другим приоткрыть тайну двойную Жизни,

Напомнить и им о судьбществовании и условиях рыбьих,

Язык мой ты вырвал и бросил свиньям, которые поклоняться тебе готовы.

Причинил ты мне столько страданий, ты, властью своей предрешавший замужество каждой девицы Города,

Уничтоживший больше богатств, чем все остальные, ты, торжествующий и над друзьями, и над врагами,

Причинил ты мне столько страданий, ты, Набонид Великий, отец мой, но ты не сумел меня покорить.

Ты меня измельчал, дробил с такой силой, словно желал субществованье мое прекратить,

Да, ты вырвать хотел из струпществованья сутьществованье сути моей,

Да, ты был всемогущим, всесильным,

И ты думал, что против тебя сделать я не могу ничего и не смогу никогда,

И я тоже так думал.

И должен был правду свою скрывать из-за твоей громогласной глотки!

О, как я тебя ненавижу! Отец Набонид, о Великий! Безголовая грузная туша! Твоя мощь шимпанзе и душонка мартышки, Ты — вонючий козел, одряхлевший навозный слон, жаба, жрущая нечистоты,

Колченогий бычище, заговнившийся овен, торфяной паразит!

Упивался ты гноем из раны моей, гигантский пузатый червь,

Чтоб ты сдох! чтоб ты сдох! ты, желавший меня обессловить! Ты, желавший меня оскопить!

Чтоб ты сдох! Как хотелось бы мне прорвать твое мощное сильное брюхо,

Мой родитель, и вырвать из чрева кишки, и разбросать их, чтобы сушились на скалах,

Чтобы хищные птицы слетались терзать твое бескровное сердце, твою печень,

Те красивые хищные птицы, которых ты с радостью убивал,

Ты, которого я ненавижу, ты, который меня унижал,

Так, что душу мою изъело До смерти».

И отделил Набонид свою дочь от мира, и обустроил судьбу ей счастливую

Там, наверху, в предгорье на пределе травы и камней

В мельнице одинокой, которую все полагали заброшенной быть.

Отделил он безумную тайную дочь[69], которую больше всего на свете любил,

И сокрыл ее от людей и обрек на счастье.

Там, в протухшем приюте, на самом верху мельничной башни она счастливой жила и только его любила.

Горожане Родимого Города над безумной не

---

[69] Примечания: 69

По словам самого Кено («Дневники», с. 626), образ скрываемой дочери перекликается с темой героини А. Жида «Заключенная из Пуатье» (1930), которая описывает место своего заключения как «славную дорогую глубину мельницы».

насмехались и над вещею речью ее не смеялись, Ибо пророчествовала она.

Раз в неделю он, Набонид Великий, по горным тропам взбирался,

Против ветра шагая, что дует всегда над наклонной землей,

К мельнице.

И приходил слушать слова блаженной, которую больше всего на свете любил.

И приходил слушать слова без смысла, что вылетали из чудных уст,

Сужденья, которые он толковал, спускаясь к Родимому Городу,

И на которых жизнь свою созидал[70].

Так жили оба, и счастье одной составляло силу другого,

Сила отца сотворила счастье, исключительный и восхитительный дар,

Чей вид не смогли бы снести заурядные горожане.

Там, наверху, в этой башне, которую ветер, кружа, обдувал с утра и до вечера, с вечера и до утра,

---

[70] Примечания: 70

Возможная реминисценция пьесы «литературного безумца» Дефонтене «Старик с Горы» (1854): главный герой влюблен в свою рабыню Элен, которая обладает даром пророчества и дает ему прозорливые советы.

Там, наверху, в мельнице этой, которую не осаждали ни горячность людей, ни похотливость самцов[71],

В отдалении от городского смеха и деревенских шуток, вдали от глупости вечной,

Ткала она свою жизнь из абсолютного счастья, из счастья фатального, жизнь совершенную, И напевала песни грядущего.

Помои, что хлюпали под ногами, опарыши, что кишели на теле,

Запахи гнусные, падаль гниющая, что это было все, если

Не доказательство счастья ее? Так полагал Набонид Великий, который скрывал от города, что, внизу,

Исток своей жизни.

Но ухищренно и осторожно мельницу мы окружили,

В эту тайну проникли, и теперь через горы бежал отец.

А с ним вместе бежала она.

Скалы из пепла, скалы из лепры, скалы без

---

[71] Примечания: 71

Реминисценция темы заточения из «Федры»: «Сестру своих врагов на девство он обрек, / До гроба жить должна она в дому Тесея, / и не зажжет никто ей факел Гименея» (Ж. Расин. Трагедии, с. 250. Л. 1977, пер. М. А. Донского).

мха,

Ветер проносится, завывая, по горным ущельям и склонам.

Покорно судьбе одинокое солнце в небе вершит свой путь ежедневный,

Хищные птицы свет раздирают и облака разрывают,

Огромная оголенная зноем вершина в небо сосцы свои упирает,

Груди из камня, великие и минеральные перси Земли,

Полное одиночество, гордая знойная горечь, чистый воздух, что кровь бурлить заставляет:

Так и шли сыновья и отец к Великому Минералу.

К часу одиннадцатому с Пьером встретились мы у большого моста,

Словно губы слились над брешью, что сухо зияла,

И бок о бок шли мы одним путем, но не к единой цели,

Ведомые вместе единой тропой, но не одним устремленьем.

«Я ищу его смерть, — говорил один, — только смерть. Он умрет!

И умрет он, этот тиран, этот бизон, старый

медведь!

Я сброшу его с горных высот[72], и падет он с открытым зевом, с кровоточащим брюхом.

Он безмерно измучил меня, безмерно унизил, низринул на землю,

И я его сброшу с горных высот.

Он был таким сильным и всемогущим, что против него я не мог ничего

И изъедалось сердце мое, и ненависть грудь точила[73],

И был я так слаб и несчастен, что даже подняться не мог,

И никогда бы не смог, и навеки вынужден был бы умолкнуть,

Если бы вы

Не подорвали его всемогущество, вы, мои мудрые хитрые братья.

И вот он бежит, Набонид Великий, богатый и всемогущий.

Бежит, хотя уже мертв, ибо ненависть, что во мне, так глубока,

---

[72] Примечания: 72

Ср. «Лживый отец и старый фаянс, / Ты заслужил, чтоб тебя разбили» (Р. Кено. Дуб и Собака. Роман в стихах, 1937).

[73] Примечания: 73

Отсылка к Ветхому Завету: «Ибо день мщения — в сердце Моем <…> и ярость Моя — она поддержала Меня» (Ис. 63, 4–5).

А он — не больше чем дичь трусоватая, жалкий безумец!

Бежит, тот, кто хотел, чтоб моя сокровенная Истина смолкла, исчезла.

Он унизил слово мое, унизил мысли мои, унизил мое бытие,

Он низринул меня, и я его сброшу с горных высот,

И падет он с сердцем бескровным, и оком белесым, и разверзнутой глоткой».

И сказал я ему:

«Я преследую, но не смерть, а жизнь, я на мечту охочусь,

Ибо жива ли наша сестра, что на мельнице проживала?

Я спешу за мечтой, непохожей на справедливость, но которая, вероятно, и есть свобода.

Кто же она, эта сестра, что на мельнице проживала

Среди нечистот, зловония, гнили?

Эту пленницу я не знаю, но должен вырвать из рук[74], что держали ее взаперти,

---

[74] Примечания: 74

В греческой мифологии: Атриды (род, навлекший гнев богов инцестом и отцеубийством) возглавили поход греков против Трои, чтобы вызволить плененную Елену. Агамемнон (старший сын) получил в виде добычи троянскую царевну Кассандру, которая славилась своими предсказаниями.

Я вырву ее у него из рук, и какое мне дело до смерти его! Я тревожусь только за жизнь, которую он за собой ведет».

«А какое мне дело, где приковали ее, на равнине иль на горе?

Какое мне дело до этой мечты о свободе?

Я к смерти иду, к смерти того, кто восстал против Истины сокровенной моей».

«А я иду, чтобы идти», и так мы вдвоем продвигались к Великому Минералу,

И солнце склонялось.

Птицы, скалы и ветры, и солнце и горы,

Против вас и по вам два охотника восходили.

«Что так гложет сердце мое?» — Пьер говорил.

«Что за ржавчина точит меня? Какой купорос прожигает?

Только кровью можно отмыть мою грудь, кровью старого шатуна, что спешит к Великому Минералу,

Кровью медведя старого и жестокого, медведя проклятого и бегущего по горам.

Я внимал его указаниям долгие годы И в нем видел пример совершенного, сильного, всемогущего и богатого человека,

Но его доброту и его справедливость покорная тупость моя сама сотворила,

И когда я очнулся от сна, в который был погружен, когда захотел говорить, то тогда

Большая, тяжелая и волосатая лапа пригнула меня, и мне оставалось лишь согнуться, смолчать, умереть.

Тот, кого почитал я добрым, унизил меня, тот, кого почитал благосклонным, расплющил меня, Тот, кого почитал я сильным, сейчас бежит по горам,

Ибо ты подорвал его силу, разрушил могущество и связанным мне сейчас отдаешь,

И так моя ненависть насладится кровью его, свернувшейся на груди,

Ненависть, что постоянно гложет и точит по мере того, как свершенье ее все ближе».

И мы продолжали шествовать через хаос, изъеденный, выжженный небом,

И солнце склонялось, и удлинялись от скал расщепленные тени.

И Минерал Великий призывал их к себе, на склоне его бил Фонтаном Исток.

И когда добрались до ущелья Птиц, то заметили, что к Истоку приближаются

Двое.

«Исполнено сердце мое скорпионьим ядом. Вот он! Вот он!

Старый медведь, под тяжестью лет согбенный, вот он, дряхлый владыка!

Лезет дальше, ползет, силы теряет и думает он, что знает, куда он идет, думает, что убежит,

И не знает, что он уже мертв, повержен рукою моею, презреньем и местью,

Ах! Гигант для яслей, тиран в захолустье, просто отец семейства,

Спотыкаешься ты о камни, задыхаешься, запыхавшись, и влачишь за собой эту женщину-бремя.

Ты умрешь, мой Отец, освобождая сердце мое и жизнь, и тогда я смогу возвестить

Свою Истину Городу».

И сказал я ему: «Воистину в жилах твоих бегущая кровь отравлена скорпионьим ядом, быть может, в этом и кроется Истина?»

И сказал ему Пьер: «Во мне ненависть говорит, пусть он умрет!

И если умрет он не от моей руки, то станет кончина его для меня тяжкой ношей!

Пусть скорее погибнет тот, кто унизил меня!»

И солнце склонялось,

И когда подошли к плато, где ветр предваряет ущелье Птиц,

Обернувшись, Отец нас заметил.

И спешило тяжелое солнце в марево пасть.

Набонид, обернувшись, под собою увидел двух своих сыновей, верно идущих по следу его.

«Вот те, что изгнали тебя из башни, с вершины которой ты возносилась над Городом и Долиной.

Вот те, что изгнали тебя из счастья и гонят меня как охотничьи псы.

Это мои сыновья, порожденные мной, и, если бы не было их,

Ты жила бы по-прежнему в собственном тайном замке, где счастье тебе я дарил,

Тебе, сотворившей словом волшебным славу мою и мое богатство.

Взгляни, они рыщут, нюхая след мой, словно ищейки,

А когда-то нежными, милыми были мои сыновья, уважения исполнены были мои сыновья, Первый — послушный, мудрый — второй, а третьему я дарил все свое снисхожденье.

Нежными и приятными были мои сыновья, но термитами оказались,

Что исподволь мою жизнь и мощь точили, термитами, крысами оказались,

Червями и язвами свежими, гнилью зубной троекратной,

И когда захотел я на лаврах славы своей по-

чить, слава рухнула, ибо они терпеливо Основу ее расшатали.

Сверхчеловечное счастье, которое я для тебя построил, они уничтожили, эти термиты, крысята,

В тени копошились, словно личинки, острые челюсти выставляя,

Я же, всесильный и всемогущий, я, Набонид Великий, что для тебя построил Великое Счастье,

В котором людям не было места,

Людям, лизавшим подошвы моих сапог,

Имел трех сыновей, покорных, послушных, но они мою мощь подточили[75], счастье твое разрушив.

Эти шанкры, черви и крысы.

И вот я бегу по знойным горам, и преследуют шавки меня, тявкая бестолково.

И что для меня это бегство значит, если предсказано так? что для меня это все, раз ты рядом со мною,

Моя прошлая жизнь — ничто, ведь ты — моя жизнь, моя прошлая жизнь — ничто,

Но щенки, что чуют мой след, почему в Родимом Городе не остались сосать Молоко своей матери именитой!

---

[75] Примечания: 75

Отсылка к Ветхому Завету. «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против меня» (Ис. 1, 2).

Один обманул мое снисхожденье, другой — мою власть,

Так пусть же исчезнут они с этих гор, предначертанных для великанов! пусть оставят мой след!

Я город покинул, поскольку ты — моя жизнь, так пусть и город меня оставит!

Пусть убираются прочь сучьи детеныши, пусть возвращаются в будку свою и грызутся за кость, которую я им кинул!»

И тогда Набонид Великий прицелился в две человечьи фигурки, что казались затерянными среди скал,

И выстрелил.

Но сыновья чересчур далеко отстояли, чтобы пуля могла их достичь, и он, великий охотник, хорошо это знал,

Но выстрелил все же.

Пули его летели меж скал и над бездной, блуждая в пространстве и падая без успеха.

Пулей последней он целил в орла, что парил над его головою, и его умертвил.

И пораженное солнце[76] исчезло за горы западной стороны, и мракостно ночь наступила.

И сказала она: «Пойдем!» — и бросил ружье Набонид Великий, и вдвоем они в путь пустились сквозь кромешную тьму.

«Ах, старый охотник, так, значит, отныне ты ничего сделать не можешь, не можешь, и ничего отныне не видишь?

Твои пули бессильны[77] и безнадежны, бедный старый охотник, сам превратившийся в мелкую дичь.

Где это видано, чтобы в охотников дичь стреляла? несчастная мелкая дичь?

Ибо ты больше не лев, отец мой, не всемогущий и сильный лев.

Ты больше не гибкий свирепый тигр, ты больше не грузный медведь, горный владыка,

Ты всего лишь жалкая мелкая дичь, и из по-

---

[76] Примечания: 76

Ассоциацию «солнца» (символ отцовства) и «орла» З. Фрейд детально анализирует в своей работе «Психоаналитические заметки об автобиографии параноика (Dementia paranoides) (президент Шребер)» («Пять психоаналитических сеансов», 1932).

[77] Примечания: 77

Отсылка к целой главе из Ветхого Завета, а именно к победной песни о поражении Вавилона и его царя Набонида: «Все они будут говорить тебе: и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам! В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви — покров твой» (Ис. 14, 10–11).

следних сил ты бежишь, словно заяц, спасаешься, словно белка,

И тут тебе, кролику, вздумалось целиться в нас из соломенной пушки.

Неужели ты хочешь охотника подстрелить, мелкий грызун? уж лучше б на барабане ты выбивал

Похоронную дробь, дабы смерти в такт подыграть, что шагает к тебе большими шагами.

Меж горных отрогов, в глубинах расщелин пусть слышится эхо плача и стона,

Эхо твоих рыданий, ибо ты должен погибнуть, отец мой, ты, кролик!

Эта ночь есть предвестница смерти твоей, и ты это знаешь прекрасно.

Старый лев, у тебя вырваны зубы! Старый тигр, у тебя выдраны когти!

Старый медведь, у тебя лезет клочьями шерсть и ревматизмом лапы корежит!

О Набонид Великий, ты всего лишь куренок ощипанный, лишь воробей беззащитный,

И не жаль мне тебя, не жаль твоего жалкого пораженья, ни жалобного положенья, беглец.

Не жаль мне тебя, потому что ты слаб и скован.

И стрелы тупые твои у меня вызывают презре-

ния смех, но не жалости слезы.

Я не заплачу от жалости, ибо ты захотел мою жизнь разрушить.

У меня ты не вызовешь жалость, ибо, отец мой, меня ты унизил.

Ты причинил мне столько страданий, что ненависть не угаснет ни от нелепости смехотворной, ни от бессилия твоего,

Моя ненависть утолится только пролитием крови и наступлением смерти.

Ты причинил мне столько страданий, что унять мою ненависть не сумеет словами молочными жалость.

Твою голову я расколю, потроха разбросаю по скалам, палимым зенитом,

Ибо сердце мое исполнено жаждой смерти твоей».

И пулей своей последней отец поразил орла, который парил над его головой.

И закатилось на западе солнце за горы и погрузилось во славу свою,

Пронзенную пиками.

И тьма наступила, и ночь пришла.

И во мраке свой путь отец продолжал, пересекая ущелье Птиц.

И перестал преследовать я, ибо в тени не хотел

затеряться,

И Пьер, не боясь затеряться и в ненависть веря, все же остался со мной,

А Набонид-отец в пропасть ночную пропал.

Ночь смоляная, ночь нефтяная, ночь без светил, Ночь, что с вершин стекает, подобная лаве, и заполняет собою пучины,

Ночь несравненная и абсолютная, пламенем мрачным небо объявшая, хищная ночь, поглотившая горы,

Ночь сухознойная, ночь безграничная, ночь беспокойная,

Ночь каменистая, ночь минеральная, о великая ночь пространства, затянувшая в мрачные складки свои

Тех, кто ущелье Птиц перешел,

Затерявшись в тебе, пал в пропасть отец. Набонид о Великий, всемогущий и сильный, зоркоокий охотник,

Чреслами ненасытный самец, Родимого Города судьбами управитель,

Набонид о Великий, в ночи пропавший, пал в пропасть[78].

---

[78] Примечания: 78

Отсылка к Ветхому Завету: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы» (Ис. 14, 12).

Но умер не он, Набонид всемогущий, великий, умер не он[79], а хилый беглец, бессильный стрелец,

Дичь, которую ненависть гонит, одинокая жертва, которую бросили все без поддержки.

И долго пытались мы разгадать секрет его силы и власти,

И последнее слово той тайны счастья в Праздное утро мы отыскали,

И секрет его вырвали, и отныне пред нами был лишь простой человечек, неловкий охотник, в пропасть упавший,

Но, в пропасти лежа, он вновь казался тем Набонидом Великим[80],

В темной пучине он вновь возлежал всесильным.

Во мрак погруженный, я спал и грезил,

Но не спал и не грезил Пьер и, снедаемый зло-

---

[79] Примечания: 79

Отсылка к Ветхому Завету: «Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней. Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: „тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, Вселенную сделал пустыней, и разрушал города ее, пленников своих не отпускал домой?“» (Ис. 14, 15–17) и «А ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечем, которых опускают в каменные рвы, — ты, как попираемый труп» (Ис. 14, 19).

[80] Примечания: 80

Теме отношений отца с сыном как цепочки между «я» и «сверх я» посвящен текст «Отец и Сын» (1932), в котором Кено исследует работы З. Фрейда «Тотем и Табу» (1925) и «Психоаналитические эссе» (1927).

бой, смотрел черноте в лицо,

И видел, как проходили события жизни его роковой —

И видел, как проступает на фоне ночи недвижной тот великан из детства, такой огромный, что даже над крышами возносился,

Тот непреклонный защитник, которого он возлюбил покорно,

Всезнающий, всемогущий и добрый, которого он, недоумок из недоумков, любил.

И не спал и не грезил Пьер, все пытался жалость в себе найти,

И вот уже день наступает и испаряется тьма.

Холоднее, чем ночь, заря меловая на Долину нисходит.

Я, спящий, не знаю еще, что Набонид Великий запропастился во Мрак,

А тот, что бдит, не знает еще, что кровь унижения не смоет.

И разбудил меня Пьер, и вдвоем пересекли мы ущелье Птиц.

И шли мы к Великому Минералу, из склона которого бил Фонтан, Превращающий в камень И в воздухе резком и редком услышали вой предсмертный собачий,

Предсмертный вой, что усиливался, ослабевал

и снова усиливался,

Предсмертный крик разрывал пространство от горизонта до горизонта,

И раздирал на куски небосвод, под которым хищные птицы метались,

И становился светлее день, и мрачнее плач, Но мы продолжали свой путь, отважные братья.

Некое время пройдя под стон, что кровью кропил наши уши,

Некое время пройдя сквозь воздух, что жалил наши виски,

Заметили мы возле Истока единственную и сокровенную нашу сестру, чье имя было сокрыто.

На коленях стояла возле Истока, выла, и не было там отца.

И подошли мы ближе, и докатилось солнце к Полудню вдоль склонов Великого Минерала.

И добрались мы до Истока, и стенала по-прежнему наша сестра, не признающая нас,

Завывая, словно волчица, и рыдая, словно возлюбленная.

Склонившись над бездной, увидели мы сквозь воду прозрачную Набонида Великого, лежащего к небу лицом[81]

---

[81] Примечания: 81

Перифраз из «Божественной комедии» Данте: «Кто был повержен навзничь, вверх лицом…» («Ад». Песнь XIV, 22–24).

И мертвого.

Долго и медленно бедствие мы созерцали. И солнце, усердный паломник,

Перевалило чрез горный хребет и, выплыв на небо, принялось освещать все живое.

Она замолчала, и Пьер сказал: «Вот он умер.

Рухнул в пропасть и в ночь, но не я его умертвил.

Вот он умер, но кровью его не мои руки залиты[82].

Он мертв, трижды мертв, тринадцатикратно покоен.

Отныне все кончено. Месть моя угасает, и ненависть затухает.

Я возвращаюсь вниз, мой брат, учить своей истине. Я возвращаюсь вниз и в Город несу свое слово[83],

Но вернусь я сюда, как только наступит срок

И подниму из воды этот труп великий, что тем временем в минерал превратится,

Из великого каменистого Набонида я сотворю

---

[82] Примечания: 82

Отсылка к Ветхому Завету: «И при уме его, и коварство будет иметь успех в руке его, и сердцем своим он превознесется, и среди мира погубит многих… но будет сокрушен — не рукою» (Дан. 8, 25).

[83] Примечания: 83

Отсылка к Ветхому Завету: «Уста мои изрекут премудрость, и размышления сердца моего — знание» (Пс. 48, 4).

кумира,

Он подтвердит мою истину[84], он подтвердит мое слово,

И Город Родимый получит кумира, изваяние каменное, ну а я

Стану первым из тех, кто живет внизу, стану хранителем истины[85],

Что встретилась мне в Чужеземье.

И придут все ко мне, и станут моими[86], и победит человека камень,

Моя истина в камне, и камень мой — в истине[87]».

И, повернувшись к сестре, сказал я: «Пойдем». И встала она.

«Прощай, Набонид Пьер, возвращайся в Город с каменным истуканом,

---

[84] Примечания: 84

Реминисценция библейской темы о «столпе и утверждении истины» (1 Тим. 3, 15): «…камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится… камень который сделался главою угла, камень претыкания и камень соблазна» (1 Пет. 2, 6–7).

[85] Примечания: 85

Отсылка к Ветхому Завету: «И увидят народы правду твою и все цари — славу твою, и назовут тебя новым именем» (Ис. 62, 2).

[86] Примечания: 86

Отсылка к Ветхому Завету: «…и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут, и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут, и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя, *говоря:* у тебя только Бог, и нет иного Бога» (Ис. 45, 14), а также «И они будут Моими» (Мф. 3, 17).

[87] Примечания: 87

Реминисценция библейской темы: «Будь мне каменною твердынею, домом прибежища, чтобы спасти меня. Ибо Ты каменная гора моя и ограда моя; ради имени Твоего води меня и управляй мною» (Пс. 30, 3–4); «Только Он — твердыня моя» (Пс. 61, 7); «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф. 16, 18).

В Город с истиной возвращайся[88].

Среди людей ты станешь великим, ты станешь всесильным, ты станешь могучим.

И люди услышат тебя. И рты в изумлении разинут[89]. И в слово твое поверят.

И последуют за тобою ученики[90], и, возможно, умрут за тебя.

Ты много страдал и будешь отныне сам причинять страданья,

Ибо станешь великим и сильным, вооруженный истиной и истуканом[91].

И Город ты покоришь, и Именем истукана заставишь себя почитать.

Возвращайся и соверши предначертанье великое![92] В Город обратно спускайся!

Дыхание ненависти твоей столь сильно, что

---

[88] Примечания: 88

Отсылка к Ветхому Завету: «Я, Господь, изрекающий правду, открывающий истину» (Ис. 45, 19).

[89] Примечания: 89

Отсылка к Ветхому Завету: «Так многие народы приведет Он в изумление; цари закроют пред Ним уста свои, ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали» (Ис. 52, 15).

[90] Примечания: 90

Отсылка к Новому Завету: «Итак идите, научите все народы…» (Мф. 28, 19).

[91] Примечания: 91

Отсылка к Ветхому Завету: «И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его — истина» (Ис. 11, 5).

[92] Примечания: 92

Отсылка к Ветхому Завету: «Он будет судить вселенную по правде, и народы — по истине Своей» (Пс. 95, 13); «Он будет судить вселенную праведно и народы — верно» (Пс. 97, 9); «… от Меня произойдет закон, и суд Мой поставлю во свет для народов. Правда Моя близка; спасение Мое восходит, и мышца моя будет судить народы…» (Ис. 51, 4–5).

сокрушается все вокруг.

Свершив свою месть, ты унаследуешь страшного бога, который никогда не прощает,

Ничему не внимает и непреложно карает. Возвращайся в Город с ношей тяжелой своей и двойственной истиной.

Твоя Истина — двойственна, не забывай о рыбах, не забывай о воде с небес,

И когда вознесется навязчивый памятник, твой монумент, твой истукан».

Повернувшись к сестре своей, вновь я сказал: «Пойдем». И она подошла ко мне.

Склонившись над бездной, я взглядом измерил труп, водой искаженный.

«Возвращайся же к слабым и покажи им сию известковую морду.

Я покидаю Великого Человека, бесформенный Минерал Великий, истинный негалит[93].

Твоей истине двойственной суждено будет камень плавить и мрамор терзать,

И тогда, может быть, по пути я пройду через влажные земли».

Повернувшись к сестре своей, вновь я сказал: «Пойдем». И последовала за мной,

---

[93] Примечания: 93

Неолог. от *гр.* néga- (ср. négation — отрицание; negativite — отрицательность) и megalithe (мегалит).

А Пьер возвратился в Город, который внизу, и гигантский попутчик валун[94] с ним путь его разделил.

[94] Примечания: 94

Отсылка к Лотреамону: «Взявшись за огромный камень… водрузил себе на плечо» («Песни Мальдорора». Песнь 1, с. 288 в кн: Поэзия французского символизма. М., 1993 (пер. Н. Мавлевич).

IV. Сельчане

ПОЛЬ:

Вокруг меня во всей своей мерзости простирается деревня, длинная простыня скуки[95] и хлорофилла, в которую днем и ночью заворачиваются сельчане. Как получилось, что я опять в это вляпался… паршивая ворсистость пастбищ, плетеные циновки съедобных злаков, отвратительная пучковая волосатость кустарника, шероховатая эрекция больших деревьев… Ах, безмолвие полей… невнятные крики паразитической скотины, эти коровы, присосавшиеся к эспарцету, словно мандавошки к лобковым волосам, эти стадные животные столь зачаточные, что кажутся корнями, которые вылезли из земли, чтобы поедать траву… вялый и неприятный звук качающихся ветвей, этот пассивный и дребезжащий шум, это постоянное склонение по ветру, от которого просто тошнит… лающий

---

[95] Примечания: 95

Почти в тех же самых выражениях (монотонность, оцепенение, корова…) скуку деревенской жизни описывает Г. Флобер в романе «Бувар и Пекюше» (VII гл.). Тема раскрывается в схожих терминах и в «Обновлении» С. Малларме (растянутая болезненность, грусть, тоска, белые сумерки, сок полей…).

говор работников, диалект сельчан… Я ненавижу эту кайму зеленки, что тянется вокруг нашего Города: тусклый альбумин, которым вынужден питаться желток. Только у нас, за камнями наших построек и на булыжниках наших улиц, можно прочувствовать жизнь; именно оттуда она излучается в сторону сельского мрака.

Как получилось, что я опять вляпался? Вновь я обречен на зрелище исключительно растительного мира, раскинувшегося в своей самоуверенной простоте, обречен на неизменно грубый контакт с двуногими и четвероногими, замкнутыми в пределах своего пищеварения. Какая скука! Повсюду ликует растительность, повсюду нарождаются растения, угрюмое и извечное обновление семенных сыновей и дочерей.

Как получилось, что я опять вляпался? Со всех сторон я ограничен горизонтальной линией растрепанных деревьев и изгородями земельных наделов. В окружности, расчерченной кадастрами и завещаниями, я не вижу ничего, кроме густого отпечатка времен года, жадного прикуса корыстного труда, медленной подготовки грядущего пищеварения, торжественного отупения деревенщины. Почему не подобен я солнцу, чей безмерный разум позволяет лучам, касающимся

мха и лишайника, сохранять чистоту?

И когда оно (солнце) делает свой ежедневный вираж, уступая место ночи, я раскисаю и тоскую по достоинствам Города. В небе сверкает безумная геометрия планет и звезд, а из пахотной почвы выделяются темные шаровидные массы, вверх поднимаются чернильные пузыри. Вся природа впадает в отвратительный маразм. Все погружается в отупение. Зернышко света, которое взывает растения к жизни, возвращается в свое лоно, и на поверхности земли остается лишь головокружительная глупость бесформенных теней. Как не испугаться, когда в целесообразности отсутствует даже толика безумия? Как не ужаснуться при виде растительного бытия, что грузно тянется к своему концу: без воспоминаний и привидений, без смерти и призраков? Погруженный в эту тупую черноту, падший человек не слышит даже отголоска своего страха.

В городе каждый камень рикошетом искрится от блеска человеческого разума, а угроза ночи есть человеческая угроза. Вдали от дорог вас сдавливают безымянные ужасы, тускло удушают растительные кошмары; зато на углах улиц сверкает нож убийцы, легко понятный нож, с которым любой человек при любых обстоятельствах мо-

жет обращаться как с бесспорным знаком. Здесь (где я нахожусь сейчас) — духота и трясина, там (где я хотел бы находиться) — багровые ручьи крови, все еще заряженной желаниями и жизнеспособностью. Если наши дома и одолевают призраки, то это отголоски человеческих останков, жалобные отражения существ нашего вида; здесь же я могу рассчитывать только на тени теней, густоты густот, мрачные сопли, шипящий навоз.

Стоит мне отойти от жилой постройки, в которой, впитываясь в перегородки, сохраняется запах человечества, меня тут же охватывает омерзительный ужас, тошнотворное отвращение к естественным красотам. Кто бы мог когда-нибудь поверить в то, что между человеком и средой его обитания существует хоть какая-то естественная связь?[96] Единственно возможные настоящие гармонии создал сам человек. Он один сумел достичь общей связности. Дух веет только там, где дышит человек[97], но человек, освобожденный

[96] Примечания: 96

См. эссе Кено «Образцовая история».

[97] Примечания: 97

Аллюзия на ответ, который Иисус дает фарисею Никодиму: «Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Иоан. 3, 8).

от биологических и сельскохозяйственных ограничений: дух веет только тогда, когда природа стирается и исчезает[98]. Человек свершается исключительно в городе. Здесь же я чувствую лишь ужас и порабощение. Я вздыхаю, вспоминая о дрожи и лихорадочности, которые возникают только в урбанистических сообществах.

Труды моих братьев и моего покойного отца никогда не вызывали у меня желания уклониться от иллюзорной срединной линии, посредственное следование которой, к счастью, освобождает от всех тревог. Не будучи старшим от рождения, я никогда не стремился к привилегиям цифры один[99]. Я всегда считал, что место первого есть лишь покорность и ограниченность рамками правил. Но и место последнего мне никогда не казалось привлекательным. Я не жажду блистать. Чем меньше обо мне думают, тем лучше

---

[98] Примечания: 98

Обыгрывание темы противостояния духовного и плотского, к которой часто обращается апостол Павел: «Ибо живущие по плоти, о плотском помышляют, а *живущие* по духу — о духовном» (Рим. 8, 5), «Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти…» (Гал. 5, 17) или «Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6,8). Эту тему затрагивал еще Платон в натурфилософских диалогах («Тимей») и детально развивали гностики, в частности св. Ириней Лионский (трактат «Против ересей»).

[99] Примечания: 99

Отсылка к «Метаморфозам» Овидия: Medio tutissius ibis («Средний путь самый безопасный») (II, 137).

я себя оцениваю. Мой путь — лицемерие, моя атмосфера — скрытность. Я хочу являть лишь плоскую, гладкую и разгадываемую поверхность; я сохраняю при себе все нижнее; и здесь игра с этим словом в его подспудном значении вовсе не случайна, даже если я употребляю его совсем не в бельевом — по-моему, смехотворном — смысле. Хотя между одетой женщиной и тайной можно провести первую параллель.

С другой стороны, очевидно, что растительная природа и все, что от нее зависит, не прячет один лик под другим; у корней нет никакого особенного достоинства; если удалить почву, растительность раскидывается цельно и обнаженно. Ей нечего скрывать; она не становится более скучной, более пассивной, более застойной; но ее скука, пассивность и застойность не становятся менее ощутимыми. На свету она выделяет порчу, которую сама же собирает под покровом мрака. Все ее проявления лепечут один и тот же плеоназм. В полночь, несмотря на заляпанность лунным светом, огромные поля источают такую же вонь, что и в полдень. Растения не лгут, у растений внешнее поглощает все сущее, совсем как земельный надел — суть работающего на нем человека. Я же совершенно не люблю поглощать-

ся и, подобно лукавому крабу, оставляю клешню тому, кто вздумает за нее потянуть. Потом она отрастает у меня по первому желанию и ради любой прихоти.

В Родимом Городе мне достаточно сделать нескольких уступок, дабы спокойно насытить свое притворство. А какую пищу я могу найти здесь, в съедобном мире овоща и зерна? Там каждый день приносит пропитание. Город — это моя жизнь, город — моя сила. То, что мои тайны обусловлены последними изобретениями или изысками моды, еще не свидетельствует об особом пристрастии к прогрессу и новшествам. У меня нет никакой системы; в одних случаях я отмечаю человеческую хитрость; в других — удивительное угождение моим желаниям; и во всех — бесспорный ум.

В последние годы на Родимый Город вываливают постоянно увеличивающуюся массу импортной продукции. Наконец-то и мы познали кинематограф. Для этого снесли один из наших старейших домов (туристы об этом сожалеют) и на его месте построили зал (красные кресла, белый экран), предназначенный для визуализации и спектакулизации оживших образов, называемых также движущимися картинками.

На открытие пригласили всех знатных лиц города. Я оказался в их числе. Среди наших сограждан нашлись те, кому довелось путешествовать, и теперь они проясняли самым оседлым, что именно должно произойти. И все же, когда погас свет, сердца сжались от какого-то волнения; вскоре, ко всеобщему изумлению, закрутилась кинолента. После сеанса, уже вечером зрители разошлись по своим домам, переваривая настороженность, но уже через месяц не осталось никого, кто бы регулярно не посещал «Родим-Палас», за исключением, быть может, дряхлых стариков, грудных младенцев и лежачих больных.

Должен сказать, что в тот период я не относился к числу самых восторженных почитателей. От больших исторических картин мне становилось скучно, от водевилей — тоскливо, от комедий и драм — тошно, от документальных фильмов — муторно. Мне нравилось другое: тьма, скученность, сладковатый запах и наступающее под конец ощущение томности и оцепенения. С ним было так приятно засыпать. Иногда, изредка, меня поражал какой-нибудь кадр, иногда, но не чаще, возмущал другой. Однажды — целый эпизод: научно-популярный фильм о растениях, сделанный в ускоренном темпе. Таким

образом их пытались «оживить», придать вознесению какого-то горохового стручка гибкость и изворотливость щупальца осьминога, найти в растительном росте следы умысла. Это было просто смешно. Я пожал плечами. Все это наука, а кто творит науку, как не человек? А сырорамная растительность, воспринимаемая во всей своей сырорамности; что я мог увидеть в ней, кроме отсутствия? Я не ботаник, а простой человек, которого замучила эта природная природа в том виде, в каком она расстилается вне городов, вне моего Родимого Города.

Мой старший брат — тот, что мэр, — с тех пор, как вернулся из Чужеземного Города, все время говорит о жизни с большой буквы жэ, он заявляет, что ее можно познать и что он пил из источника этого знания. Но эту большую жэ он признает лишь в самых влажных элементах животного мира. Я с ним согласен полностью. Притворная слезливость сока и растительных выделений свидетельствует разве что о поганом варварстве. Впрочем, я не ученый.

Как я уже говорил, у меня нет никакой системы. Я охотно соглашусь с тем, что, например, скука, которую наводит на меня деревенская жизнь, имеет определенную градацию. Огород, слабое

подтверждение человеческого разума, кажется мне предпочтительнее лесного хаоса. Но все же и он не стоит самого обычного тротуара с фонарем. Нередко мне случается предпочитать придурковатой услужливости съедобных овощей мрачную дерзость крапивы или репейника, поскольку в случае с последними не остается никаких иллюзий. Их глупость слишком очевидна.

Странно, но цветы у меня вызывают некие сомнения. То я обнаруживаю в этих растениях стремление к форме, понятной своей красотой, стремление как бы протянуть человеку руку; то вижу в них лишь дурацкие альковы для размножения, но без оргазма. Иногда — пахучее выражение возможного разума, а иногда — полость для распыления безо всякого наслаждения. Иногда — вознесение к вершине, подношение в дар, почти мозговую активность, а иногда — карнавальную и претенциозную маскировку едва ощутимого стручествования.

Впрочем, по большому счету мне все равно: иметь всегда одно и то же суждение о цветах, иметь по очереди то одно, то другое или иметь их все одновременно. Мне достаточно осознавать свою тоску. Порой мне кажется, что я виню растительный мир несправедливо и реакцию

раздражения вызывает у меня абстрактная категория «деревенской жизни», которая бросает свою тень не только на людей и животных, но и на растения. И все же, не будь растений, не было бы и деревенской жизни…

Возвращаясь к здешним людям и животным, должен отметить, что, разумеется, они не вызывают у меня ни малейшего трепета симпатии. Первые несомненно являют образчик минимальной дозы человеческого, ну а быки, петухи и прочая тупая тварь — это просто какое-то убожество. Как дух мог сюда сойти[100], а сойдя, затем вознестись? Сельская жизнь предполагает лишь естественное соответствие течению времен года; все, что выходит за рамки этого рутинного процесса, не может в ней прорасти; ее сердцевина пуста, она не сумела породить разум, ибо была не в состоянии его воспринять. Человечество, погрязшее в месиве борозды и навозе пашни, никогда не преодолеет своего предела. Окруженное пассивностью земли, оно склоняется, залегает и дремлет до тех пор, пока тела не отправляются гнить в гробовые параллелепипеды.

Дело вовсе не в том, что я испытываю непри-

---

[100] Примечания: 100

Отсылка к Новому Завету: «…и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как голубь…» (Мф. 3,16), а также Лк. 3, 22 и Ин. 1, 32.

язнь к сельчанам. Они вызывают у меня жалость. Что общего между ними и мной? Как они согнуты, какой скукой пропитан их пот, какой животностью проникнут их труд, постоянно устремленный к наживе! Иногда я чувствую, как в одном из них брезжит искра, и жду, когда она сверкнет, но, увы, вместо этого — одно разочарование: туман укутывает ее еще до того, как она родится, и нет ничего, кроме болотной жижи извечно приземленной мысли. Я и сам начинаю задыхаться во всей этой мути.

Да и как они вообще могут внять человеческому зову, если постоянный предмет их забот определяется прежде всего внечеловечностью? Зелень — внечеловечна. Даже если в ней находятся сумеречные и сезонные крупицы разума, частицы усердные и жалкие, слепые как сок, несчастные озарения цветной капусты, скудные причуды картофельных клубней, то как они должны страдать от этого падения на самое дно призрачного бытия! А какое томительное вознесение они должны совершить! И я страдаю вместе с ними от приземленной тяжести деревенского суржествования.

Город, мой Город, как мне плохо без твоих волнений, порывов, колебаний, удовольствий и

огней, твоего одиночества и твоей прозорливости! Ах, скорее бы это лето скончалось в тисках жатвы и я смог бы вернуться в лабиринт, где теряются лишь скучщества, лишенные разума. Город. Мы будем там к Празднику. В этом году приедет небывалое количество туристов. Многие останутся на всю зиму: ведь в нашем Родимом Городе все время стоит хорошая погода. Некоторые даже его выбрали местом постоянного проживания. Их присутствие позволило открыть кинематограф, говорящий на чужеземном языке, а также несколько магазинов, где продаются предметы роскоши или, по крайней мере, наряды, о назначении которых наши женщины до сих пор даже не догадывались.

Отвращение моего старшего брата к чужеземному языку какое-то время мотивировало запрет на просмотры подобного рода. Но, обольщенный знатными лицами, которых подкупали торговцы движущимися картинками, он уступил.

Так мы получили возможность смотреть фильмы на чужеземном языке. Я довольно быстро нашел в них идеальное развлечение и приемлемое времяпрепровождение. Если мы не способны спокойно принять слив длительности, если мы брыкаемся и захлебываемся посреди ее течения,

подобно начинающим пловцам, теряющим под ногами землю, то где еще я мог обрести невозмутимость перед бесполезностью времени, как не в этих залах (вскоре их будет несколько), сопрягающих тень и свет, всегда узнаваемый образ и загадочный язык? Замешанный в тесто принятых условностей, я наконец-то обрел способность очаровываться.

Появляющихся на экране женщин вскоре стали сравнивать со звездами, такими же невероятно далекими, такими же лучезарнообразными, такими же внешне незапятнанными и пребывающими на вершине своей красоты. И довольно быстро было отмечено, что многие молодые люди нашего Города влюбились в самых известных звезд, признавая, правда, очевидную абсурдность своего желания и безумие подобного выбора. Впрочем, вскоре обнаружилось, что безнадежной страстью были охвачены не только юноши, но выборочно зрелые мужи и поголовно все старцы.

Некоторые туристы вздумали защищать нравственность нашего Родимого Города от новшеств, которыми они забавлялись в собственных городах и которые они сами же или им подобные сюда завезли. Они подначили некоторых роди-

могородцев — среди них отмечу Лё Бестолкуя, который чуть не стал моим тестем, и торговца целлофаном Мазьё — основать Лигу друзей Весенника[101] (подразумевалось допускать просмотры лишь по праздничным дням); но поскольку мой брат отказался покровительствовать подобной конгрегации, а здравомыслящие родимогородцы сочли ее деятельность опасной для коммерческого и туристического развития Родимого Города, Лига, которая предлагала бороться не только против очаровательных картинок кинематографа, но и против других, не менее ошеломляющих картинок, не замедлила распасться и исчезнуть. Относительно второго пункта программы противники новшеств были осмеяны, но я, оспаривая опасность явления, все же соглашался с его неуместностью.

Как-то я прогуливался по Ликерной, одной из самых шикарных и посещаемых туристами улиц Родимого Города. Фланировал, не подозревая об ожидающем меня потрясении. Шествовал спокойно и не ощущал ничего, кроме любопытства,

---

[101] Примечания: 101

В первоначальной версии («Спутанные времена») ассоциация называлась «Лигой Борьбы с Одиночным Удовлетворением». Возможно, аллюзия на Легион Пристойности (Legion of Deceny, 1934), который обязывал голливудские кинематографические студии соблюдать продюсерский закон (Code Hays).

даже не предполагая, что сейчас передо мной откроется неведомый мир. Я шагал, не предвосхищая, а завеса уже была готова сорваться. Непредвиденное поджидало меня без предупреждения. Я не сумел признать свою судьбу в новом обличье. Я проходил мимо лавки импортера Мандаса и бросил на нее всего один взгляд. На витрине было выставлено последнее новшество из раздела женского раздевания. Я не осмелился рассмотреть и удалился, шатаясь от сердечного биения. Я почувствовал, как сладострастно пересохло у меня в горле, а все влажные зачинающие элементы моего тела устремились к сперматическим каналам. Моя душа запнулась, глаза захмелели от только что выпитых образов, руки задрожали от сдерживаемого внутри порыва. Всего меня сотрясали удары, наносимые новой реальностью. Я улыбался, как блаженный, и шептал: «Ох, ох, ох, ох!»

Я вновь искал и находил недавнее волнение, два чувства перемешивались, и сначала мне не удавалось ни установить связь, соединяющую два потока, ни даже думать об этом. Отныне моим тайным исследованиям предлагались две темы, обе затрагивающие женщину и тем не менее отстраненные от нее, обе отстраненные от природы

и обусловленные человеческим изобретением. Должен сказать, что именно тогда я и влюбился в Алису Фэй[102].

Увидев ее впервые, я на нее даже не обратил внимания; фильм был хороший, но сама она — незначительна. И лишь позднее я вспомнил об этой картине и признал оживительницу картинок, открыв, таким образом, спокойную, первую и безмолвную склонность; я обнаружил еще не познанное стечение, обнажил исток целой реки, которая не имеет ничего общего с малоперспективным ручьем.

Увидев ее во второй раз, я уже смотрел только на нее. В этом фильме у нее второстепенная роль, но я предпочитаю ее. Она поет, и от ее голоса мое сердце сжимается. С каждым ее появлением я все лучше узнаю ее тело, лицо, взгляд; в промежутках между появлениями расстилается ночь. Я вос-

---

[102] Примечания: 102

В оригинале Phaye — искаженное написание фамилия действительно существовавшей популярной американской киноактрисы Элис Фэй (Faye), урожденной Лепперт (1912–1998). Кено, частый посетитель кинематографа, видел многие фильмы с пышными голливудскими блондинками в главных ролях. Четыре картины с участием Фэй: «Город в огне», «В старом Чикаго» (где главная роль сначала предназначалась Джин Хэрлоу), «Дама с Пятой авеню» и «Салли, Ирэн и Мэри» (1938, реж. В. А. Сейтер) — вышли на экраны с 1937 по 1938 гг. Эти фильмы Кено хорошо знал, их нередко смотрят его персонажи. Последний фильм никак не относится к жизни и творчеству знаменитой ирландской писательницы Салли Мара.

хищаюсь не только ее ногами (она совсем их не прячет), бедрами (они угадываются под платьем), озаренным химической кровью ртом и блестящими от глицерина глазами; мне симпатична ее роль, а за этой ролью, за этим притворством, и она сама. Так, когда в конце фильма образ ее героини искажается (мужчина, которого она любит, предпочитает ей какую-то миллиардершу, и она соглашается дать номер телефона любимого гнусному миллиардеру, отцу своей соперницы), я возмущаюсь. Такие вещи я воспринимаю всерьез. Я нахожу это соглашение унизительным. Каждый разя ухожу до финальной сцены; и в течение всей недели, каждый вечер меня волнуют голос этой женщины и короткая юбка из блестящей черной ткани, ее пение и эта упругая, вибрирующая полусфера, что слегка вздрагивает равноразделенная глубокой и уверенной чертой меридиана; ее хриплый патетический голос, поющий веселые или грустные песни, меня волнует так же, как и ее кожа, мелькающая чрез разрез продольный юбки черной и блестящей, о коей выше я уже повествовал. Этот фильм я мог бы смотреть бесконечно[103].

---

[103] Примечания: 103

Описанный сюжет соответствует музыкальной комедии «Дама с Пятой авеню» (1937, реж. Р. Дел Рут).

Но неделя заканчивается слишком рано, хотя каждый день, разбухший от ожидания, кажется мне полнотой, которая Не может исчерпаться. В последний вечер я даже остался досмотреть финальную сцену, чтобы еще раз увидеть ту, что должна была исчезнуть. А потом я провалился в ночь, но в ночь иную. В то время Алиса Фэй была совсем неизвестна, однако я ничуть не сомневался, что позднее ее слава навяжет Родимому Городу новые кинематографические появления. Так оно и произошло, но мне и не требовалось так долго ждать. Вечерами, после окончания сеанса, она мне являлась, возрождаясь из мрака, и вновь меня очаровывала.

Однажды я провалился в ночь, но в ночь иную, скользкую и намыленную к иному мраку. Меня не влекло домой, и я наугад забродил по нашим редким улицам. Запутавшись в сухой тьме, исколовшей мне всю грудь, я уже собирался прекратить бесцельные блуждания, как вдруг вспомнил, что на следующий день должны были открыть новый зал, второй кинотеатр на чужеземном языке. Я тут же решил (чтобы поставить себе цель) пройти мимо; улица была пустынна. Фонарь освещал строение сбоку, и уже издали, насколько не хватало зрения, я понял, что имен-

но означал этот свет; у меня затряслись ноги, сжалось горло и округлились глаза. В тот вечер вывесили первые афиши предстоящего зрелища, и эти афиши — теперь я был в этом уверен, я был в этом убежден, застыв под фонарем неподвижно и изумленно, — эти афиши представляли Алису Фэй в облегающем трико из черного шелка с вышитой бабочкой на левом бедре. За Алисой Фэй пылал какой-то город[104]. Так мне явилось очертание ее ног. Наша близость становилась безмерной. Я отклеил ее формы от бумаги, дабы они зафиксировались во мне. Я ее пожирал. Я сорвал эту красоту, уже и так освобожденную от реального присутствия, дабы ею возбудиться, насытиться и поглотиться.

От нее исходил образ нематериальный, множественный, вневременной, не плотский, не низменно живой, и этот образ находился передо мной, образ, невольно отданный моему бессилию: вот в чем заключалась ее роль. Отделив ее от афиши, дабы превратить в образ образа, я воссоздал реальность для себя одного, не ту реальность, что наполняет деревню тупой простотой, а неосязаемую реальность, которую дистиллирует

---

[104] Примечания: 104
Речь идет о фильме «В старом Чикаго» (1938, реж. Г. Кинг).

город.

Улица была пустынна, мы были одни.

Я уже не находил ночь черной. Я ликовал. На следующий вечер я прибежал в новый зал и посмотрел фильм. И образ ожил в старом мюзикле и запел; и опять ее ноги, эти блестящие в шелку ноги. И каждый вечер, когда показывали этот фильм, я шел смотреть, несмотря на негодование задумавшей его запретить агонизирующей Лиги во главе с Лё Куем. И кассирша странно на меня смотрела, и в Родимом Городе я приобрел свою историю, легендарную репутацию того, кто каждый вечер ходит в кино; но, думалось им, не потому, что я был особенно влюблен, исключительно влюблен, избирательно влюблен, а потому, что проводил время, как мог, тосковал по отцу, скучал с братом, женоненавистничал и имел все шансы стать старым холостяком нашей семьи, поскольку хорошо информированные сограждане ожидали скорой женитьбы брата: ну, разумеется! — а Жана уже успели забыть: ну, разумеется. Короче, я так часто ходил в кинематограф потому, что был несчастен.

Ложь! Я не был несчастен! Ложь! Ложь! Но я предпочитал, чтобы фигурировала ложь, а не правда, поскольку иначе высмеивали бы мою лю-

бовь. Неужели то, что я незнаком звезде, мешает моим мыслям ее навязчиво преследовать? Почему не допустить, что сила чувства может достичь своей цели, как бы далеко та ни находилась? Не было ли в созданной мною идеализированной связи столько же силы и значимости, как и в любой другой связи, с помощью которой разум связывает два предмета, разделенных в пространстве?[105] Неистовая сила воображения устанавливала между ней и мной связь, которой она не могла избежать. Она имела представление лишь о мизерной части всех своих атрибутов; она наверняка подозревала о приумножении чужих желаний после ее появлений на экране; да, из всех определяющих ее определений, интерференции которых и составляли ее личность, следовало учитывать — в числе наиболее важных, хотя и неизвестных ей, — мою любовь.

Дистанция, которую я установил между жанром и мной, стала составной частью нашей связи, а способы выражения моей эротики об-

---

[105] Примечания: 105

Аллюзия на определение поэтического образа у П. Реверди: «Образ это чисто ментальное творение. Он не может родиться от сравнения, но лишь от сближения двух более или менее отдаленных друг от друга явлений действительности» («Nord-Sud, Self Defence et autres récits sur l'art et la poésie», 1917–1926). Ср. также теорию «сближения двух удаленных объектов» у сюрреалистов.

личали лишь вульгарность природных законов. Впрочем, я был готов соблюдать эти правила; мне было вполне и вдоволь достаточно того, что моя воображаемая страстность оставалась на стадии самых прекрасных идей. Эта звезда, материализованная в белоснежную плоть и переносимая незыблемой через океаны, сохраняла все прелести своей телесности; эта звезда, чья недосягаемая красота не могла не вызвать (в узкой области) всеобщий восторг и некое количество желаний, обзаводилась — превратившись в неосязаемый образ — постоянно возрастающим числом алчущих и жаждущих взглядов, а для меня сливалась с моим другим источником морали и веры[106], с потоком моего фетишизма, поскольку облачалась в эротические доспехи, которые возвеличивают для меня любую женскую красоту и плоть.

Не всякая женская одежда заслуживает комментариев, не всякая претендует на прерогативу апологии, хотя даже шкуры, в которые усилиями ревнивого повелителя была закутана первая женщина, навсегда зародили смущение от мехов. Вряд ли меня собьют с толку такие предметы

[106] Примечания: 106

Аллюзия на название книги А. Бергсона «Два источника морали и религии» (1932).

роскоши, как ювелирные украшения и кружева. Легко догадаться, что я сразу же отбрасываю и дезабилье былых времен. Мои измышления никогда не зиждились на идеях, почерпнутых из книжек или на пожелтевших пятнах старой одежды. Изъеденные молью кринолины оставили в третичных отложениях моей памяти лишь свои усеченно-конические скелеты, а корсеты щетинились ортопедическими китовыми усами в халатной плесени глубоких комодов[107], свидетельствуя о жестокости былых нравов. Это прошлое без малейших шансов на воскрешение так и оставило бы дремать весь мой произвольный эротизм, если бы удивительное новшество, на которое я постоянно намекаю, не позволило мне понять, что повороты истории в поразительном единении совмещают аромат редкой формы, объективность облачения и искусственность обнаженного человечества.

Пояс для чулок объединяет в себе искусственное и эротическое, причем по ту сторону плотских аспектов размножения. Страницы учебников по анатомии, которые описывают деятельность органов, отмеченных превратностями плоти,

---

[107] Примечания: 107
Родители Кено были владельцами галантерейной лавки в Гавре.

некрозами, грядущим гниением… что может затмить эти страницы, эти реалии, как не обольщение поясом для чулок? Мне оставалось лишь восхищаться высшим искусством и ухищренностью чужеземного торговца, что предложил бедрам родимогородчанок свое захватывающее изобретение, эту искусственность и реальность, в которых чистота идеи, свойство линии и геометрия половых очертаний соединялись и растягивались по всему телу. Даже сам материал этого предмета представлял собой метафору, эквивалентную эластичности женской плоти.

Так я и жил. Последствия завоевания нашего Родимого Города чужеземной пропагандой и роскошью, случайные стечения обстоятельств подвели меня к тому, что оказалось настоящим открытием. Без них, что бы сталось с моей жизнью? Так что, по-вашему, мне остается делать здесь — в буро-зеленой магме сельской жизни — вдали от городских истоков этих потрясений, здесь — в трехмерной пресности биологического пространства — вдали от сфотографированных образов моих грез, здесь — в компактной жизненности хлевов и полей — вдали от городских отрывов; что, по-вашему, мне остается делать, как не блевать на все это?

Впрочем, еще более гнусным видится мне поведение некоторых горожан, заблудших в природность по соседству со мной; например, того, кто чуть ли не стал моим тестем, я имею в виду Лё Бестолкуя, который, наглотавшись городской пыли, приезжает сюда возбуждаться по поводу обильной жатвы и грузности виноградных гроздей. По его словам, ему нравятся воздух «больших» просторов, приятный запах растительности и чистота ее физиологии, простота нравов, красота козлобородника, величавость тыкв, петушиный крик по утрам, польза и использование навоза. Что касается меня, то я терплю и жду возвращения. «Ха-ха, — сказал мне этот Лё Куй, — тебе, наверное, здесь здорово не хватает кинематографа, ты ведь ходил туда каждый вечер». И стал намекать, что семейная жизнь избавила бы меня от расходов там и от скуки здесь. Как будто представлял, что я передумаю и возьму в жены его дочь. Как будто представлял, что, в общем-то, и его племянница оказалась совсем недурна. Я ему ответил, что унавоживаю их всех, его и его семью. Он не понял.

А эти поля, эти поля, я их унавоживаю тоже, или, точнее, я бы их унавозил, если бы не знал, что они удобряются экшкрементами. Поля, как и

собаки, пожирают дерьмо, вот она, естественная природа! Фу! Природа! Фу! Фу! К счастью, человек существо неестественное. Какую вонючую жизнь пришлось бы нам вести, если бы мы были естественными! А эти поля призывают человека обратно в естественное естество, они его цепляют, хватают, наклоняют, тыкают рожей в зловонную жижу, откуда прет капуста. Фи!

Такая жизнь не для меня. Какое счастье, что придумали покрывать улицы булыжниками и асфальтом, что довели борьбу за противоестественную чистоту до того, что преследуют сорняки, пытающиеся пролезть между кафельных плит! А еще то, что специально для нечестивцев выдумали пригороды, дабы в центре города разум смог бы наконец освободиться от биологических привязанностей.

Эти поля, луга, леса, скоро я их уже не увижу, а пока даже не знаю, что именно угнетает меня больше всего. Ибо если первые несут на себе человеческий отпечаток и таким образом выходят за пределы своей животности, то последние источают запах крови, что предпочтительнее запаха услужливого пота. Впрочем, какое мне дело? У меня нет никакого желания выбирать между различными неприязнями. Моя апстраги-

рованная жизнь с трудом приспосабливается как к лесным, так и к агрономическим реалиям. Я не нахожу себя здесь, меж двух внеурбанистических рубежей. Мне нужна красота, но не плотская красота, притирающаяся к животному, а красота статуи[108]; красота не какая-то вообще, а специфическая в частности.

Облегающее пришло на смену драпировочному. Отныне красоту женщины сублимируют не складки просторных тканей, а форма, подчеркнутая и предельно приближенная к совершенству, а если надо, то и скорректированная по принципу интеллектуальных установок: бюстгальтер, пояс, шелковые чулки явно демонстрируют и очаровательно выражают эту очевидную тенденцию. И вот уже обнаженность поднимается до достойного уровня раздетости. Благодаря этим качествам стройность, сила и гибкость подчиняются строгой чистоте линий. Здесь искусство классически экономит свои средства: оно достойно подает себя в искусственном и сводит к нулю вульгарное. Оно прославляет красоту женского

[108] Примечания: 108

Отсылка к Ш. Бодлеру, видевшему художественность в том, чтобы «упрочить» женскую красоту, «создать абстрактное единство», которое «мгновенно приближает человеческое существо к статуе, то есть к существу божественному и высшему» («Прославление грима»).

тела, отбрасывая всякие там рококо. Таким образом, женщина, как образ и ирреальная модель реальности, приводит к живой концепции так называемой апстракции.

Как мне представляется, Алиса Фэй облачает свое тело согласно этим строгим правилам, а свой последний наряд даже ограничивает только тем, что удерживает чулки и поддерживает груди. Какие фильмы с ее участием будут предложены моей ненасытности этой зимой? Какие новые черты ее образа зафикусируются в моей душе, дабы жить в ней жизнью призрачных явлений? Скандальная лавочка опять вывесит картинки с фотомоделями. И, подобно звездам или моделям, во мне заискрится роскошный свет реальности, разоблаченной от своих второстепенных аспектов, возвращающейся к своему происхождению и на этом пути пронизывающей меня своими лучами до тех пор, пока я сам не сконцентрируюсь в предельном блеске.

Веселая зима, скорей бы пришла, а если нет, то воссоздалась мнемонически[109]. Затем наступят хорошие деньки, и Праздник, и игра в Весенник, которая меня всегда отвращала своими расти-

[109] Примечания: 109
Неологизм образован от *гр.* mnêmon (который вспоминает).

тельными намеками. Потом придет новое лето, возможно, на этот раз без сельской местности, по крайней мере, для меня. Но с какой стати оно должно быть лучше других?

V. Туристы

Алиса Фэй и Дюсушель[110] застыли перед статуей и принялись ее безмолвно созерцать.

— Весьма непристойно, — наконец произнесла Алиса, — особенно если это и в самом деле настоящий человек.

— Думаю, перед вами не копия, а действительно оригинал.

— Вы не находите, что это прежде всего неприлично, а потом как-то мрачновато?

— Возможно. Во всяком случае, впечатляет. Я никогда не видел ничего подобного.

— Я тоже. Правда, кроме Святолесья[111], я ничего не видела.

— Без ложной скромности могу сказать, что знаю почти все народности, которые топчут и

---

[110] Примечания: 110

Дюсушель — искаженное имя преподавателя Дюмушеля из романа Г. Флобера «Бувар и Пегаоше». Многие высказывания этнолога повторяют рассуждения М. Мосса в работе «Эссе о даре. Форма и причина обмена в архаических обществах» (1924). В первом варианте («Спутанные времена») Дюсушель представляется как «фольклорист, лингвист, социолог, этнолог, антрополог».

[111] Примечания: 111

От *англ.* Hollywood (доел. Святой лес). В Голливуде было произведено значительное количество фильмов с Элис Фэй в главной роли. «Святой лес» — название фильма французского режиссера Л. Маю (1939).

шкрябают поверхность земного шара; так вот то, что мы видим, действительно уникально.

— Но согласитесь, это мрачно и неприлично.

— Мы — ученые исследователи и строгие этнографы — не должны выносить изучаемому предмету оценочные суждения. Я должен не оценивать этот помпезный жбан, а постараться понять его значение.

Аписа Фэй и Дюсушель в очередной раз обошли статую.

— Он был видным мужчиной, — сказала Алиса.

— С такой-то мускулатурой! Да. еще в Городе, где никто не занимается спортом.

— А вам не кажется, что его подправили?

— Возможно, местами и слегка. Самое большее, могли просверлить дырки в носу и ушах. Хотя и это не факт. Все остальное было, похоже, сохранено в первоначальном виде.

— Когда я думаю о том, чем является эта каменная глыба на самом деле, меня пробирает

дрожь[112]. Лучше не смотреть.

Она отошла.

— Мне надо попросить разрешение его измерить. Помимо всего прочего. Не желаете пойти со мной к мэру? Это может оказаться любопытным.

— Благодарю вас. Я буду стопроцентной туристкой. Я пойду к мэру.

Они побродили по улицам Города, но достойных примечательностей не обнаружили.

— Придется ждать Святого Жди-не-Жди, — сказал Дюсушель.

— Я уеду на следующий день после праздника, — сказала Алиса.

— Это просто какой-то скоростной туризм.

— Через неделю я должна сниматься в новом фильме.

Дюсушель задумчиво потер бороду. Из-за долгих странствий ему ни разу не удалось сходить в кино. К тому же он избегал сюжетов, чья библиография была ему незнакома. Поэтому, проходя мимо лавки Мандаса, он сменил тему разговора.

---

[112] Примечания: 112

В рассказе Г. К. Честертона «Каменный перст», переведенном на французский язык в 1933 г., персонаж также падает в запруду у горного источника, каменеет и становится памятником. В сб. Кено «Фатальный миг» (1943) включено написанное в 1921 г. стихотворение «Гипсовая статуя». В этой связи как ни вспомнить старый одесский анекдот о самых простых и дешевых похоронах: хоронить вертикально, нижнюю половину закопать, а верхнюю покрасить.

— Смотрите-ка, зонтик! — воскликнул он.

— Что в этом удивительного?

— Здесь никогда не идет дождь.

Он принялся изучать витрину:

— Ах, да это импортер. Тогда понятно.

— Здесь действительно никогда не идет дождь?

— Эту благодать приписывают изобретательности одного из сограждан. Тучегон — еще один вопрос, который я должен тщательно изучить.

— И что, он помогает? в самом деле? этот тучегон?

— Это не просто миф, — радостно заявил Дюсушель и огляделся. — Вот он.

Ученый повел подбородком, указывая направление.

— Ах, — произнесла Алиса, увидев.

— Тем не менее следует признать, что в сельской местности всего в нескольких километрах от Родимого Города дожди идут, как и повсюду.

Они оказались перед трактиром Ипполита.

— Не желаете заглянуть? — предложил Дюсушель. — Один из моих туристических друзей уверял меня, что это очень колоритное место и что здесь подают самую лучшую фифрыловку.

— Никогда не пробовала. Думаю, мне понра-

вится.

Они вошли. Пришлось спуститься по ступенькам: это был полуподвал. На деревянных скамьях сидели клиенты, чье поведение низводилось до угрюмо-редких жестов и слов: один пьяный мужчина спал; двое других замолчали, прервав разговор с приходом туристов. Подбежал Ипполит.

— Бутылку фифрыловки, — произнес Дюсушель и тут же добавил: — Того года, когда Ив-Альбер Транат выиграл Триумфальный Приз Весенника. Мне порекомендовали этот год, — прошептал он Алисе Фэй.

Двое мужчин посмотрели на посетителей. Один из мужчин выдал следующую сентенцию:

— Отменный год.

Дюсушель сделал вид, что не услышал. Он повернулся к Алисе:

— Здесь живописно, не правда ли? Я не то, чтобы без ума от живописности…

— Лучший год, — прервал его родимогородец.

Он встал, взял свой бокал и подошел к ним.

— Сейчас познакомимся с родимогородцами, — прошептал Дюсушель.

— Как забавно, — просюсюкала Алиса.

— Вы позволите?

Уроженец уселся.

— Давай сюда!

Он сделал знак своему приятелю. Тот встал, взял свой бокал и присоединился к ним.

— Мой друг Квостоган. А меня зовут Спиракуль.

Подоспел Ипполит с фифрыловкой.

— А вы что здесь третесь? — крикнул он. — Ну-ка, оставьте в покое почтенную публику!

— Но эти господа нам не мешают, — сказал Дюсушель.

— Ну уж фиг, — сказал Ипполит. — Скоро вы заговорите по-другому.

Он откупорил бутылку.

— Попробуйте и скажите, как она вам, — сказал Спиракуль. — Настоящая.

Ипполит наполнил бокал Алисы, затем бокал Дюсушеля.

— Допей, — сказал Спиракуль Квостогану. — Нельзя смешивать разные вина.

— Вы правы, — согласился Дюсушель.

Ипполит налил им тоже и, негодуя, отошел.

Одинокий пьяница продолжал спать, не скучая сам и не докучая другим.

— Так, значит, — приступил Спиракуль, — вы приехали посмотреть на наш Жди-не-Жди? Мо-

жете не отвечать: я сразу же угадал. Я-то знаю. Могу сказать больше: вы приехали в первый раз; я узнаю туриста даже через много лет после того, как он здесь был; прозорливость родимогородца, во как.

— Вы никогда не были в кинематографе? — спросил Дюсушель.

— Ну уж нет! Тратить денежки на говорящие картинки? Что я, спятил? Правда, здесь не все так думают. Да?

Он толкнул локтем Квостогана, который без всякого предупреждения запустил свой смеханизм и так же внезапно его остановил.

— Да-а? — протянул Дюсушель, осторожно продолжая свое этнографическое исследование.

— Да, — подтвердил Спиракуль. — Правда, Ипполит? — крикнул он трактирщику, не оборачиваясь, через плечо.

— Да иди ты…

Спиракуль потер ладони и начал самовыражаться:

— Знаете, в нашем Родимом Городе кинематографы появились совсем недавно. Так вот, некоторые становятся, гм… как вам сказать, гм, ну, скажем, влюбленными, да, влюбленными в совершенно плоских персонажей, которые

говорят с экрана, короче, в звезд. Не верите, да? Однако это правда. А самый ошалевший в этом смысле — это…

— Заткнись, — изрек Ипполит.

— Дрейфит, — прокомментировал Спиракуль и продолжил: — Это брат нашего мэра. Когда фильм ему нравится, он ходит его смотреть каждый вечер, регулярно. Когда ему нравится фильм, это значит, ему нравится звезда. А звезда, которая ему нравится больше всего — в Родимом Городе любой сможет проинформировать вас на этот счет, — это…

— Заткнись, — изрек Ипполит.

— Выговориться хочет, — прокомментировал Спиракуль и продолжил: — Это барышня, которая обычно показывается не очень одетой, — я убедился в этом собственными глазами, так как иногда, проходя мимо, смотрю на фотографии, — а однажды она вообще была в черном шелковом купальнике с вышитой бабочкой[113] на ляжке.

---

[113] Примечания: 113

Все описанные детали — пояс, корсет, черные шелковые чулки с вышитой бабочкой — соответствуют облику героинь, которых Элис Фэй сыграла в фильмах конца 30-х гг. Пресловутая бабочка часто фигурирует в разговорах родимогородцев; для Поля Набонида эта тема имеет глубоко метафизическое значение и особенно интересно раскрывается в контексте рассуждений о духовности, плоти и реинкарнации. Любопытно, что в кельтской мифологии это насекомое символизирует душу, освободившуюся от своей телесной оболочки.

— Обалдеть, — высказался Квостоган.

— Вы понимаете, о ком идет речь? — спросил Дюсушель у Алисы Фэй.

— Я уж не помню, как ее звали, — сказал Спиракуль. — Впрочем, интерес сукровится не в этом. В истории, которую я вам рассказал, нас интересует только Поль Набонид.

— Поль Набонид, это брат нынешнего мэра, — пояснил Дюсушель.

— Откуда вы знаете? — спросила Алиса Фэй.

— Из Путеводителя, — скромно ответил Дюсушель.

— А! Из Путеводителя? — воскликнул Спиракуль. — Вы что, серьезно? Вы что, читали Путеводитель? Еще одно изобретение нового мэра. Старый мэр был не ахти, ну а новый еще хуже.

— Заткнись, — изрек Ипполит.

— Имею полное право объяснить этим туристам, что новый мэр хочет все расфигачить и что даже Жди-не-Жди, казалось бы… да уж… Так вот не факт, что эти туристы смогут его увидеть во всей красе.

— Было бы обидно, — сказала Алиса Фэй.

— Конечно, обидно! — воскликнул Спиракуль. — У него странные мысли в голове, у нашего

нового мэра. Пока он еще не осмеливается делать все, что хочет, но ведет себя очень подозрительно.

— Да-а? — методэтнологически протянул Дюсушель.

— Это касается рыб, — сказал Спиракуль.

— Как говорится в пословице, где рыбешки — там подозрешки, — встрял Квостоган.

— Заткнись, — изрек Ипполит.

— Боится нашего нового Мэра, — воскликнул Спиракуль. — Тот хоть и сопляк, но ершист. Вон, видите, там дрыхнет забулдыга? Знаете, кто это? Штобсдел, бывший городской страж, как бы лучше выразиться… для вас, туристов, это что-то вроде префекта полиции. Так вот, по своей прихоти наш новый мэр, не раздумывая ни секунды, его уволил.

— Штобсдел очень расстроился, — сказал трактирщик. — Это его подкосило. Вот теперь и спивается.

— Чего, чего, — пробормотал Штобсдел, рассеянно прислушиваясь.

— Скоро год, как это случилось, — сказал Спиракуль, — как раз в прошлый Жди-не-Жди.

— А точнее, на следующий день, — уточнил Квостоган.

— Помню, — продолжил Спиракуль, — я встал около полудня, башка просто раскалывалась, плеснул на нее немного холодной воды, потом спустился выпить стаканчик фифрыловки, чтобы прополоскать десны. Погода стояла хорошая, тихая. Было слышно, как пели птицы. Многие жители еще спали. Потом пришел Квостоган, вот он перед вами.

— Отлично помню, это было как раз здесь.

— Точно, — изрек Ипполит.

Спиракуль продолжил:

— Мы сыграли партию в сливорез[114].

— Я выиграл пятнадцать очков, ты был не в форме.

— Потом я вернулся домой слегка подкрепиться: редис на закуску, омлет с луком опосля, остатки бруштукая с предыдущего дня вдогонку, добрый кусок козлятины, чтобы все утрамбовать, порцию мусса в сабайоне[115] на десерт, а потом уже чашечку кофе, сдобренного фифрыловкой. Затем я спустился сюда выпить еще чашечку сдобренного кофе, и тут Ипполит сообщает мне новость.

---

[114] Примечания: 114
В оригинале tranche-prune — название несуществующей игры.

[115] Примечания: 115
Сабайон — соус из вина или ликера, взбитых яиц и сахара.

— Точно, — изрек Ипполит, — это я сообщил ему новость.

— Мэр исчез, — хором объявили Спиракуль и Квостоган.

— Все спрашивали, как да почему, — подхватил Ипполит, — а потом принялись обсуждать, обсуждать…

— Что-то ты разговорился, — заметил Квостоган.

— Заткнись! — крикнул трактирщик. — Прошу прощения, — добавил он, обращаясь к Алисе.

Затем взял со стойки две бутылки, чистый стакан и сел за их стол. Штобсдел, протер далеко заплывшие гноем глаза, заметил перемещение трактирщика с бутылками, встал и, не забыв прихватить свой стакан, направился к ним.

— А, Штобсдел! Штобсдел! — закричал ликующий Спиракуль. — Садись рядом, поболтаем. Расскажи нам, как все было. Помнишь о том дне? Ведь мы узнали новость на следующий день после Жди-не-Жди…

— Помню ли я? Какая была жарища… солнце шпарило сверху, как из печи. И была такая жажда, что даже удивительно. Никого — снаружи, все — внутри. Помню ли я…

— И тогда мы узнали новость, — повторил

Спиракуль.

— Да. Калеки с горы пришли в город и рассекретили это дело, а именно то, что мэр пропался словно провалил сквозь землю, и Пьер в поисках папы рыщет по Знойных Холмах, высунув язык, как охотничий пес.

— А кто эти калеки? — спросил Дюсушель.

— Никодем и Никомед, — ответил Квостоган.

— Что за калеки?

— Один — слепой, другой — паралитик. Иначе с чего бы им жить у Фонтана?![116] Я думал, что вас, туристов, в школах все-таки чему-то учат!

Квостоган с изумлением посмотрел на этнографа.

— Так вот, — продолжил Штобсдел, — когда они это раскрыли, все сразу же узналось по всему Городу, повсюду. Люди вышли из домов. Все толпились на улице, но надо сказать, было уже чуток посвежее. А потом узнали, что другой сын, Жан, тоже отправился на Знойные Холмы искать папу. Я быстро пришел в себя и отправился по домашнему адресу мэра. Звоню. Открывает Поль. «Гспадин Мэр дома? — спрашиваю я. — Нет

---

[116] Примечания: 116

«У Фонтана» или «рядом с Лафонтеном» (*фр.* près de la Fontaine), т. е. в этом же литературном жанре, живут и персонажи басни «Слепой и Паралитик» Жан-Пьера Кларисаде Флориана (1755–1794).

его, — отвечает он. — А где ж он? — говорю я. — Не знаю, — отвечает он, — братья его ищут. — А-а! — выдаю я. — Да, — отвечает он, — братья его ищут. — А-а! — выдаю я. — Я это уже знаю. — А! — выдает он. — Ну и чего? — Ну и, — говорю я, — чего ж он скрытился эдаким образом, наш Мэр? — А насчет этого, — отвечает мне гспадин Поль, — а насчет этого он не дал нам никаких разъяснений. — А-а!» — сказал я. И ушел.

— Потому что, понимаете ли, — сказал Спиракуль Дюсушелю (поскольку этим туристам, сколько не объясняй, все мало), — было странно, что оба сына, Пьер и Жан, сразу же отправились на поиски. Не подождали и суток, чтобы обеспокоиться; пустились вдогонку папаше в тот же вечер. Он ведь мог пойти провожать мать до ее фермы и остаться там ночевать, если ему так хотелось, это лишь доказало бы, что он хороший сын, каким он наверняка и был. И только на следующий день или через день они могли бы побеспокоиться, что с ним. Так ведь нет; побежали в тот же вечер.

— Так вот, — продолжил Штобсдел, — мы тихонько заколобродили в поисках[117]… чтоб че-

[117] Примечания: 117

Устойчивое выражение battre la campagne означает «обойти, объехать в поисках», «прочесывать», но еще и «нести вздор, околесицу». «Battre la campagne» — название стихотворного сборника Кено (1968).

го-то высмотреть… но ничего и не усматривали, ничего не находили…

— Мы возвращались под вечер, — сказал Спиракуль, — измотанные, но так ничего и не видели, ничего не находили…

— Я помню, — сказал Квостоган, — что Полю было все равно, совершенно все равно.

— А потом, в один прекрасный день, — продолжил Штобсдел, — точнее, в один прекрасный вечер, в лучах заката, люди собрались на Центральной Площади подышать приятственным вечерним воздухом, и вдруг откуда ни возьмись появился Пьер, худющий и ободранный. Все смолкали, когда он проходил мимо. Расступались, чтобы дать дорогу. Как будто перед ним и за ним текла какая-то пустота. Из-за всех этих поисков у меня разболелись ноги, но я все же проследовал за ним. Войдя в дом, я прошел внутрь, потому что, скажем так, имел на это право, и спросил: «Так что, гспадин Пьер, новости есть?» Он мне и говорит: «Да, сходи за всеми знатными лицами. — Хорошо, гспадин Пьер», — сказал я и пошел за знатными лицами, хотя у меня и болели ноги. Тем временем толпа облепила дом мэра. Смеркалось. Люди безмолвно смотрели на знатных лиц, прибывающих по одному. Знатные лица

безмолвно не смотрели на людей. Оказавшись в полном сборе, знатные лица закрылись с Пьером и Полем. Я остался у дверей, чтобы охранять. Уже наступила ночь. Люди все стояли и переговаривались, вполголоса, да и то время от времени. Поднялась луна. Она зависла над крышами, белая и большая, даже чуть белее и чуть больше, чем обычно. Люди стали обзаводиться тенями. Затем луна поплыла дальше и полностью осветила балкон мэра. Через какое-то время на балкон вышел гспадин Лё Бестолкуй, и тогда мы узнали, что новым мэром стал гспадин Пьер, а старый мэр упал в Окаменяющий Фонтан — поскольку у нас на Знойных Холмах и вправду есть окаменяющий исток и мало кто из людей там бывал, — и ничего не оставалось, как пойти и притащить его, такого, как он есть, то есть превратившегося в каменную глыбу. Что и было сделано с помощью кабестанов и кабелей, разных уклонов и штуковин. Спустя несколько дней старый мэр прибыл в Город, лежа на дровнях, которые тянула упряжка быков. И в конце концов глыбу воздвигли, как статую, прямо посреди Центральной Площади, где ее можно увидеть и сейчас.

После долгого рассказа каждый ощутил необходимость несколько секунд помолчать, а Дюсу-

шель (первым) — разговорить остальных.

— Очень интересно, — задумчиво прошептал он.

Ипполит по собственной инициативе пошел за тремя дополнительными бутылками фифрыловки.

— Ну и приключение, — вздохнул Штобсдел.

— Все это не объясняет, почему вас уволили.

— Вот-вот!

Он хлопал себя по ляжкам с иронией, горечью и отчаянием.

— Вот-вот!

— Новый мэр его уволил, — объяснил Квостоган, — потому что когда-то Штобсдел привел старого мэра на его доклад.

— На доклад о рыбах, — добавил Спиракуль.

— Да, вернемся к нашим рыбам, — сказал Квостоган. — В них-то все и кроется.

Вернувшийся Ипполит откупорил три принесенные бутылки.

— Такая история, что ни фига не просечешь.

Квостоган, направление мыслей которого становилось все более окольным, заявил, что у него из головы никак не идет то, что новый мэр добился своего блестящего положения, подтолкнув кое-что или кое-кого в Окаменяющий Исток, на

что трактирщик посоветовал ему, хотя бы на время, заткнуться. Сказано это было довольно убедительно, поскольку в этот момент открылась дверь и вошли два персонажа. Один нес на спине другого. Все вместе захотело спуститься по ступенькам и рухнуло.

— Во остолопы! — изрек Ипполит, глядя на поднимающихся с пола.

Спиракуль и Квостоган потешались.

— Никодем и Никомед, — сказал Дюсушель Алисе Фэй.

Он уже догадался. Квостоган взглянул на него с подозрением.

— Они прибыли на Праздник, — более цицеронисто пояснил Спиракуль.

Калеки кое-как поднялись. Паралитик забрался на табурет, подтолкнул другой в ноги слепцу, который автоматически сел. Они тяжело и в такт отдышались, после чего в один голос произнесли:

— Всем добрый вечер!

Им ответили.

— Их здесь много? — спросил слепец у паралитика.

— Шесть, — ответил Никомед, — в том числе два туриста.

— Два туриста? — спросил Никодем.

— Мужчина и женщина, — ответил паралитик.

— Блондинка или брюнетка?

— Блондинка.

— Ах, ах, — заахал слепец. — Давай с ней поболтаем.

— Они сумасшедшие, — прошептала Алиса Фэй.

— Не бойтесь, — сказал Ипполит, — они не сделают ничего дурного.

— Они могут рассказать вам интересные истории об истории нашей страны, — сказал Квостоган.

— Может, мы пойдем? — предложила Алиса Фэй.

Дремучие калеки приближались, подпрыгивая на своих табуретах.

— Они меня заинтересовали, — сказал Дюсушель. — Но я смогу увидеться с ними в другой раз.

Алиса Фэй встала.

— Сколько? — спросил Дюсушель.

— Послушайте их хотя бы минут пять, — сказал Ипполит.

— Я ухожу, — заявила Алиса Фэй.

— Сколько? — спросил Дюсушель.

— Три ганелона, — ответил Ипполит. — Ведь это, понимаете ли, фифрыловка того года, когда Ив-Альбер Транат выиграл Триумфальный Приз Весенника.

— Я думал, будет не дороже пяти-шести тюрпинов, — сказал Дюсушель. — Так мне рассказывали другие туристы.

— Все разузнал, — сказал Квостоган, посчитавший эту осведомленность подозрительной.

— Такие цены, — изрек Ипполит.

— Где та блондинка, с которой мы будем болтать? — спросил слепец, продвигающийся верхом на табурете.

— Не спорьте, — сказала Алиса Фэй.

Дюсушель бросил три ганелона на стол. Туристы вышли, подталкиваемые осуждающим молчанием. Калеки разволновались.

— Я так испугалась, — сказала Алиса Фэй.

— Считается, что они безвредны.

— Благодарю вас за местный колорит.

— Вы еще ничего не видели. Подождите завтрашнего Праздника.

— Для этого я и приехала.

— Так вы по-прежнему хотите пойти со мной после обеда к мэру?

— Да, по-прежнему. Надеюсь, он производит не такое тревожное впечатление, как его подчиненные.

— В этом у меня нет абсолютной уверенности. Вполне допустимо, что в пресловутый Фонтан столкнул отца именно он.

— Для ученого вы обладаете довольно богатым воображением, господин Дюсушель. Так вы думаете, что люди из таверны именно на это и намекали?

— Наверняка.

Они пообедали в «Кособворье», единственной гостинице, посещаемой туристами, поскольку других гостиниц не было. Режиссер-постановщик Симон Хуйцер[118], сопровождавший Алису Фэй в этом путешествии, торчал в своем номере и переживал первые симптомы кризиса сухого тринуклеита[119], не опасного, но эффективного

---

[118] Примечания: 118

Имя кинорежиссера (Simon) отсылает к прокаженному Симону из Вифании (Мф. 26, 6; Мк. 14, 3), а также к волхву Симеону из Самарии, который хотел за деньги получить от апостолов дар низводить Духа Святого посредством возложения рук, но был строго обличен Петром (Деян. 8, 9). Фамилия Zober, кроме явной вульгарной окраски (жарг. zob), может прочитываться еще и как офранцуженное немецкое сущ. Zauber, означающее «чары, ворожба, магия».

[119] Примечания: 119

Неологизм trenuclie образован *от. лат.* tri (три) и nucleus (ядро клетки или ядро центральной нервной системы; масса серого вещества в головном и спинном мозгу).

заболевания, часто поражающего впервые приезжающих в Родимый Город. Дюсушель и Алиса Фэй обедали тетятетно-и-обособленно. Все столы были заняты: путешественники, прошедшие шеренгу параллелей и вереницу меридианов и теперь обжиравшиеся с той лихорадочной нетерпеливостью, которую всегда вызывает канун праздника, привычные туристы, приезжающие сюда каждый год, аффисьонадо[120] Жди-не-Жди, почитатели Весенника, истребители фифры-ловки. Здесь было даже несколько сельчан, узнаваемых по нашлепкам грязи с ног до головы; в этом они находили даже некий повод для гордости, так как в Родимом Городе — поскольку никогда не шел дождь — грязищи никодась не бувало.

Все эти люди целились в еду, но в редкие отвлекательные моменты отводили взгляд, контролирующий тарелки, чтобы возжелательно попялиться на иногда узнаваемую звезду. Сильное чувство голода не слишком часто позволяло осуществлять эти вымышленные прощупывания, но прерывистость демонстрируемого вожделения Алису Фэй ничуть не обижала, хо-

[120] Примечания: 120

От *исп.* aficionado — фанатичный поклонник боя быков; болельщик, любитель.

тя она и привыкла к постоянному вниманию толпы.

Она послала Симону Хуйцеру местных фруктов, чтобы унять его жажду. Видеть его ей не хотелось. Побыв немного в одиночестве, Она присоединилась к Дюсушелю. Мэр принимал не раньше трех часов дня. Перед гостиницей погода была все еще и опять хорошей. Впрочем, как и в прочих городских местах.

Они снова прошли мимо статуи. Она пеклась — на солнце, выражая явную тенденцию к состоянию окончательному, вечному, недоступному и мраморному. На этот раз туристы удержались от комментариев по поводу органов размножения; те хорошо просматривались, хотя и сливались с общей массой благодаря внезапной, в момент окаменения, сдержанности, на которую бывший мэр считался неспособным.

Похоже, подготовка к Жди-не-Жди не требовала ни значительной, ни даже заметной активности; в мэрии, казалось, все спало. Там было прохладно.

В Большом Зале Ожидания и Почета в глубокой сиесте забылся привратник. Здесь никто никого не ожидал, но многочисленные миниатюрные портреты воссоздавали в памяти образы всех про-

шлых Мэров за исключением предпоследнего, чья трехмерная окаменелость — с точки зрения запоминания — была не менее значимой, чем маленькие раскрашенные плоскости, посвященные этим достойным персонажам.

— Вы его разбудите? — спросила Алиса Фэй.

— Это может показаться вам бесчеловечным, но гуманитарные науки, равно как физиология, биология и прочие естествознания, иногда предполагают некоторую кажущуюся жестокость. Порой этнография, социология и статистика требуют от своих служителей окончательно и полностью жертвовать комфортом изучаемого респондента.

— Уместно ли это в нашем случае?

— Нет, — ответил Дюсушель. — Мы сразу пройдем в кабинет мэра. Но перед этим постучим. Следуйте за мной.

Он постучал и вошел.

Пьер работал.

Он что-то писал.

Он поднял голову.

— Господин Набонид? — произнес Дюсушель. — Позвольте представить вам мои рекомендательные письма.

Целомудренным бюваром Пьер прикрыл

составленный им план муниципального аквариума. Сдвинул брови, что вызвало у посетителя первое оправдание:

— Привратник спал…

После чего последовало второе:

— Меня сопровождает мадмуазель Фэй, звезда, и весьма знаменитая.

Пьер на это ответил жестом, который они истолковали как до-пустительный, и сделал вид, что читает представленные документы. После чего вернул их Дюсушелю.

— Вы правильно сделали, что приехали на праздник в этом году. Он будет последним. Возможно даже, что вы уже опоздали.

— Не знаю, как понимать ваши слова, господин мэр, — вежливо ответил слегка встревоженный Дюсушель.

Пьер посмотрел на ноги Алисы Фэй, и это ему что-то напомнило. Но это что-то было не настолько цепким, чтобы он забыл о вопросе Дюсушеля.

— Ну ладно, поскольку вы — туристы, я могу вам сказать со всей откровенностью. Жди-не-Жди этого года будет последним. По крайней мере, как сухой Жди-не-Жди. Отныне мы вступаем в царство влаги.

— Вы вернете дождь?! — воскликнул Дюсу-

шель.

— Несомненно, ум ученых проворен, а разум прозорлив. Да, я верну дождь[121]. Но пока это секрет. Никто в Родимом Городе не знает о моих намерениях. Когда они узнают, то поднимется большое волнение, которое, возможно, меня сметет. Я оставлю им завтрашнее наслаждение от последнего праздника по установленному обычаю, но уже вечером на их головы прольется вода из наконец-то сотворенных и отворенных туч[122].

— Господин мэр Родимого Города, не могли бы вы объяснить, каким образом вы намерены осуществить этот проект?

— Я не собираюсь от вас ничего скрывать. Я просто выброшу тучегон на свалку.

— Этот тучегон действительно эффективен?

— Несомненно.

— Вы полагаете?

— Несомненно.

---

[121] Примечания: 121

Отсылка к Ветхому Завету: «И поставлю суд мерилом и правду весами; и градом истребится убежище лжи, и воды потопят место укрывательства» (Ис. 28, 17).

[122] Примечания: 122

Отсылка к Ветхому Завету: «Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду; да раскроется земля и приносит спасение, и да произрастает вместе правда. Я, Господь, делаю все это» (Ис. 45, 8).

— А вам не кажется, что существует просто некое совпадение между хорошей погодой и этим предметом? Но никак не воздействие последнего на первый?

— Знаете ли вы, что когда-то в этом городе, как и в любом другом, шли дожди? И даже еще чаще.

— И с появлением тучегона все изменилось?

— Да, воцарилась сушь.

— Но вечно хорошая погода, не есть ли это благость, которой все рады?

— Ей рады не все.

— В самом деле? — лицемерно воскликнул Дюсушель. — Неужели существуют родимогородцы, которые высказывают недовольство вечно хорошей погодой?

— Среди тех, кто говорит, возможно, нет. Но среди тех, кто не говорит?

Дюсушель мысленно пролистал свой справочник и не нашел вопросительной тактики, подходящей для этой звонетической[123] ситуации. Алиса Фэй всерьез заскучала, что выразилось

---

[123] Примечания: 123

Вероятнее всего, неологизм phonore образован слиянием *фр.* phonétique [от *гр.* phônê] (фонетический, голосовой) и *фр.* sonore [от *лат.* sonorus] (звучный, звонкий, звуковой). Возможно, это — сочетание прилагательного phônê (голосовой) с формой *лат.* глагола orere (просить, испрашивать, молить); в этом случае неологизм можно перевести как «ответопотребный».

в затянувшемся рассматривании носков туфель: несмотря на занятия танцами, ступни у нее были коротенькие и пухловатые. Пьер посмотрел на эти ступни, полушелк-полукожа, перед тем как — в ответ на этнографическое непонимание — подчеркнуть:

— Да, среди тех, кто не говорит.

— А таких много? — на всякий случай спросил Дюсушель.

— Много! — воскликнул Пьер. — Немерено!

Он перевел дыхание.

— Наша река — из песка, а ее берега — из грязи. Наши ручьи — желты и скудны, а наши потоки не имеют сил катить гальку. Где, где, где же жить рыбам, рыбам, жившим здесь когда-то?!

— Всем не потрафишь, — прошептал Дюсушель.

— O-oh! — воскликнула мадмуазель Фэй. — Fish?[124]

— Вас это не интересует? — спросил Пьер.

— Итак, вы готовите настоящую революцию, — сказал Дюсушель. — Преобразование метеорологического сгуществования?

— Я рискну сделать это в день Святого Жди-

---

[124] Примечания: 124
Рыба *(англ.).*

не-Жди.

— Рыбы не сумеют защитить вас от гнева родимогородцев, когда те окажутся под дождем.

— Да.

Пьер задумался и продолжил:

— Если бы я мог их переубедить… но нет. Они все верят в хорошую погоду.

— И никто не придерживается вашего мнения?

— Быть может, привратник. Против меня и так уже обращено столько ненависти.

Тишина начала давить на стены кабинета. Шелк чулок Алисы Фэй оказался вдруг более чем блестящим, а линия ноги — более чем восхитительной. Глаза смущенного Пьера оторвались от истоков грядущей революции, и Дюсушель, прочистив голосовую щель, подступился в следующих выражениях:

— Господин мэр, не скрою от вас — я говорил вам это в самом начале, — что приехал сюда, для того чтобы — причем с научной целью — присутствовать на классических празднествах Жди-не-Жди. Для меня будет большим огорчением, если они окажутся хоть в чем-то изменены.

— Я очень уважаю науку, — ответил Пьер, — но не меньше уважаю и самого себя.

Его взгляд опустился до лодыжек Алисы Фэй, медленно поднялся до глаз Алисы Фэй, и язык Пьера протарабарил для ушей Алисы Фэй следующие звуки:

— А вы, мадемуазель, также желаете, чтобы ничего не изменилось в протоколе Праздника?

Вспомнив о своем отце, он добавил:

— Поскольку хозяин здесь я.

Алиса, найдя эту галантность естественной, произнесла:

— Да. Желаю.

— Тогда, мадемуазель, мсье, в этом году вы еще сможете присутствовать на классическом Жди-не-Жди. Надеюсь, вы получите от него еще большее удовольствие, зная, что он будет последним. После Весенника, тучегон перестанет функционировать, и будь что будет.

— Благодарю вас за эту большую милость, — сказала Алиса Фэй.

— Естественно, — сказал Пьер, — все это должно остаться между нами.

Они пообещали, затем Дюсушель попросил различные разрешения и привилегии, а также разные пропуски и допуски, которые были ему отпущены и выданы.

В этот момент Поль открыл дверь, вошел в

кабинет и оказался за спиной Алисы Фэй. Перед ней стояло зеркало, он увидел ее, и это явление повергло его в полную бессознательность. Он рухнул.

Присутствующие встали, чтобы посмотреть на обмороченного.

Пьер его представил:

— Мой брат.

Алиса спросила у Дюсушеля:

— Вы думаете, что это из-за меня?

Пьер сделал все, что было в его силах, дабы привлечь внимание привратника, грезившего (возможно) в Большом Зале Ожидания и Почета: он потряс колокольчиком.

Алиса склонилась над бессознательным и снова спросила у Дюсушеля:

— Вы думаете, это из-за меня?

— Это относится скорее к психосоциологии, — ответил Дюсушель. — Полагаю, этот обморок — феномен, вызванный эротизированной рекламной.

И, подумав, добавил:

— Значит, здесь показывали фильмы с вашим участием?

— И не мало, — ответил Пьер. — А Поль не пропускал ни одного. Он ходил на все сеансы.

Особенно когда показывали «Пожар в городе».

— В этом фильме были пожарные? — спросил Дюсушель.

— Одна лига хотела его запретить, — сказал Пьер.

Дюсушель удивился судществованию подобной секты в Родимом Городе. Пьер ему ответил, что оно было весьма эфемерным, это судшествование. Дюсушель заинтересовался, к чему столь яростные гонения именно на сей фильм. Тогда Пьер описал бабочку, вышитую на черном чулке Алисы Фэй.

— Столько нравственности ради какого-то чешуекрылого лепидоптера[125], — заметил Дюсушель.

Алиса занималась исключительно Полем. Она отвела прядь, ниспадающую ему на лоб и глаза.

— Нужно что-то сделать, — сказала она. — Воды! Может, принести воды?

— С водой здесь плохо, — ответил Пьер. — Мое верховное распоряжение еще не вступило в силу, — добавил он после небольшой паузы.

---

[125] Примечания: 125

От *гр.* lepis (чешуя) и pteron (крыло) — отряд насекомых с полным переходным циклом (гусеница, куколка, бабочка), имеющих две пары перепончатых крыльев, покрытых цветной микроскопической чешуей.

Наконец появился привратник. Он приближался с явной опаской, потирая ладонями глаза и позевывая.

— Воды! — крикнул Пьер. — Хотя бы немного воды.

— Вот те на! — отреагировал Сахул.

— Для моего брата!

Сахул поднял повыше веки и заметил Поля, голову которого Алиса Фэй удерживала чуть выше уровня ног.

— Смотри-ка, — удивился Сахул, — Алиса Фэй!

— Он тоже видел лепидоптера? — спросил Дюсушель.

— О, мадемуазель! Вы почтили своим присутствием наш Родимый Город?

— Идите же за водой, — сказал Пьер.

— Мадемуазель, вы не могли бы автографировать мне дагерротип?

— Я искренне сожалею, — сказал Дюсушель, — что за всю свою жизнь бывал в кино крайне редко. То есть практически никогда, если не считать документальные фильмы.

— Ах, сударь! — воскликнул Сахул. — Кинематограф — это настоящее волшебство! Как я вам сочувствую, как жалко, что вы никогда не посещали сумеречных залов!

— Вы смотрели «Пожар в городе»?

— А то как же! — воскликнул Сахул. — Шедевр! Мадемуазель играла в нем потрясающе. И была в эдаком трико. Ну, скажите, Мадемуазель, так вы мне савтографируете дагерротип?

— Так вы пойдете за водой? — спросил Пьер.

— Вам недостает авторитарности, — заметил Дюсушель.

— Дайте ему возможность очнуться самому, — сказала Алиса Фэй.

— Уже пошел, уже пошел, — отозвался Сахул.

— Я — не тиран, — заявил Пьер.

— По-моему, он открывает глаза, — заметила мадемуазель Фэй.

— Но собираетесь выбросить тучегон на свалку, — продолжил Дюсушель.

— Кто это собирается? — спросил Сахул.

— Так вы пойдете за водой? — спросил Пьер.

— Он приходит в себя, — сказала Алиса Фэй.

— Чтобы прийти к вам, — заметил Дюсушель.

— Отменная объективность, — сказала Алиса Фэй.

— В нашей специальности всегда приходится чуть-чуть заниматься психологией, — ответил Дюсушель.

— Я могу уже не идти за водой, — заметил

Сахул.

— Где я? — спросил Поль.

Он фыркнул. Учитывая опрокинутое положение тела, прежде всего уткнулся взглядом в потолок. Затем заметил какое-то лицо, ощутил нежное тепло, мягкость и упругость чьей-то ноги под своим затылком. Распознав во всем этом присутствие любимого существа, он снова лишился чувств.

— Вот это да! — произнес Дюсушель.

— Что ни говори, — сказал Сахул, — а он здорово втюрился.

— Вас уже не спирает от былого уважения, — сказал Пьер. — Хотя вы были в числе моих друзей.

— Прашупращеня, прашупращеня, — прошептал Сахул.

Он удалился, оглядываясь на подколенную складку Алисы Фэй и морщинистость ее шелка.

— Так идти мне за водой или нет? — спросил он, скромно застыв в дверях.

— По-моему, бесполезно, — высказался Дюсушель.

— Прашупращеня, прашупращеня, но я получаю приказы только от своего хозяина.

— Выйдите, — сказал Пьер.

Дверь закрылась. Снова открылась. Сахул, кивая на Дюсушеля, вопросительно напомнил хозяину:

— Он что-то сказал про тучегон.

— Я вам тоже скажу, — пообещал Пьер. — Выйдите.

— Так идти за водой или нет?

— Я дам вам дагерротип с автографом, — пообещала Алиса Фэй.

— Когда изволите?

— Можете зайти за ним завтра с утра ко мне в гостиницу.

— Я счастлив и премного вас благодарю, мадемуазель. Смотрите-ка, сейчас он снова откроет глаза, но если увидит вас с первого взгляда, то опять провалится во мрак; лучше его усадить, чтобы он увидел вас не сразу.

Дюсушель и Пьер усадили Поля в протомуниципальное[126] кресло. Алиса Фэй сместилась влево и чуть назад. Поскольку они последовали его советам, Сахул удалился.

Поль, очутившись за протомуниципальным столом, удивился. Он принялся рассматривать предметы, находящиеся перед ним и по сторонам,

---

[126] Примечания: 126

От *гр.* prôtos — первый, изначальный.

но назад не оглядывался, а следовательно, не мог сразу обнаружить присутствие Алисы Фэй, хотя и ощущал пронизывающий и тончайший аромат, отличавшийся от всех известных естественных запахов Родимого Города.

Он неловко встал, чтобы уступить кресло брату, ибо тот ревниво относился к своей атрибутике.

— Ничего страшного, ничего страшного, — сказал Пьер, быстро усаживаясь в кресло.

Затем взял брата за руку и торжественно добавил:

— Поль, у меня для тебя большая новость, невероятная новость, сдержи свое волнение, так вот: мадемуазель Алиса Фэй, звезда чужеземного кинематографа, находится в наших стенах, и даже больше, она находится среди присутствующих здесь.

Повернувшись к ней, он заключил свой дискурс следующей клаузулой:

— Мадемуазель (он поклонился), позвольте представить вам моего брата, Поля Набонида.

— Мадемуазель, — сказал Поль, — я — очарован.

Он и в самом деле был таковым.

Очарованным.

Она была приятно удивлена, что не без удо-

вольствия расположило ее к словесному обмену. Они сразу же и поочередно принялись произносить разные реплики под критическими взорами присутствующих лиц. Так они договорились о последующей встрече, затем Алиса Фэй ушла в сопровождении Дюсушеля.

— Очаровательный юноша, — подытожил этнограф, — к тому же он, как мне кажется, испытывает к вам определенное чувство. Кинематограф — это тема, которую я еще не изучал вплотную. И, признаюсь, даже не думал, что сие искусство могло в регионе, подобном этому, найти отклик, хотя бы отдаленно напоминающий тот.

— Мой образ, — произнесла Алиса, — становится универсальным.

— Всеобщим, — осмелился уточнить Дюсушель.

— Универсальным, — поправила его Алиса. — Какая женщина универсальнее меня?

— Богиня, — нашелся Дюсушель.

— Несомненно, но ведь я двигаюсь. Не оккультное и не символическое проявление время от времени, а непрерывность реального движения.

— Форма без материи.

— Форма света.

— И тени.

— Все эти сменяющиеся атомы времени, это — я.

— И в вас влюбился брат мэра.

— Каково должно быть его одиночество!

— Одиночество, заполненное вашими экранными всполохами.

— Я его обворожила.

— Вы его обморочили.

В «Косодворье» они выпили по коктейлю.

— Итак, уважаемый, — спросила мадемуазель Фэй, — вы действительно так редко ходите смотреть мувиз?

Они вместе поужинали. Симон Хуйцер, все еще страдающий от сухого тринуклеита, корчился в своем душном номере. Алиса послала ему фрукты. Дюсушель говорил мало, часто задумывался. Алиса чувствовала себя как-то странно.

Выпив кофе — так как кофе взбадривало их обоих (равно как и Симона Хуйцера), — они помолчали.

Алиса вздохнула.

— Мне кажется, — наконец произнесла она, — я влюбилась в этого обалдуя.

— В самом деле? — пробормотал Дюсушель, ощутив легкое ревнивое покалывание в области простаты.

Хотя и не имел никаких видов на Алису. Обычно он работал с местным контингентом. Это давало ему дополнительную информацию. Он взял себя в руки и сказал:

— Я нахожу его симпатичным.

— Здесь — другое.

— Да. Вы пойдете на свидание с ним?

— Да. На Вечернем Променаде Окружной Дороги Города, вдоль Важного Бульвара. Вы пройдетесь со мной? До этого места?

— Да. Вы по-прежнему уезжаете послезавтра?

Она взглянула на него:

— Да.

Они выпили по рюмке строгача, родимогородского ликера из кедра и иссопа[127].

Люди, прибывшие отовсюду, столпотворялись.

---

[127] Примечания: 127

Кроме игры на схожем звучании — cèdre (кедр) / Phedre (Федра) и hysope (иссоп) / Esope (Эзоп) — компоненты напитка имеют символическое значение. В древности считалось, что кедровое масло обладает магическими свойствами; отсюда его использование язычниками при некоторых обрядах и даже для бальзамирования трупов. Растение иссоп (Hyssopus officinalis) часто употреблялось в еврейских обрядах очищения. «Окропи меня иссопом и буду чист», — молится Давид (Псл.50,9), об «иссопе, вырастающем из стены», говорит Соломон (Цар. 4, 33). Моисей в земле Египетской объявляет старцам повеление Господа: «И возьмите пучок иссопа, и обмочите в кровь, которая в сосуде, и помажьте перекладину и оба косяка дверей» (Исх. 12, 22–23). Господь в пустыне учит Моисея и Аарона очищаться от прикосновения к мертвому телу: «И пусть кто-нибудь чистый возьмет иссоп, и омочит его в воде, и окропит шатер и все сосуды и людей, которые находятся в нем, и прикоснувшегося к кости *человеческой,* или к убитому, или к

умершему, или ко гробу» (Чис. 19, 18).

Уже накануне Жди-не-Жди переваривание происходило тяжело и медленно, надлежало подготовить желудки к грядущему бруштукаю; человеческое тесто — более вязкое, чем обычно, — неспешно ползло по пешеходным зонам. Здесь были все: родимогородцы, высокие и низкие, знатные и простые, хорошие и плохие, глупые и преглупые, средние и крайние, такие и сякие, те, что ходили туда и сюда, те, что говорили, и те, что молчали, а кроме них были еще и сельчане, высокие и низкие, знатные и простые, хорошие и плохие, глупые и преглупые, средние и крайние, такие и этакие, те, что ходили туда и сюда, те, что говорили, и те, что молчали, а еще чужеземцы, высокие и низкие, большей частью знатные, простые довольно редко, Р.Г. ведь не близко, нужны тюрпины и ганелоны, чтобы сюда приехать, хорошие и плохие, средние и крайние, такие и всякие, те, что ходили туда и сюда средь сельчан и родимогородцев и говорили меж собой, вот звезда Алиса Фэй Алиса или же ах, значит, вы впервые приехали на Жди-не-Жди и те, что молчали, поскольку были снобами, которые неоднократно видели этот их Жди-не-Жди, но не произносили ни слова, дабы выглядеть достойно.

Пока Алиса мечтала, Дюсушель пропустил еще несколько рюмочек строгача. Затем они вышли, оставив Хуйцера пересыхать в номере. В порыве нежности, который объяснялся воздействием строгача, а также некоторой ревностью, Дюсушель взял Алису под руку. Алиса не высвободилась, позволив сжать мякоть своего бицепса, который она укрепила благодаря спорту, одной из дисциплин Святолесья, неведомой родимогородцам. Зажигались лампочки на акациях. Иногда удавалось различать людей. Людей, которых они конечно же не знали, ну, разумеется, откуда они могли их знать.

Например, они не узнали в лицо Лё Бестолкуя, с его половиной и дочерью, которые выгуливались в этот предпраздничный вечер. Зато переведатель узнал их. Он приказал семейству ждать в отдалении и набросился на приезжих, активно пользуя чужеземный язык:

— Мадмуазель Алиса Фэй, не так ли? Не позволите ли вы позволить мне попросить у вас автограф?

Он вынул из внутреннего кармана пиджака слегка помятый дагерротип Алисы. Та являла свой образ на бумаге благодаря активному воздействию света на некоторые соли и демонстри-

ровала бархатное трико и облегающие шелковые чулки, а также украшение в виде черного, как смоль, лепидоптера.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, — шептал переведатель в мракости. — Надпиши-итиивомне-е! Надпиши-итиивомне-е!

— Я очень польщена вашей просьбой, — ответила звезда. — С кем имею честь?

— Ваш покорный слуга Лё Бестолкуй, переведатель в этом городе, нашем Родимом.

— Меня зовут Дюсушель, — сказал Дюсушель, начиная подумывать о том, чтобы отпустить руку Алисы Фэй. — Я — исследователь.

— Очарован, — сказал Лё Бестолкуй, хотя таковым (очарованным) вовсе и не был.

Спрятав автографированный дагер, он знаком подозвал двух сопровождавших его бабенций. Представились. Дюсушель не знал, что выбрать: одиночество с Алисой, которое наверняка не могло быть долгим, поскольку та стремилась на встречу с Полем Набонидом, или профессиональный долг, который требовал от него якшания с естественным материалом, то есть в данном случае с Лё Бестолкуем, почти несомненным источником характерных подробностей, сплетен, пересуд, суеверий и диалектизмов. Алисе не

терпелось улизнуть.

Ей это удалось.

Внезапно, забыв про звезду и обольстившись этнографом, Лё Бестолкуй разболтался. Он расспрашивал Дюсушеля, как Родимый Город то, да как Родимый Город се, короче, обычная тематика в разговорах с туристами. Его половина и дочь рта не разевали. Дюсушель сразу же понял, что все трое были довольно причудливыми экземплярами. Он предпочел бы общество Алисы, но, раз уж улизнула, ничего не оставалось, как набираться знаний. Фонографиозным ухом он слушал речи переведателя, которые становились все более придурковато конфиденциальными. Он, переведатель, плакался по поводу ига, сносимого от мальчишки, причем весьма невежественного по части чужеземного языка, ну да ладно, не будем об этом, он сожалел о временах Великого Мэра Набонида, временах отнюдь не древних, всего один год, как, ведь завтра будет ровно один, с того самого момента, когда, да. Вы приехали сюда в первый раз? Моя дочь, Эвелина, что за вопрос, выйдет замуж в нашем кругу. Само собой разумеется. В кругу знатных лиц. Великий Набонид на нее поглядывал. Правда, доча? Дама, фаворитка, — уже неплохо. Это все же имеет значение.

Особенно среди знатных лиц. Речь шла даже о том, что она выйдет за Пьера.

— Да нет же, папа! За Поля!

Дюсушель оглядел девушку. Хороший образчик родимогородской девственности, показалось ему. Он почувствовал желание ее исследовать. Из этой респондентки можно было бы выжать несколько фольклорных деталей.

Наговаривая нежности, Дюсушель стал о нее тереться, в то время как ее родители жидко улыбались, мечтая о грядущей копуляции дочери с туристом, что имел ух какой ученый вид.

Как ни в чем не бывало, переведатель Лё Бестолкуй следовал в непосредственно-заинтересованной близости, объясняя явления. Тем временем под покровом мракости раззадорившийся Дюсушель водил рукой по ягодицам Эвелины и рассеянно прислушивался к рассказу о разных происшествиях, которые более или менее Города знатных лиц Родимого оживляли жизни течение. Так, Лё Бе-уй хвалился тем, что сумел остаться на своем месте; Пьер его не ликвидировал. Переведатель был одарен гибким хребтом и этого даже не скрывал. У Эвелины он был таким же, гибким. Малышка интересовала Дюсушеля все больше и больше. Но родители наступали им буквально

на пятки и несли до чего ж увлекательно полную бестолкуйню по поводу Родимого Города. Затем переведатель разворчался, патамушта звезда улизнула. В воздухе пахнуло эротикой, и супруга затерлась о супруга, нашептывая ему на ухо ух ты котяра блудливый чем дальше, тем больше.

Так, шаг за шагом, они продвигались и наверняка дошли бы до конца — как законная чета, так и девственно-туристическая пара, — если бы не столкнулись (этого следовало ожидать) с группой знатных лиц, которые вышли развеяться и размять ноги, хороший вечерок, а вы как, в порядке, не мешало бы пропустить стаканчик фифрыловкй, и прочая фоническая чушь, дурь и мудазвонщина. Приветственно пожимая друг другу мокрые от пота ладони, родимогородцы искоса поглядывали на туриста, который, похоже, растерялся, куда их вообще девать-то, лапы свои. Лё Бе-уй представил чужеземишку, и клейкие рукопожатия возобновились, но глаза уроженцев продолжали настороженно разглядывать, а языки прижимались к нёбу лишь ради скудных реплик.

— Я, — наконец сказал Дюсушель, вспомнив о своих профессиональных обязанностях, — очень рад, что завтра смогу присутствовать на тради-

ционном праздновании Жди-не-Жди.

— А с чего это ему не быть традиционным? — спросил Сенперт. — Он всегда такой: традиционный.

— Это как посмотреть, — одновременно и сдуру брякнул Капюстёр.

— Что вы имеете в виду? — быстро отреагировал Дюсушель с макиавеллизмом, присущим любому объективному исследователю.

— Ничего.

Капюстёр замкнулся.

— Речь идет о… каких-то изменениях? — вкрадчиво спросил Дюсушель, упиваясь собственной изощренностью.

— Кто это вам сказал? — спросил Сенперт.

— Здешние люди, с которыми я встречался.

— И где же?

— В таверне.

— Неудивительно, — взорвался Лё Бе-уй. — Не верьте тому, что болтают в злачных местах. И чего ради вы туда сунулись?

Дюсушель проглотил бестактность и неуверенно ответил:

— Мне порекомендовали попробовать фифрыловку того года, когда Ив-Альбер Транат выиграл Триумфальный Приз Весенника.

— У меня фифрыловка получше, — сказал Лё Бе-уй.

— Но ведь я не был приглашен.

— Так пойдемте и разопьем бутылочку.

— Отличная мысль, — сказал Сенперт.

Дюсушель задумался. Разумеется, в гости к частным лицам туристы попадают не часто, а этнографы — и того реже. К тому же благодаря этой попойке он наверняка смог бы продолжить тестирование Эвелины, которая двигалась послушно и параллельно своей мазерше[128]. Однако его беспокоила Алиса Фэй. Он стал уклоняться.

Сенперт настаивал, но совершенно бескорыстно, ибо его почти никогда не приглашали к переведателю. Лё Бест-уй гордо расхваливал свой напиток. Капюстёр и Зострил мямлили нет многозначительно. Так все дошли до маленькой площади, на которой коагулировалась человеческая масса. Дюсушель, якобы невзначай, огляделся тем панорамным высматривающим взором, который вырабатывается лишь в результате многочисленных путешествий в дальние страны, но Алисы Фэй не увидел.

Поэтому этнограф принял приглашение на

---

[128] Примечания: 128

Искаж. *англ.* mother — мать.

фифрыловку и пристроился к Эвелине. Ему удалось оттеснить ее в сторону, во-первых, благодаря своей собственной ловкости, во-вторых, благодаря ловкости девушки и, в-третьих, благодаря пособничеству знатных лиц, хотя в их обычаях никогда не практиковыковывалась жертвенная проституция отпрысков женского пола.

— Все знают, в полдень вас приветствовал наш мэр, — прошептала Эвелина.

— После обеда, — уточнил турист, восхищаясь касандрилейским стихом, формой выражения, которая редко считается часто употребляемой среди родимогородских дев.

— Я на нем скоро помолвлюсь, — сообщила Эвелина. — Слышали папашу?

— Вы рады, что станете мэршей?

— Чихала я на это с присвистом, — ответила Эвелина. — Меня хотят обязательно пропихнуть в его семейку. А мне это не по душе.

— Что именно?

— Семейные истории. Папаша (она грациозно кивнула в сторону Лё Бе-уя) думает только о том, как бы побольше заганелонить. То есть о деньжатах. Не знаю почему, но это якобы зависит от семьи Набонидов. По-моему, он морочит себе голову. Во всяком случае, я, так сказать, почти

помылвлена.

Она засмеялась.

Ну и дурища, подумал Дюсушель, тиская ей талию. Это интересовало его все меньше и меньше. Перед дверью Лё Бестолкуя он струхнул.

И покинул компанию.

То, что вообще все туристы хамы, было известно и раньше, но только в принципе. Уклонение этнографа долго обсуждали.

Дюсушель вновь погрузился в круговой поток родимогородцев. Время от времени он посматривал направо, налево, в сторону маленьких мракостных аллеек. Тени метались под покровом теней, но не видел совсем он Алисы нигде Фэй среди них.

Окружная Дорога — это все же не велосипедная дорожка, говорил себе этнограф. И продвигался вглубь по тропам узким. Справа и слева во тьме обнаруживал влюбленных. Их было немало, по крайней мере, тех, кто залезал под юбки, и тех, кто позволял туда залезать. Алисы — нигде. Ноги родимогородок его не возбуждали, Дюсушеля, отнюдь. Если б захотел, то мог бы, и с Эвелиниными он, которые совсем даже ничего, вволю

насладиться меццотинто[129]. Но искал лишь Алису, не потому, впрочем, надеялся, что вот-вот глазам откроется она с лепидоптерами на ляжках в черном шелке, а потому, что осознал просто, просто-напросто, утечку в смысле своей научной объективности.

За углом ограды, ограждающей кустарные кустарники, Дюсушель столкнулся с двумя пьяными субъектами, которые сказали А! хором, никак «турик», это были Спиракуль и Квостоган.

«Турик» посмотрел на них безо всякой благосклонности, оценивая их скудноватыми в смысле фольклорного ознакомления — раз, в смысле информации относительно Фэй — тфа. Изрядно нафифрыленные гуляки выдали целую серию А! а! которая принеятно фстревожила Дюсушеля, несмотря на его богатый опыт общения с туземным контингентом.

— А! — наконец-то разродился Спиракуль. — Он возомнил.

— Да еще как, — подсказал Квостоган.

— Что будет Жди-не-Жди.

— По старой традиции.

— И ошибся.

---

[129] Примечания: 129

Фр. mésotinte [от *ит.* mezzo-tinto] — меццо-тинто; «черная манера», способ гравирования на металле, предназначенный для глубокой печати.

И хором:

— Разве нет?

Собрав все свое мужество в трясущиеся поджилки, Дюсу спросил:

— Это почему же?

Спиракуль прыссснул со смеху:

— Как будто сам не знает!

— Делает вид, — прыссснул Квостоган.

— А сам знает лучше нас.

— А то! Канешно лутшенассс!

— Тот-то ему все рассказал.

— Потому что, — начал Квостоган.

Спиракуль закончил:

— Все знают, в полдень вас приветствовал наш мэр.

Дюсушель почувствовал легкое раздражение:

— Заблуждение. Мне уже это говорили. И я уже отвечал, и снова повторяю, что это было после четырнадцати часов.

Не обратив внимания на это несколько апстрактное уточнение, Спиракуль спросил:

— Что он вам сказал? Он дал вам понять, что могут произойти изменения, да?

— Только не надо иронизировать, — проворчал Дюсушель.

После чего получил в зад мощный пинок суро-

вым тяжелым башмаком. Отряхнул рукой штаны и вежливо промямлил:

— Вот ведь Жди-не-Жди… все-таки…

И хихикнул.

Обернулся и увидел Штобсдела.

Спиракуль и Квостоган вульгарно потешались.

Подтягивались любопытствующие родимогородцы. Понятно, что туристы всегда могут оказаться предметом безобидного подтрунивания. Однако от чересчур откровенного веселья приходилось воздерживаться из-за опалы Штобсдела. Мэра-Пьерских диссидентов побаивались. Что не помешало Дюсушелю испробовать на себе второй пинок (от Спиракуля), но теперь уже не просто в зад, а в прозтат[130], а за ним и третий (от Квостогана). Дюсушель мужественно сносил первые стадии родимогородского сближения, припоминая, что в Путеводителе они упомянуты, как явление отнюдь не редкое.

— Так ты того скажешь нам это? — прыссснул Спиракуль.

— И того повторишь мне это? — задорно подкватил Квостоган.

---

[130] Примечания: 130

Неологизм proze [искаж. *гр.* πρόσω (прозо) — перед; *лат.* pro — впереди, перед] можно было бы легко перевести как «перед» или «передок», если бы он не являлся омонимом слова prose от *лат.* prosa (проза).

Штобсдел был не прочь отвесить чужеземцу еще один пинок по заднице, но тот стоял к нему лицом, а тюкать сапогом в брюхо было бы некорректно. Поэтому он ограничился тем, что прочистил горло и харкнул приезжему на плечо.

— Все это, — тактично прокомментировал Дюсушель, — кажется мне невероятно интересным.

— Еще бы, — ответил Штобсдел.

И плюнул на него второй раз. Получилось зеленее, чем в первый.

С вынужденной долей мистицизма Дюсушель попытался припомнить (глубоко про себя) цель своей миссии и произнес:

— Эти обычаи…

— Которые завтра изменятся, — подсказал Спиракуль.

— И вы это знаете, — прорычал Квостоган.

— Да, — подтвердил Штобсдел. — Все знают, в полдень вас приветствовал наш мэр.

— Ну уж нет! — взорвался Дюсушель. — Нет! Не раньше четырнадцати часов! Не раньше четырнадцати часов! Я не хочу, чтобы возникали подобные легенды!

— И все-таки легенда возникнет, — возразил Штобсдел.

— Да, да, — подхватили Спиракуль и Квосто-

ган. — Возникнет! Возникнет!

Они повернулись к окружающим.

— Ведь, правда, возникнет?

— Да, да, — ответили окружающие.

И, подойдя вплотную к Дюсушелю, зашипели ему в лицо:

— Все знают, в полдень вас приветствовал наш мэр.

Мимо, в провождении своих супружен проходили Мачут, Мазьё и Мандас. Спиракуль и Квостоган окликнули проходящих мимо, чтобы услышать их одобрение. Сначала те усмотрели в этом некий компромисс с крикунами, но в конце концов ведь речь шла всего лишь о легенде, возникшей и устоявшейся легенде. Они утвердительно одобрили.

Дюсушель избирательно оглядел импортера Мандаса, ибо тот казался ему более способным воспринимать чужеземные мысли, и дружелюбно ему сказал:

— Они меня совсем извели! Я уже устал повторять, что видел гспадина Пьера Набонида после обеда, а они хотят, чтобы это было в полдень.

— Так ведь легенда такая, — ответил Мандас.

— Плевал я на легенду, — взвился Дюсушель. — Где же правда?

— Все знают, — ответил Мандас, — в полдень вас приветствовал наш мэр.

Туриста окружало плотное кольцо. Из него высветился Бонжан. Он тоже был изрядно нафифрылен.

— Чего ему надо? — спросил он.

— Уважения к туристам, — ответил Мандас, учитывая свои интересы.

Бонжан вперил в Дюсушеля практически чистый взор, поскольку эссенция фифрыловки затуманила пока еще только роговицу. Затем поднял брови, опустил их на место, пожал плечами и сказал предмету публичного внимания:

— Все знают, в полдень вас приветствовал наш мэр.

Дюсушель пришел в полное отчаяние. Несколько раз подряд он раскрыл рот, но так ничего и не выжал; затем издал нечеловеческий вой и из звуковых волн, разгоняемых в смутной атмосфере накануне Праздника, раздраженно выудил:

— Значит, вы туристов не уважаете, едрена вошь?

Можно подумать, кто-то об этом задумывался.

Он продолжил:

— Я уже устал повторять, что был там около пятнадцати часов.

— И он вам сказал? — спросил Бонжан.

— И он вам сказал? — схорировали остальные.

— Что будут изменения?

— Что будут изменения? — срезонировали те же.

Кольцо было очень плотным, помимо человечьей плоти из одеяний составленное. Луна и фонари освещали. Всякий и каждый замолк, ожидая ответа. Дюсушель ожидал вместе с остальными — ответа. Своего. Вдруг кольцо разорвал какой-то подросток. Чтобы не сказать юноша, но, уж во всяком случае, не ребенок. Он сам не осознавал серьезность ситуации. Он разомкнул зевачный круг для того, чтобы пробиться к своему отцу, Бонжану. Пробившись, объявил:

— Пап, там гспадин Поль, знаиш, шоон делаит? Там звездаионыёгладитпапооопе! Да! Я тока-што видел. Оныёгладитпапооопе!

— Ну и правильно, — ответил отец.

— Если бы мне представилась такая возможность, — высказался Спиракуль, — я бы ее тоже не упустил.

— Ну, уж если выбирать, я бы предпочел Вирджинию Флейт, — отозвался Квостоган, — она — помоложе.

Публика начала рассасываться. Обсуждавшие

тему Дюсушеля заговорили о кинематографе и его исполнительницах. Дюсушель понял, что он уже не являлся темой для обсуждения, хотя ни луна, ни фонари не преукращали его осветощать. Он юркнул в сторону, к Роберту и шепотому на ухо:

— Где она?

Роберт изучил его методично, но — молчок.

Дюсушель заметался. Сунул в кулачную щель подростка десять ганелонов.

Подростковый рот отворился:

— Идите налево по узкой колючей дороге вдоль мертвого вала и дойдете до ограды, что ограждает завал из щебня, что ограждает свалку, и справа стоит скамейка, и на этой скамейке гспадин Поль и звезда: завлекательно, дяденька, если знать правильные места.

— Вот, — говорил Штобсдел, — что я никак не могу понять в кинематографе, так это, как им удается нас увлечь в этот Океан за экранной простыней и чтоб при этом никто не замочился, по крайней мере, насколько я знаю.

— Действительно, вопрос не простой, — проговорил Спиракуль.

Дюсушель смылся, Роберт утопил в глубокой пазухе предательскую денежку. Ночь укутала узкую дорогу, масляные фонари поредели, турист

шлепал вперед, размахивая руками во все стороны. Несмотря на сильное желание как можно быстрее добраться до звезды, он принимал все меры предосторожности, чтобы не расквасить себе рожу. Он продвигался маленькими шажками человека, который шел валко от колик. Наконец заметил красный огонек: свет фонаря, что вешают на калитку ограды, что ограждает завал из щебня, что ограждает свалку. Там действительно стояли две скамейки. Придав шагу уверенности, Дюсушель его не прибавил, дабы сделать поступь бесшумной, и снова маленькими шажками человека, которому худо от резей. На одной их скамеек сидели, обнявшись, мужчина и женщина; они поцеловались, мужчина засунул руку под юбку женщины. Вот уж и в самом деле завлекательно, так как Дюсушель припомнил объяснения мальчика: некоторые слова принимают более широкое значение, а может, влюбленные сменили позу. Он замер и стал наблюдать.

Кто-то ткнул его пальцем меж ребер. Дюсушель даже не слышал, как этот кто-то подошел. Он повернулся. И распознал молодого мэра, который спросил не громким, а скорее тихим голосом:

— Вы не находите это отвратительным?

— Ограду? — спросил к месту Дюсушель.

— Что же делать? Что же делать? — патетически воскликнул Пьер.

Дюсушель посмотрел на него несколько отстраненно. Пьер принял вид умный и убежденный. После чего заявил:

— Завтра я вызову дождь, я вызову дождь.

— Оказываясь вашим поверенным, — сказал Дюсушель, — до последнего времени я навлекал на себя одни лишь невзгоды.

— Разумеется. Просто так подобные вещи не проходят.

Широким жестом он указал на влюбленных:

— Но это!

— Простите? — не понял Дюсушель.

— Вот это.

— Хм, — хмыкнул Дюсушель.

— Мне остается только их поженить, — сказал Пьер.

Влюбленные внезапно очнулись и отстранились. Затем посмотрели на ночных обозревателей.

Пьер приблизился к ним.

— В силу, — произнес он, — вверенных мне полномочий объявляю, что отныне, начиная с настоящего момента, вы — женатые супруги.

— Ну и ну! — простодушно воскликнула маде-

муазель Фэй. — Здесь это делается еще быстрее, чем в Святолесье.

— Пьер! — воскликнул Поль.

— Ну и история! — воскликнул Дюсушель.

— Дело сделано, дело сделано, — сказала Алиса.

Она бросилась в объятья Поля. Они поцеловались, он сразу и снова засунул руку ей под юбку.

Ночные зрители развернулись и удалились.

— Ну и история! — шептал Дюсушель. — Ну и история!

— О, — беспечно отозвался Пьер, — знаете ли, таким образом заключается целая куча браков. И не самых неудачных. Не самых неудачных.

В затянувшейся фермате возник какой-то проблеск; Дюсушель повернул голову, чтобы рассмотреть собеседника. Пьеру было лет двадцать пять.

— Да, — сказал Дюсушель.

— Ну вот, один уже пристроен, — радостно объявил Пьер.

Затем продолжил, но уже серьезно:

— Вероятно, вы не знаете, что у меня есть еще один брат?

Дюсушель украдкой посмотрел назад, но все — фонарь, скамейка, молодожены — уже было

поглощено тьмой.

— Нет, нет, — пробормотал он. — Да. Разумеется.

— И сестра.

— Ах да. Да.

— Вам нехорошо? — участливо спросил Пьер.

Он подсматривал за ним краем глаза. Этот турист был не просто одним из тех, что вдали отсюда оказываются обычными чужеземцами, говорят по-тарабарски и по-абракадабрски и разводят при этом пещерных рыб, но еще и таким же ученым, каким был он сам, когда в Чужеземном Городе с беспристрастностью тернистого ската наблюдал личиночные эволюции спелеозной амблиопии[131].

— Вы взволнованны?

— Я? Я… О! Нет.

— Но ведь вы находитесь здесь в исторический момент. Завтра тучегон окажется там, на свалке.

Указательным пальцем он указал на мракость за своей спиной.

— Ну и что? — рассеянно спросил Дюсушель.

— Будет дождь.

— Вы действительно в это верите?

---

[131] Примечания: 131

Спелеозная — от *гр.* spelaion (пещера); амблиопия — от *гр.* amblus (слабый) и ops (зрение).

Дюсушель сделал раздраженный вид, хотя, разумеется, в анналах науки не было известно ни одного случая, чтобы этнограф женился на киноактрисе. Но ведь должен быть первый случай. Например, первый таракан, первая птица, первое млекопитающее… Так почему бы ему самому не?

Все равно находишь какое-то утешение, и жизнь уходит, уходит, продолжаясь. Отвечаешь рассеянно. Пересекаешь толпу. Расстаешься со знатным лицом и его сумбурно-фосфористыми речами в духе типичной политигомотины. Залезаешь меж простыней, до чего прохладны для этой головы! Пытаешься заснуть згрехомпапалам. Кофе чернеет с рассветом; в шесть часов не намного чернее, кофе. Просыпаешься. Духовой оркестр обходит город, наигрывая «Покорителя Кучевых облаков». С закрытыми глазами продолжаешь лежать в кровати для туриста в то время, как люди (уроженцы, сельчане и прочие) уже формально шалеют в предвкушении праздника. Зеваешь. Наконец подается категорический кофе, вносимый титястой и ляхастой девахой. Дюсушель смотрит на нее разочарованно и начинает прихлебывать кофеек. Деваха выметается со своими сиськами-письками. За окном вновь проходит оркестр и звучит по-прежнему си-бе-

моль-минорный традиционный гимн.

Ключ от номера звезды висит на доске. Ушла рано утром или не возвращалась с вечера, типичная загадка для портье. Дюсушель идет в ближайшее бистро, чтобы хряпнуть кувшинчик-другой фифрыловки.

Он с трудом нашел свободное место; официант приткнул его за один из столиков. Соседи, комментировавшие события, замолчали, как только он сел рядом. Дюсушель принялся пить свою фифрыловку. Соседи осторожно возобновили разговор.

— Погода будет хорошая, — неуверенно начал один из них, гася спичку в лужице фифрыловки.

Он затянулся, табак в трубке зашипел.

Второй пригладил бороду, осушил свой стакан и сказал:

— Забавная штука — как праздник, так у меня пересыхает в горле с первыми петухами.

Третий провел пальцами по усам, поставил пустой стакан и заявил, что в день Святого Ждине-Жди пьется вкуснее, чем в остальное время года.

— Больше вкуса, — заявил он.

Они повернулись к Дюсушелю, чтобы завязать разговор. Дюсушель, позабыв о своем научном

долге, замечтался.

Капюстёр кашлянул и повторил:

— Больше вкуса.

Все трое посмотрели на туриста. Тот повернулся к ним.

— Точ, — сказал он, — но в полдень нас приветствовал ваш мэр.

Зострила, Сенперта и Капюстёра аж передернуло от этой странной способности читать чужие мысли. Они сразу же прониклись уважением к Дюсушелю, который продолжил:

— Ну что, будут сегодня изменения, правда?

— Изменения чего? — спросил Капюстёр.

— Изменения, — ответил Дюсушель.

Знатные лица переглянулись, и их забитые песком роднички запульсировали.

— Вы что-то знаете, — прошептал Зострил.

— Хе-хе, — выдал, посмеиваясь про себя, Дюсушель.

Ему надоела вся эта этнография и весь этот фольклор. Сенперт незамедлительно отреагировал.

— Вчера вечером на вас плюнули, — утвердительно вопросил он.

— Я не одобрял, — влез Капюстёр.

— Так оно и было, это факт, — сказал Зострил.

— Население не очень-то любит вашего мэра, — сказал Дюсушель.

— И туристов, — добавил Сенперт.

— Во всяком случае, — сказал Дюсушель, — сегодня будут изменения.

Он отважно на них посмотрел. Они задрожали.

— Ничего не чувствуете в воздухе? — спросил он.

— Нет, — ответили они.

По-заячьи сжались и отвернулись, чтобы между собой поговорить о посуде.

— В этом году я раскололся на пятнадцать тысяч тюрпинов, — сказал Зострил. — Один лишь красивый фарфор.

— Вы свое место знаете, — сказал Сенперт, горько завидуя.

В этом году жестяные дела шли не лучше, чем в прошлом.

— Я послал три тысячи чайных чашек, — настойчиво продолжал Зострил.

Капюстёр присвистнул от восхищения.

— Я отделаюсь вкладом в одну сотню. Для меня и этого достаточно. Да и времена, конечно, уже прошли, — слицемерничал Сенперт.

— Какие времена? — настороженно спросил Капюстёр.

— Старые. Никакого желания выкладываться ради успеха праздника, который… праздника, из которого… ну, в общем, вы меня понимаете.

Они повернулись к Дюсушелю, который даже не пошевелился, и снова отвернулись.

— А что выставляет *он? Он* сам? — спросил Капюстёр.

— Угадайте! — бросил всегда хорошо проинформированный Зострил.

— А вы знаете?

Они повернулись в его сторону.

— Банки и аквариумы, — ответил Зострил. — Пустые.

— Ах, ах, — заахали остальные.

— Это Мандас ему достал, — добавил Зострил. — Он выписал их из Чужеземья.

— Но ведь это не посуда, — заметил Сенперт.

— Конечно нет, — согласился Зострил. — Но он говорит, что это посуда не человеческая, а рыбья.

Капюстёр, похоже, аргумент принял. Но Сенперт раздраженно отбросил:

— Но ведь не рыбы же придут бить его посуду.

Возражение показалось обоснованным. Но Дюсушель простодушно вставил:

— Как знать.

Все трое разом к нему повернулись.

— Какие изменения? — злобно спросил Сенперт. — Ну! Какие изменения?

— У-ух! — ухнул кто-то на террасе.

Ипполит с крайне решительным выражением на пунцовой роже устремился к двери. Это был тот бедный посетитель, что в Родимом Городе не имеет права даже на имя.

— Что еще? — бросил трактирщик. — Что, фифрыловка не понравилась?

Но посетитель не испугался Ипполита и снова ухнул:

— У-у-ух!

— Однако, — сказал Ипполит, — она того года… прошлого года, когда Бонжан выиграл Триумфальный Приз Весенника.

Все встали. Все смотрели на типа, который ухал. Никто никогда не узнает его имени. Он просто исчезнет из легенды. Ему не дадут силлабо-алфавитной метки. Несмотря на это, он все равно продолжал ухать свое у-у-ух, и все смотрели на него, и Ипполит выглядел очень недовольным, ибо относительно качества товара претендовал на репутацию хорошую и даже лучшую.

Так вот, персонаж, которого знали лишь как привычного незнакомца, поскольку не знали, как распознать, тоись не знали, что в такой-то

день такого-то дня именно он уже ухал у-у-ух, ухнул опять:

— У-у-ух!

И поднял руку и ткнул пальцем в чтойтам на небе.

Все задрали головы.

И увидели на совершенно голубом небе

облако

маленькое облако

совсем маленькое облачко

совсем крохотное, но чуть темноватое.

И все те, кто его видел, тоже ухнули у-у-ух.

И все бросились на улицу.

И все люди на улице тоже ухнули у-у-ух.

Даже Дюсушель ухнул у-у-ух.

В нескольких сидерических шагах от первого облака показалось второе, такое же маленькое и такое же темное. Оно было слева. Через две секунды обнаружилось третье, такое же маленькое и такое же темное, но на этот раз уже справа. А потом вдруг их появилось в два раза больше, то есть шесть сразу, растянутых с запада на восток.

Никто больше не ухал. Когда их стало двенадцать, в том числе несколько более темных, тут уж не до междометных самовыражений. Облака, это были настоящие облака, а полдень прибли-

жался, полдень приближался! И вот их стало уже двадцать четыре. И вот их стало уже сорок восемь. И вот их стало уже девяносто шесть. И вот их стало уже сто девяносто два, в том числе одно черновато-тучное. И потом, чуть позже, их стало триста восемьдесят четыре. А потом три на два в восьмой степени. А потом их стало меньше, патамушто тучи начали соединяться, слипаться и совокупляться. Небесный майонез бродил и серел, фиолетовел и тяжелел. Территория, подведомственная родимогородскому очистительному прибору, оказалась замызганной тучами от горизонта до горизонта, и с первым ударом курантов ливануло так, словно ударило коровьей струей.

Тщетно тужился Сахул. Избыточная вода размочила пузырь, и не было никакой надежды, что он лопнет. Штобсдел тихонько злорадствовал. Дюсушель живо любопытствовал. Остальные ощущали себя совершенно мокрыми. Пробил двенадцатый удар курантов, никакого сигнала, люди тупо стояли и не знали, что делать; никакой посудобойни. Кто-то робко расколол блюдце. И все.

— Дождь, — заметил Зострил, отфыркиваясь.

— Да уж, вот это действительно изменение, — горько заключил Капюстёр.

— Ну и ну, — сказал Сенперт, пытаясь про-

следовать траекторию капли, обособленной на большой высоте.

Взгляд жестянщика проводил каплю до лужи и вновь вознесся к небу и его дискретным зигзагам.

— Вы промокнете, — невозмутимо заключил Дюсушель.

Он в легенды не верил и поэтому привез в Родимый Город плащ.

— Он вас предупреждал, — прошептал Зострил.

— Да, — сказал Дюсушель. — Он выбросил его на свалку.

— На что же надеялся Сахул? — спросил Сенперт.

— Непонятно, — сказал Капюстёр.

— А самого мэра при этом не было, — заметил Зострил.

Перед аквариумами и банками, заполняющимися водой при полном безрыбьи, ни мэра, ни Пьера.

— И в самом деле, — сказал Капюстёр, — его там нет.

— И в самом деле, — сказал Сенперт, — его там нет.

И все сказали: а ведь и в самом деле, добавив:

— Его там нет.

Все повернулись к мэрии. И тут всем на глаза, которые с полудня и до сих пор впитывали исключительно влажные образы, попалась статуя, и все заахали ах, ах, ах, так как статуя таяла.

Дюсушель, также зачарованный местным божеством, увлеченно следил за процессом таяния. Минеральный слой уже не был панцирем, он вдруг перестал быть, и тут наружу вывалился интенсивно загнивающий труп.

Люди вскричали.

Заметили Пьера, который из окна своей резиденции взирал на таяние легенд.

Люди взвыли.

Хотя вода падала им прям-таки в рот, они его все равно разевали. Им это не мешало.

Набонид лежал маленький, на смехотворном постаменте, по-прежнему изрядно мертвый, хотя без корки отныне и зеленоватый чересчур. Несколько человек подошли к нему, а затем, проявив мужество, бросили его на носилки и понесли к мэрии. За ними пошли и остальные.

За ними пошел и Дюсушель.

У дверей образовалась давка, но знатные лица все-таки прошли первыми, а то как же. Увлекаемый потоком Дюсушель оказался в кабинете

Пьера. Там находились Лё Бестолкуй, Зострил, Сенперт, Капюстёр. И ошарашенный Сахул.

Все безмолвно смотрели друг на друга.

— Ну вот, — сказал Пьер, — как видите, дождь.

— Видим, видим, — ответили, морщась, остальные.

Дверь осталась открытой. Толпа, застыв на пороге, томилась. Она расступилась, чтобы освободить проход носильщикам. Те вошли, положили тело Набонида посреди комнаты, затем почтительно отошли и смешались с общей массой.

— Ну? — спросил Пьер.

— Теперь он сгниет, — ответил Зострил.

— Один миф уже лопнул, — заметил Дюсушель.

— Ах, это вы! — воскликнул Лё Бестолкуй и злобно напыжился.

— Этот господин здесь ни при чем, — объявил Пьер. — Это моя идея.

— Все равно, — возразил Сенперт, — если бы вы не съездили в Чужеземный Город, эта идея у вас бы не возникла.

Широким жестом руки Капюстёр указал на что-то за окном.

— А ваши аквариумы и банки, — спросил он, —

вы думаете, они наполнились рыбами? Нет.

— Пока еще нет, — ответил Пьер.

— Вздор, — произнес Лё Бестолкуй.

— Что?

Пьер нахмурил бровь.

— Я что, уже не мэр?

— Когда дождь, то уже нет, — сказал Лё Бестолкуй. — Когда дождь, мэра меняют. Таков обычай.

Дюсушель вынул из кармана блокнот, чтобы записать этот узус, так как переведатель наверняка знал толк в обычаях.

— Это правда? — спросил Пьер у остальных.

Три знатных лица кивнули, в смысле да, а толпа подтвердила тихим ропотом.

— Значит, я должен отречься?

— А еще, — продолжил Лё Бестолкуй, — мы должны выдворить вас из города увесистыми пинками.

Дюсушель продолжал записывать.

— А кто будет новым мэром?

— Им должен стать ваш брат Поль.

Дюсушель все строчил, строчил, строчил.

— Я только что поженил его на чужеземке.

Потрясение было значительным. Знатные лица неуверенно переглянулись.

— Пускай, — наконец сказал Лё Бе-уй.

Пьер замер, собираясь с мыслями.

Затем направился к ожидавшим его людям.

— Ну хорошо, пойдемте.

Он сделал необходимое количество шагов и исчез в приговорноисполнительной массе.

Лё Бе-уй повернулся к Дюсушелю.

— Да и вам, — сказал он, — лучше было бы отсюда уехать.

Дюсушель закрыл блокнот и сунул его в карман.

VI. Чужеземцы

ЭЛЕН:

Я никогда не кричала. А мои товарищи, разве они кричали? Свою жалкую жизнь они проводили, как я — свою, в тишине, в тишине. Время от времени они выкарабкивались из неподвижности. Ползали. Прыгали. Но все равно не кричали. А я не ползала. Мне незачем было прыгать. Элен прыгает. Я обнаружила ее под старыми паучьими сетями, заброшенными и мокрыми. Она — меньше всех. Потребовалось бы десять тысяч таких, как она, чтобы получилась одна блошка. Быть может, сто тысяч. Я вижу ее с трудом. Она — не белая, она — бледно-пепельная. Она — слепая. И прыгает. Это все, что она умеет делать. Я никогда не видела, как она ест. Никогда не видела ее рядом с самцом. Она прыгает время от времени. Недалеко. И тут же замирает. Кажется изможденной. Смертельно изможденной. Но вскоре оживает. И прыгает на несколько дюймов дальше, к новому изможднию. К новой невозможности.

Гроза — самое крупное из насекомых, что летают снаружи. Как и остальные, она бьется о стекло. Если бы окошко открылось, она наверняка бы

сюда влетела. Иногда они липнут к стеклу, чтобы отполировать свои крылья, остудить или согреть свои брюшки. Они смотрят на меня. Они тоже никогда не кричат, по крайней мере, их голоса не проходят сквозь толстое стекло. К тому же окошко такое маленькое. Как слуховое отверстие. Я забираюсь на стул, чтобы увидеть летунов. Но в них слишком много движения. Я устаю от них, буйных, и возвращаюсь к моим тихим, к моим спокойным. К моим грязным, к моим пыльным. К моим личинкам, к моим нимфам. К тем, кто подолгу дремлет в своей белесой ливрее, к тем, кто пробуждается разве что по бессмысленности. К тем, кто сворачивается, чтобы жить, чтобы спать, чтобы мечтать, возможно.

Крупные насекомые. Мелкие букашки. Вместе. Скребут ночь. Маленькие лапки. Большие крылья. Шуршат. Слышно ночами. Хижина пахнет. Пахнет мелкими букашками. Они шевелятся. Черви. Личинки. Я вижу гусениц. Вот они плетут коконы. Кофейные зерна. Позднее начинается шевеление. Красноречивые. Мелкие букашки. Червячки. Некоторые без лапок. Другие с лапками. Одни скользят. Другие скребут, перемещаясь. Маленькие лапки. Большие крылья. Туловища скользкие или шершавые. Шуршат. Слышно

ночами. Стружка луны. Червячок скользит по соломинке. Я зову его Жаном. Хорошенький. Маленький-премаленький. Мой товарищ. Ну-ка, спой. Лунная стружка на соломенной черте. Серебряная стрелка, дыхание в ночи. Маленький Жанно, маленький Жанно. Ах, он останавливается. Поднимает крошечную головку. Крошечную червячную головку. Крошечные червячные глазки. Близорукий. Совсем близорукий. Качает крошечной червячной головкой. Смотрит крошечными червячными глазками. Ищет меня. Маленький-премаленький. Завораживает лунный луч. Это ему нравится. Остальные насекомые спят. За исключением тех, что там, в углу. Там, в углу, суетятся тараканы. Свара. Тараканья свара. Жан делает вид, что не слышит. Чертово тараканье. Он меняет направление. Возвращается ко мне. Маленький-премаленький. Маленький червячок. Крохотный червячок. Посмотри на луну. Посмотри на меня. Она — красивая, я — юная. Она — светлая, я — ледяная. Жан, спой нам. Спой мне. Он качает головкой. Крошечной червячной головкой. Он ее склоняет. Направо, налево. Словно сейчас запоет. Олово неба. Соломенный дождь. Жан запел.

Ну, а если Жан поет, то Поль может и станце-

вать. Получается красивое зрелище. Поль встает на задние лапки. Хоп-хоп прыгает. Хоп-хоп скачет. Шлеп шмякнулся на пол. Мужественный Поль. Встает. Хоп-хоп скачет снова. Хоп — антраша. Хоп — второй. Жан поет. Подпевает. У Жана чистый тоненький водосточный голосок. Он меркурит[132] свою песнь. Хоп-хоп Поль. Еще один антраша. Он подпрыгивает. Проходит на цыпочках. Поворот. Жете. Жете батю[133]. Голубиное крыло. Реверанс. Какой репертуар, Поль! Как хорошо ты подпрыгиваешь, изопод[134]. Как хорошо ты антрашируешь, ракообразный! Чужеземцы тоже танцуют, но это было уже после. Некоторые прыгают. Те, что не двигаются, набиваются в большие закрытые коробки, где все вместе производят шум руками. Хлопая одной о другую.

---

[132] Примечания: 132

Неологизм, образованный от фр. сущ. mercure [*лат.* Mercurius] — ртуть. Имя римского бога торговли и прибыли Меркурия, покровителя путешественников, у средневековых алхимиков — символ металла, отличающегося своей подвижностью. В тексте, вероятнее всего, имеется в виду частая модуляция голоса, переход на другой регистр.

[133] Примечания: 133

В классическом балетном танце: jeté — длинный прыжок с одной ноги, во время которого другая остается поднятой. Jeté battu — несуществующий термин для несуществующего явления; образован от jeté (см. выше) и pas battu (па батю — прыжок вверх, во время которого танцор быстро постукивает одной ступней о другую).

[134] Примечания: 134

Досл. равноногий. Животное из отряда ракообразных с семью парами

одинаковых лап, например мокрица.

Время от времени. А другие дергаются. Поль, какое разнообразие. Он никогда не повторяется. Жан заливается соловьем. Все очень спокойно. Не считая тараканьего угла, где бой идет суровый. Мокрица Поль все танцует на кромке лунного света. Дорогие-предорогие просветы моей кромки, дорогие-предорогие крохотные мокрицы. Червячок замолчал. Начал отплевываться. Пение его утомило. Капелька его слюны, крапленная кровью, течет по соломинке. Поль пускается на четыре лапки. Подходит и нюхает кантатную жемчужину. Качает головой. Я легонько скребу его панцирную спинку таким длинным и таким черным ногтем своего указательного пальца. Червячок растянулся, вытянулся, потянулся, заснул. Они кладут много разных предметов друг на друга. Чтобы на них спать. Чужеземцы. Да еще и заворачиваются. До. И после тоже. Некоторые. Заворачиваются окончательно. И их больше не видят. Разве что, иногда, завернутых. По крайней мере, некоторые так утверждают. Но и только. В первый раз я не знала. Жан улегся. Я улеглась на солому. Я — очень длинная, я сплю. Серп той, другой, что на небе, очертил мое место в застенке. В моем застенке. У них есть люди, которые поют без пения. Без сопровождения. В первый раз. Днем

он подарил мне шелковые чулки. Я извозила их в грязи. Луны нет. Аквариум без воды. Насекомые мельче пчел светятся как светлячки. Их свет — желтый. Я стирала чулки в раковине. Я шагала босиком по соломе. Я шагала босоного в сабо. У меня были хлопчатые чулки, белые, грязные, разорванные, закатанные выше колена. Я шагала босоного по знойным холмам. Он купил мне шелковые чулки. Я извозила их в грязи. Вечером я выстирала их в раковине. Черная вода оставила свой осадок в мраморных ложбинах раковины, а жидкость с бульканьем утекла.

Тараканы. Они знавали тесто, подобное этому. Горячее. Их пленки вдоль ребер. Потом крылья. Они выправились. Они знают про оправу. Они выбрались. Как я — из своего застенка. Жан спит без задних ног. Бледненький. Я повесила чулки на веревку у окна, и они засверкали от дыхания ночи. Ткань, блестевшая в коробке напротив, потухла, и во тьме загорелись два огня. Я очертила свое место в ночи. Он отвел меня в другое место, в нашу коробку. Закрыл окно. Сказал, что два огня тоже потухли. Жан спит. Поль топчет соломинку.

Он скользит по пшеничному желобу. Возвращается домой. Я знаю, где он живет. Меж каких

песчаных блоков. Поль возвращается домой. В стену дома. Вся стена дома заселена. Снаружи. Внутри. Вне. Во. Паучихи поднимаются и спускаются. По паутинкам. Их считают дикими. Я знаю, что они могут быть ласковыми. Вот одна из них подстерегает Поля. Она сделает из него маленький кокон, чтобы водрузить его у себя дома. Но я здесь. Я вмешаюсь. Ей придется еще чуть-чуть поголодать. Она не обидится на меня. По-прежнему тараканья свара в углу. Лунная стружка медленно перемещается. Но нет. Паучиха не интересуется Полем. Поль продолжает свой путь. Он не заметил опасности. Он, мокрица, медленно замокрицает. Паучиха поднимается, играя на гитаре. Поль приподнимает крохотный камень. Затем вытирает лоб. Это его дверь. Он у себя дома. Входит. Добрый вечер. Крохотный камень опускается. Он сможет поспать. Я встаю. Небо режется на ленты, усики зари прощупывают горизонт.

Я никогда не кричала. Никогда. Шаг. Шаг. Шаг. Открытая дверь. Входит огромный зверь. Гигантский навозный жук. Самка навозника катит свой биток. Это ее корыто. Это моя миска. Для меня. Суп. Объедки. Остатки. Очистки. Ошметки. И вода. Очень чистая вода. Очень студеная. Очень нежная. И плотное грязное месиво. Я делаю из

него катышки. Для себя. Поль. Жан. Пьер: они это не едят. Сегодня утром Пьер женился. Большой монстр уже ушел. Он не говорил со мной. Он не говорит со мной. Тех, других, я знаю лучше. Он одевается, как я. Но у него совсем седые волосы. Гневно ими трясет, и тогда разлетаются белесые частички кожи. Для тех, других, это настоящий пир. Для тех, что на земле. Самка навозника этого не знает. Иногда, чтобы попотчевать тех, что на земле, я злю ее. Например, собираюсь выйти. Танцую. Царапаюсь. Плююсь. Но я никогда не кричала. Никогда. Перхоть падает на землю. Она уходит. И тогда крохотный народец пирует. И я. Я копаюсь в своей миске. Я скатываю катышки. Я пью воду. В углу стоит ведро, в котором я справляю нужды. Маленькую. Большую. Навозный жук хватает его за дужку. Время от времени. Выносит и выливает. Букашки производят всевозможные звуки. Я слушаю. Я слушаю. Я никогда не кричала.

Я знаю Пьера очень давно. Я слушаю дни. Ночи. Те, что раскалываются. Те, что тают. Пьер исчезает. Возвращается. Его сразу несколько. Сегодня утроим он женился. Он живет под плоским камнем, вон там. Я его видела, когда он только родился. Жалкий. Неуклюжий. Его было несколько.

У него крылья. Темный, как следует. Прелестный какерлак[135]. Веселый товарищ. Игривый скакун. Всегда свеж и услужлив. Рысью рытье земли мордочкой. Подбегает есть из моей руки. У него маленькие красивые роговидные челюсти, оснащенные солидно, оснащенные шипами словно. Он любит то, что в его лохани. Всего понемногу. Но не солнце. Он приходит поздороваться со мной в сумерки. Выходит из-под своего плоского камня. Крутит головой направо-налево. Фыркает. Затем бежит ко мне от всего сердца. Он женился сегодня утром, затемно. Еще до того, как раздался солнечный крик. А я никогда не кричала.

Они все женятся. Даже слепые. Даже очень слепые. Даже очень бледненькие. Даже очень личиночные. Даже очень скользкие. У них у всех свадьбы. Женитьбы. И родитьбы гурьбой. А я, я не женилась. Нет ни одного из моего рода. Старуха, что приносит мне еду, наверняка из моего рода. Но она самка. Я это точно знаю. Самец. Самка. Я не самец. Когда мы приехали к чужеземцам, они смеялись. Бежали за нами. Бросали в нас камнями. Мы прятались. Ночами они спали. Но не так крепко, как мокрица в разгар дня под камнем.

---

[135] Примечания: 135

В тексте вместо *фр.* cancrelat употребляется сходное по звучанию kakerlac [от *нидерл.* Kakkerlak] — американский таракан.

Мы хотели пройти мимо них. Они просыпались. Просыпались. Начинали смеяться и бросать в нас камнями. И мы убегали и прятались. Старая навозная жучиха оставалась возле моего застенка. Я там тоже была. Мы все бегали и прятались. Но потом он научился. И тогда мы прошли.

Чтобы пройти к чужеземцам, нужно вымазаться личностью. Клейкая субстанция. Липкая. Несмываемая. Удачность этого пачкания удостоверяется с помощью бумажек. Они называют их бумагами, удостоверяющими личность. Есть такие чужеземцы, которые считают, что мир сделан из этой субстанции, и они возвели ее в принцип. У чужеземцев есть и другие бумажки. Для другой субстанции. Но их не хранят, их выкидывают. Есть такие чужеземцы, которые считают, что Мир сделан из этой другой субстанции, и они возвели ее в принцип. Но таких очень немного. Все эти бумажки одного размера. Как для личности, так и для прочего. Путать их нельзя. На бумажки для личности клеят легкую пленку, которую снимают с лица и значительно уменьшают благодаря объективности. Это фальшь-тография. Настоящая тография остается приклеенной к лицу благодаря клейким свойствам личности. А еще чужеземцы снимают фальшь-тографию с пальца. Это очень

красиво. Грациозно, как паутина. И наконец, каракули в виде мушиных лапок служат для фальшь-тографии имени. После этого уже можно перемещаться среди чужеземцев.

Но перемещаться среди чужеземцев все равно еще нельзя. Он мне дал мои бумажки для личности и бумажки для гигиеничности. Еще ему нужны другие бумажки, украшенные лицами. Цифрами. Эти бумажки превращаются во что-то другое. По желанию. Но не совсем по желанию. Когда как. Это бумаги для собственности. Есть такие чужеземцы, которые считают, что собственность это субстанция, из которой сделан мир, и они возвели ее в принцип. Чужеземцы спорят о том, чей принцип выше: личности или собственности. Все эти бумажки взаимно обмениваются. Чтобы получить бумажки для личности и бумажки для гигиеничности, нужны бумажки для собственности. За бумажки для гигиеничности можно получить очень мало бумажек для собственности и бумажек для личности. Поэтому требуется много больших телег с бумагой для гигиеничности. Это он мне рассказал. Бумаги для собственности называются банк-с-нотами. Они могут преобразовываться во что-то другое. Моментально. Даешь одну банку-с-нотами, и вот

тебе яблоко. Даешь другую банку-с-нотами, и вот стакан воды. Даешь третью банку-с-нотами, и вот кусок хлеба. Но надо знать места. Он знал. Он сразу же все разузнал. Некоторые чужеземцы превращают вещи в другие вещи или в ничто. Моментально. Это престиждиктаторы[136]. Банка-с-нотами тоже может превратиться в ничто. Сами чужеземцы ни во что не превращаются. Они не гусеницы и не личинки. Они только изменяются. А когда превращаются, то уже навсегда заворачиваются в большую белую простыню. И неизвестно, что с ними происходит потом. Они больше никогда уже не появляются. Или редко. Чужеземцы об этом спорят. Они об этом говорят. Он говорил с ними. Но я с ними не говорила.

Чужеземцы живут в коробках. Коробки, поставленные рядом, образуют квартиры. Из коробок, поставленных друг на друга, получаются дома. В них сделаны дыры, чтобы впускать жильцов, холод и дождь. Вращающиеся щиты из непрозрачного вещества и сортируют жителей одной коробки, если в них проделана дыра, называемая замочной скважиной. Коробки бывают различных видов. Обычно чужеземцы женятся в той же

[136] Примечания: 136

Искаж. *фр* prestidigitateur (престидижитатор, фокусник) от *лат.* preste (быстро) и digitus (палец).

самой коробке, в которой они спят, и наоборот. Редко бывает, что они женятся в коробке, предназначенной для чего-то другого, например в кухонной (в эту коробку складывают маленькие коробки, для этого она и служит: спичечные коробки, конфетные коробки, консервные коробки). Есть коробки, которые частично заполняются водой: это ванные. Такие коробки встречаются довольно редко. Чужеземцы, у которых их нет, называются бедными. Те, у кого они есть, — богатыми. Богатые и бедные редко живут в одном и том же скоплении коробок. Иногда к семье богатых добавляют женскую особь бедного вида. Тогда эта особь спит в особой коробке, которую заталкивают под самую крышу.

Людей, заворачивающихся в простыню и выходящих из обращения, кладут в коробки для закапывания. Две большие склеенные между собой коробки со снятой перегородкой называются театром. В коробку слева набиваются зрители, в коробку справа — актеры. Зрители — это люди, которые собираются вместе, чтобы производить шум, хлопая одной ладонью по другой. Актеры — это люди, которые говорят между собой громким голосом в тишине во время перерывов, которые предоставляют им зрители. Помимо коробок

большого размера, предназначенных для людей, и маленьких коробок, предназначенных для веществ, есть маленькие коробки, предназначенные для людей, которые называются тюремными камерами, и большие коробки, предназначенные для веществ, которые называются емкостями. Коробки промежуточных размеров называются мебелью; большая часть мебели — это коробки невероятно изогнутой формы. Стол — это сплющенная коробка на четырех ножках. Стул — это бывшая емкость маленького размера, дополненная спинкой; сам сосуд давно исчез, а коробку, по аналогии со столом, снабдили четырьмя ножками. Расческа представляет собой последний экземпляр исчезнувшего вида: сплющенная коробка с костями. Некоторые круглые коробки содержат гуталин; другие — отрезки времени. Кусок времени, отделенный от мира и замкнутый в крохотную тюрьму, бегает по кругу, как белка в колесе. Чужеземцы прикрепляют к оси стрелки и назначают себе конкретные задания. Но порой кусок времени чахнет и умирает. Тогда его относят к воротам города на маленькие рынки с блохами, и там он расходится по рукам. Цилиндрические коробки содержат субстанции, которые то мешают спать, то, наоборот, усыпля-

ют. Детям дают кубические коробки, украшенные черточками, которые чужеземцы называют буквами; взрослым — коробки, украшенные маленькими кружочками, число которых никогда не превышает шесть. Чужеземцы их трясут и бросают, но безрезультатно; на этих кубических коробках больше шести кружочков никогда не выпадает. Сферические коробки чужеземцы утыкают бесчисленными маленькими кружочками, которые называют звездами, а еще отмечают раскрашенными пятнами, которые называют сушей и океанами. Овальные коробки содержат твердеющую при варке сперму с глазом без зрачка в середине. Чтобы до нее добраться и ее съесть, коробки разбивают. В коробках, где одна сторона заменяется белой тканью, человеческих существ расплющивают до крайней степени плоскости и проецируют через дырку на светящуюся простыню. Долгое время эта операция лишала актеров дара речи, но не избавляла от подвижности. Последние достижения чужеземной хирургии вернули им речь. Некоторые чужеземцы хотят даже восстановить им объем, но другие чужеземцы спрашивают: а зачем тогда сплющивали?

Сплющенным таким образом женским персонажам воздаются небывалые почести. Прико-

лотые к стене, они побуждают многих мужчин на них жениться, но всегда на расстоянии. Еще чужеземцы ценят женские образы не сплющенные, но окончательно лишенные подвижности: они называют их куклами. Куклы бывают трех видов: огромные (или чуть больше среднего), в натуральную величину и маленькие. Последние предназначены для детей, предыдущие — для взрослых, предпредыдущие — для общественности. Есть даже сверхгигантские. Последние встречаются крайне редко. Чужеземцы могут привести лишь два примера. Одна кукла стоит на маленьком острове и держит в руке факел; другая является строением из стальных решеток на четырех раздвинутых лапах, она очень высокая, вытянутая и снабжена усиками. Огромные (или выше среднего) куклы встречаются на перекрестках и в парках. Если они обнажены, то их лобок выбрит. Если они одеты, то их одежда сделана из бронзы или мрамора. Некоторые вооружены и сидят на лошадях. А иногда даже позолочены. Старые куклы хранятся в старых домах. Иногда, чтобы внести таких кукол вовнутрь, им обламывают руки: чужеземцы называют их милоскими. Кукол в натуральную величину делают из воска и ставят, почти всегда одетых, за стекло. Когда

на них очень мало одежды, им, как милоским, обламывают руки и даже ноги. Отдельные ноги выставляют тоже, но покрывают их жидкими выделениями шелкопрядной гусеницы. Маленьких кукол вручают детям женского рода, чтобы обучить их материнству. Когда маленьких кукол осмеливаются забирать к себе дети мужского рода, цензоры осуждают их как соучастников заточения. Но я никогда не кричала. Никогда. Никогда. Я — дева. Я никогда не кричала. Никогда.

VII. День святого Жди-не-Жди

Струячило так, что раскалывались камни.

Поль вошел и поставил в углу лавки водообтекаемый предмет, пользование которым (занесенное из Чужеземья) радостные торговцы уже начали навязывать родимогородцам. Поль распорядился закрыть все залы кинематографической проекции, а также запретить пользоваться барометрами, хотя сам порой обольщался туристическими привычками, не рискуя все же облачаться в ватерпруф[137], одеяние, считающееся очень ихцентричным.

Поль посмотрел на скульптуру и набровил хмури. Пьер продолжал мордовать мрамор регулярными и регулярно неловкими ударами. В данный момент он работал над частью руки, пытаясь придать ей нужную форму. Наконец надумал поприветствовать брата и, так как шел дождь (лило вдоволь и поперек), сказал ему (брату):

— Скверная погода, гм.

---

[137] Примечания: 137

Транслитерация с *англ.* waterproof (непромокаемая накидка, дождевик).

Хотя уэза[138] была таковой именно из-за него. Иногда Пьер говорил:

— Гадкая погода, гм.

Или так:

— Сегодня плохая погода.

За все то время, что лило, не переставая, можно было бы придумать что-нибудь другое, но эти формулировки казались достаточными и Пьеру, и прочему населению, которое каждое утро констатировало пористое состояние небес с одинаково добросовестным возбуждением.

По этой же причине Поль ответил:

— Да, дождь.

Он выражался просто.

Но это вовсе не значило, что работа братца (бывшего мэра) его удовлетворяла; ответив, он придал лицу настороженное выражение, которое постановил себе при входе и выполнял всякий раз, когда взирал на создающееся произведение.

— Это рука? — скептически поинтересовался он.

— Это?

— Да, это.

— Это рука.

---

[138] Примечания: 138
Транслитерация с *англ.* weather (погода).

— Волос нету, — сказал Поль.

— На руках у статуй волосы не делаются.

— У отца были волосы. Даже целые заросли.

— В мраморе их не делают, — раздраженно ответил Пьер.

Поль покачал головой.

— А это?

— Нога.

— И что? Тоже без волос?

Пьер отложил киянку, отошел от каменной глыбы и сел.

— Послушай, Поль, — начал он. — Я тебе скажу одну умную вещь. Кто из нас плазмафил[139]: ты или я? Кто скульптор? Ты? Или я?

— Ни ты и ни я, — ответил Поль. — Я — мэр, а ты — мраморщик.

— Я-то мэром уже был, а ты никогда не был мраморщиком.

Он снова взялся за киянку.

— Какой труд! Какая одержимость!

— Здравствуйте, Эвелина, — сказал Поль. — Вам не кажется, что ему следует приделать волосы на руках? И особенно на ногах. У старика их было немало; ну, в общем, вы меня поняли.

---

[139] Примечания: 139

Вероятно, неологизм plasmateur образован слиянием *гр.* plasma (изготовленная вещь) и *фр.* amateur (любитель).

— Идите-ка вы со своими советами куда-нибудь, — предложила Эвелина.

— Как он меня достал, — сказал Пьер.

— Оставьте его в покое.

Она села и стала натягивать сапоги.

— Схожу куплю печенье, — сказала она Пьеру.

Поль смотрел, как она натягивает сапоги. У нее были довольно красивые ноги.

— У вас нет дождяреза? — спросил Поль.

— Слишком дорого стоит, к тому же чистый снобизм. Все эти чужие штуки не для нас.

Вот как она ему ответила. У ее родителей никогда не было этих укрывалок. Так зачем они ей? Правда, в их времена, благодаря тучегону, дождь никогда не шел. Теперь совсем другое дело. Мокрые стены, постоянно полные ручьи, беспрестанно затопленные поля, обесцвеченные дома, бывшие когда-то полихромными, и вся эта растительность — от лишайника до кедра, от боровика до винограда, от дуба до розового куста, — которая имеет тенденцию причудливо произрастать везде и повсюду.

Сбегать в ближайшую продуктовую лавку означало обречь себя на полное вымогательство.

Конечно, существовали дождярезы; грамматики Родимого Города даже постановили не

употреблять первую часть слова во множественном числе (дожди-рез), поскольку, с момента отмены тучегона и распада большого валуна шел один и тот же непрерывный дождь. Но сие далекостранное изобретение, которое радостные торговцы начали импортировать из чужих земель, казалось большинству жителей лишь нежелательной ихцентричностью, позволительной в крайнем случае только мэру. Что касается ватерпруфа, то облачиться в него рискнула бы осмелиться лишь мэрская жена, но ведь она была нездешней.

У Эвелины не было ни дождяреза, ни резиновой ватерпруфки.

— Если хотите, я могу одолжить вам свой, — предложил Поль.

— Чтобы сорванцы забросали меня камнями? Нет уж, спасибо.

До чего она мила в этих сапогах.

Она открыла дверь и вот, под ливнем проливным, побежала за десертом.

Пьер снова взялся за работу.

— Я, — сказал Поль, — понимаю, что изобразительные искусства — дело трудное. Однако ничего не попишешь, ты обязан омонументить отца. Муниципальные решения могут показаться

суровыми, но через это надо пройти.

— Знаю, знаю, — пробурчал Пьер.

И добавил:

— И все же рука получилась неплохо, форма передана точно. Внутри чувствуется мускул. Это явно не нога и не кишка.

— Я не оспариваю. Но все же немного волос, скажем, не помешало б.

— Не могу, — вздохнул мраморщик.

Поль пожал плечами. Молча подобрал свое погодное приспособление, раскрыл его и вышел навстречу дождю. Эвелина ждала его в нескольких шагах от дома под выступом над законопаченной дверью. Поль пристроился рядом, закрыл свою штуковину и улыбнулся, испытав удовлетворение от успешной манипуляции механизмом.

— Не скоро он его закончит, свой валун, к тому же это совсем не то, что хотят жители, они будут протестовать. Знатные лица взвоют.

— Вы не можете для него что-нибудь сделать? Ведь это все-таки ваш брат.

— Я бы замолвил за него словечко, и даже не одно. Вот только убедить остальных будет наверняка нелегко; если бы еще на руках и ногах были волосы…

— Естественно. Но неужели невозможно им объяснить, что в каменном образе индивидуума растительность абсолютно неуместна?

— Тогда придется разводить целую теорию.

— Так постарайтесь, Поль. Ради брата.

Поль не ответил. Дождь замутузил еще круче, чем обычно. От шквального полива затрещала мостовая.

— Вы не находите, что у меня красивые сапоги? — спросила Эвелина.

В канаве проплыли две кошки.

— Несчастные животные, — сказал Поль. — Трудная у них жизнь, но, кто знает, может, скоро у них между когтей вырастут перепонки.

— А мои сапоги? — спросила Эвелина.

— Кто вам их устроил?

— Зострил. Красивые?

— Зострил продает и ватерпруфы.

— Это эхцентрично.

Мимо прошел кутающийся в холстину Штобсдел.

Он сделал вид, что не заметил мэра. С его усов обильно затекало в уголки губ.

— Я вас компрометирую, — сказала Эвелина.

— Действительно, красивые сапоги, — сказал Поль.

— Постарайтесь убедить знатных лиц, — попросила Эвелина.

Она побежала за своим печеньем. Поль снова привел в действие механизм раскрывалки и вышел из-под укрытия. Догнал Штобсдела.

— Скверная погода, гм? — спросил городской страж.

Иногда он говорил:

— Гадкая погода, гм.

Или так:

— Сегодня плохая погода.

На этот раз он решил (по каким-то своим, невыразимым и необъяснимым причинам) подчеркнуть:

— Скверная погода, гм.

После чего добавил:

— Господин мэр.

Поскольку был при исполнении.

— Может быть, с новолунием распогодится, — добавил он. — Тут достаточно проглянуть крохотному солнечному лучику, чуток бы подсушило, и мы хотя бы недельку передохнули. Черт возьми, это нам бы не помешало. Повсюду вылезли растения.

— Говорят, рядом с Никодемом и Никомедом вырос метровый куст.

— Таки да. Прет со всех сторон. Скоро все наши холмы зарастут лесами. Не говоря уже о хмуре мха на камнях, лишаях лишайника на холмах, плешинах плесени на плетнях и грибах в полевых угробах. А трава, что лезет повсюду, жесткая и зеленая, какой здесь никогда не было: просто катастрофа.

— Ужас, — сказал Поль.

Он посмотрел на башмаки горстража.

— Ну что, теперь у тебя ноги не мокрые?

— Нет, господин мэр. А все благодаря основопролагающему целлофану внутри. Предосторожность бережет от непогоды.

— Зато от этого целлофана у тебя, Штобсдел, наверняка ноги преют.

— Это ушточно, это ушточно, господин мэр. Но поскольку с кончиной матери, будучи бобылем, все это имеет значение сугубо приватное.

— Старый ты мерзавец, — сказал Поль. — Я вот все думаю: и что на меня нашло, когда я восстановил тебя в должности. Пьер правильно сделал, что вычистил тебе рыло.

— Вы слишком добры, господин мэр.

— Я насквозь тебя вижу, шпионская морда.

И Поль, топнув ногой по луже, обрызгал штаны Штобсдела до коленища. И на этом его покинул.

Мэрия очутилась перед ним. Он вошел, потому что был мэр и хотел показать, что мэр он. Предстояло подписывать указы, но они все оказались размокшими, липкими, и перу не удавалось прочертить поверху мэрский гриф.

В силу чего мэр подписал в тот день очень мало указов.

Зато воды было вдоволь.

Манюэль завивал себе усы раскаленными щипцами. Роберт намазывал шевелюру брильянтином.

— Здорово все-таки, — сказал Манюэль. — Вода все течет и течет. Скверная погода.

— Это называется дождь, — сказал Роберт.

Он посыпал опилками лужицу отцовской мочи. С тех пор как отец выиграл главный триумфальный приз Весенника (еще при хорошей погоде), его умственные способности неимоверно ослабли. Выложившись в победном усилии, теперь он уже не мог сдерживать мочевой пузырь.

— Лучше посыпать пеплом, — сказал Манюэль, — не так быстро намокает.

Его усы поднимались дугообразными скобка-

ми. От каллипилярной[140] операции шел легкий запашок.

— И как только небо может вмещать в себя столько воды? — удивился Роберт, уткнувшись носом в стекло, чтобы не чувствовать братской гари.

— Все уже, все, — сказал Манюэль. — Я хочу подарить Лаодикее раскрывалку.

— Безумные траты. И вы оба будете выглядеть такими эхстравагантными. Я представляю вас под этой штукой, ха-ха-ха. Дядя разорется, когда узнает, что его дочь стала эхсцентричкой.

— Предоставь это мне.

— Ведь они такие уважаемые люди.

Манюэль потряс усами.

И повторил:

— Предоставь это мне.

В комнату, тюкаясь исстараны фсторону, ввалился отец.

— Так што, будет или нет, — спросил он, — будет праздноваться Жди-не-Жди в этом году?

— А кого это херачит? — отозвался младший.

— Я хочу снова выиграть Весенник, — выдал Бонжан.

---

[140] Примечания: 140

Неологизм образован слиянием *гр.* κάλλι (красивый) и *лат.* capiili (волосы).

— Да брось ты его, — сказал младшему старший.

Отчего заброшенный Бонжан свалился. Дополз до угла, где продолжал что-то злбнбрмтать.

— Поганцы, — зудил бывший триумфатор. — Маленькие поганцы.

Кое-что он все-таки еще понимал.

— Как же беж Жди-не-Жди! Эташнадо! Беж Жди-не-Жди! — ворчал он.

— «Эташнадо», — передразнил старший, — ты только представь себе: Весенник в этом году! Вот умора!

— Если бы он был или если он будет? — спросил Роберт.

— Будет! — заорал Бонжан. — Жди-не-Жди будет! И Весенник будет! И приз будет! И приз выиграет Бонжан! Черт побери, забери и разбери!

— Заколебал, — сказал Манюэль.

— Я выйду с тобой, — сказал младший.

Они оставили Бонжана наедине с его бурчанием, а там, за дверьми шел дождь.

— Круто хлещет, — сказал Роберт, которого, несмотря на продолжительность, это по-прежнему удивляло.

— Отсюда до торговца раскрывалками я успею промокнуть насквозь. А Ты куда?

— Пойду с тобой. Хочу посмотреть.

Они пробежали несколько кварталов и остановились перед дверью, что, открывшись, зазвенела колокольчиком. Справа стояли два розовых манекена, зад и перед которых были обтянуты поясом из нерастяжимого и непромокаемого тюля. Манекены слегка выгибались, опираясь на антизаливалки. Всеми этими штуками торговал импортер Мандас, продавшийся чужеземцам. Посреди лавки, на черной бархатной подушке возлежал бюстгальтер, проткнутый зонтиком[141]: оружие, ставшее чуть ли не торговым фирменным знаком. Коммерсант бросился обслуживать.

— Пояс? Отражалку? Корсет? Укрывалку? Комбинацию? Ватерпруф? Корсаж?

— Отражалку.

— Для тебя? Для барышни?

— Для барышни.

— Вот. С тебя столько-то.

Манюэль заплатил. Попросил завернуть в прорезиненную ткань, которая не пропускала воду.

— До вечера, — сказал ему Роберт.

Прежде чем вернуться домой, он собирался

---

[141] Примечания: 141

Отсылка к Лотреамону: «…соседство… швейной машинки с зонтиком» в «Песнях Мальдорора» (Песнь IV (3), пер. Н. Мавлевич).

зайти в муниципальную сушилку.

Манюэль отправился к Лаодикее, которая жила где-то подалеку. Добрался.

— От тебя пахнет мокрой псиной, — сказала она, разводя огонь.

Он снял куртку и штаны, снизу которых стекало, а сверху — еле заметно выпаривало. Отжал носки в раковине. Затем сел на корточки у камина.

— Я принес тебе подарок, — сказал он девушке. — Смотри.

Он снял прорезиненную ткань и показал парасольку.

— Как тебе? — спросил он.

Она взяла предмет дрожащими руками.

— Здорово! — сказала девушка.

— Самое что ни на есть модное, — сказал Манюэль.

— Ой! — воскликнула она. — А если испробовать прямо сейчас?

— А твой дядя ничего не скажет?

— Эх! — воскликнула она. — Наверняка пойдут сплетни. Но твой подарок такой красивый!

— Так что, испробуем прямо сейчас?

Он напялил штаны и куртку, все еще комковатые и недовыпаренные, и натянул башмаки,

промокнув их носками. Лаодикея надела на голову целлофановый капюшон, и они спустились по лестнице. Открыв дверь, отметили, что погода скорее осадочная.

— Дождь, — сказала Лаодикея.

— Поливает мощно, — подтвердил кавалер.

Девушка тщетно попыталась развернуть приспособление. Никакого раскрытия.

— Что надо сделать? — спросила она, очаровательно краснея.

Манюэль привел в действие застежку и высвободил китовые усищи, которые выгнулись и натянули защитно-черную ткань.

— Чудо! — воскликнуло прекрасное дитя и, трепеща от эмоций, взяла прибор из рук дарителя.

Она установила его (дар) в вертикальное положение и, взяв под руку склонившегося к ней Манюэля, сделала свои первые шаги под зонтом. Вода барабанила по ткани, тщетно подсекала и стекала ручьями на влажную мостовую.

Лаодикея и Манюэль молча шагали в эхстазе.

Лаодикея наконец прошептала: чудо, после чего нежно прикоснулась губами к правой щеке кавалера.

Так, неофициально, они помолвились.

— Ну и погода! — вздохнул Спиракуль. — Похо-

же, опять льет.

— Похоже, что так, — ответил Квостоган.

Оба только что и одновременно вышли на свои пороги и, выдав замечания общего порядка, принялись обмениваться впечатлениями.

Для начала, оперируя простыми терминами, Спиракуль отметил, что солнце и вода суть явления метеорологические характера противоречивого; на что Квостоган ответил, что, даже изъяв все барометры, мэр вряд ли сможет заставить всех поверить в хорошую погоду. Из всего вышеизложенного был сделан следующий, при обоюдном согласии сторон запятая вывод двоеточие за несчастья города ответственны Набониды.

Развеяв речами мокротный сумрак в голове, они высморкались и подумали «у меня насморк» каждый и глубоко про себя.

— Похоже, у тебя насморк, — сказал Спиракулю Квостоган.

— А не пропустить ли нам по рюмочке ядренки? — сказал Квостогану Спиракуль.

Они вышли из-под защитного карниза, попали под дождь и зашагали в сторону таверны Ипполита.

— Надеюсь, у тебя нет укрывалки? — спросил у

Спиракуля Квостоган.

— А вдруг она есть у мэра? — спросил у Квостогана Спиракуль.

Так они и переговаривались, но ни тот ни другой не проверяли воочию.

— Если когда-нибудь, — сказал Квостоган, — я встречу его с этой штукой, то тут же ее вырву у него из рук и раздолбаю о его же башку.

— Не посмеешь, — сказал Спиракуль.

— Разве у наших отцов были отражалки? Ведь нет?

— Надо сказать, что тогда погода была хорошая.

На что Квостоган пожал плечами, отчего по его спине полились целые реки.

— У твоего отца она была?

— Нет, — признал Спиракуль.

— Вот видишь. Хорошая погода здесь ни при чем.

Пользуясь паузой, расчерченной водяными струями, Спиракуль постигал аргументацию.

— Следует признать, — проговорил Квостоган, — эта импортная фиговина — довольно хитроумное приспособление.

— Туристическая штучка, — сказал Спиракуль.

— Нельзя не согласиться, в ней что-то есть.

Особенно ручка, очень изобретательно.

— Говорят, только ради изготовления этих странных приборов убивают огромных китов.

— То, что она складывается, я мог бы додуматься и сам, но вот ручка, это настоящее изобретение.

— Здесь возразить нечего, — сказал Спиракуль. — Но с подобными идеями неизвестно к чему мы придем.

— Разумеется. А дождь все равно идет.

— И все из-за Набонидов.

— Мерзавцы. Мерзкое отродье.

— А туристы?

— Гады!

Они подошли к таверне Ипполита, и вышло так, что, следуя намеченной цели, они туда вошли.

Спустились по ступенькам меж ручьев, что текли в зал таверны, где уровень воды оставался неизменным (чуть выше щиколотки взрослого мужчины среднего роста) благодаря насосу, который два поваренка, Альберих и Бенедикт, качали целый день по очереди, двенадцать часов каждый.

В воде плавало несколько рыб: карпы для приготовления, красноперки для украшения. Фильтр не позволял им просочиться вместе с выкачиваемой жидкостью.

Два клиента побрели к свободному столику. Впрочем, свободными были все столики. На одном из них, развалившись, дремал Ипполит. Забравшийся на табурет Альберих обеспечивал насосный отлив. Спиракуль и Квостоган залезли на высокие стулья (хозяин водрузил их на подставки), опорожнили сначала сапоги, затем мочевые пузыри и, наконец, окликнули трактирщика.

— Эй, — крикнули они.

Ипполит слез и побрел к клиентам: они хотели выпить по стаканчику фифрыловки того года, когда Ив-Альберт Транат выиграл Главный Приз Весенника. Трактирщик отправился за бутылкой на чердак, куда переехал винный погреб: иначе, не зная об изобретении скафандра, он вряд ли смог там что-то найти. Ипполит начал карабкаться по лестнице, на которой перекладины с каждым днем все более разбухали от липкого мха и лишайника. Возвращаясь, при спуске он поскользнулся и шлепнулся в воду; волна прибила к ногам клиентов запрошенную бутылку фифрыловки. Они ее выловили. Спиракуль откупорил ее с помощью карманного ножа. Стаканы осушив, причмокнули губой субъекты.

— Не портится, — сказал Квостоган трактирщи-

ку, который вылезал из водоема.

— Даже улучшается, — сказал Спиракуль.

Они принялись допивать то, что оставалось в бутылке.

— Вот вам и все разговоры про погреба: на чердаке вино хранится не хуже.

Они согласились с Ипполитом.

— Но от этого хорошая погода не вернется, — заключил Спиракуль.

— А сегодня, — возмутился Ипполит, — видели? Опять вода, одна только вода без конца и краю.

И он стал проливать слезы. Одна за другой они капали в лужу, и каждый раз слышалось кап.

— Если еще и ты начнешь разводить мокроту, — сказал Квостоган, — мы никогда не просохнем. Точнее и не скажешь.

Он засмеялся, разбрызгивая слюну.

— Утрись, браток, — сказал Спиракуль, — утрись.

Ипполит шмыгнул носом.

— Согласитесь, то, что происходит, нельзя назвать погодой.

— И все-таки должно быть какое-то название, — сказал Спиракуль, — раз явление существует.

— Это все Набониды, — сказал Квостоган, — они спутали все обозначения. В итоге теперь один

дождь.

— Все же нельзя сказать, — вступился Ипполит, — что виноват новый мэр. Он делает все возможное, чтобы восстановить тучегон.

— Лицемер, — сказал Квостоган.

— Он — честный, — вступился Ипполит. — Снова сделал Штобсдела городским стражем.

— Плевать мне на это с большой горы. От этого фигачить не перестанет.

— Увы.

Ипполит опять заныл.

— Принеси-ка еще одну бутылочку фифрыловки того года, когда Ив-Альберт Транат выиграл Главный Приз Весенника.

— Ты нас угощаешь, — сказал Спиракуль.

— Охотно. Таких верных клиентов, как вы. И потом, я тоже могу сделать так, что пойдет дождь. Но из вина, ха-ха. Вызвать дождь из вина, ха-ха-ха.

Он опять полез на чердак, опять плюхнулся при спуске и успел подплыть со стаканом в вытянутой руке в тот момент, когда клиенты откупорили бутылку. Чокнулись. Бутылка опорожнилась. За окном продолжался ливень.

— Даже непонятно, как и почему это могло бы закончиться, — сказал трактирщик.

— Все имеет конец, — сказал Квостоган без особого убеждения.

— Так только говорят, — сказал трактирщик. — Для утешения.

Они вздохнули.

Зевнул карп[142]. Дежурный поваренок замечтался, и вода поднялась на несколько сантиметров. Рык Ипполита вернул его к насосу.

Спиракуль, подмигнув Квостогану, обратился к Ипполиту:

— А ты умеешь плавать?

— Кто? Я?

Трактирщик обалдел.

— Во пройдоха! — сказал Квостоган с многозначительным видом. — Скрытничает.

Клиенты веселились вовсю, а трактирщик начал мрачнеть.

— Да объясните же, если хотите, чтобы я посмеялся вместе с вами.

— Не злись.

— Так ты не умеешь плавать?

— Оставьте меня в покое.

— Ха-ха, так, значит, ты не умеешь плавать?

— Чего ржете-то?

---

[142] Примечания: 142

Во фр. языке существует устойчивое выражение «зевать как карп», т. е. во весь рот.

— Да так, ничего, — ответил Спиракуль.

— Говорят, она собирается искупаться, — объявил Квостоган.

— И ты мог бы искупаться вместе с ней, — добавил Спиракуль.

— Говорят, она собирается искупаться публично, — сказал Квостоган.

— Теперь, когда больше нет кино, она устроит нам представление, но только нам одним, родимогородцам; так вот, она собирается искупаться.

— Да, — сказал Квостоган, — в яме, которую копают на Центральной Площади.

— Она будет плавать, — сказал Спиракуль.

Ипполит блаженно разинул рот. Покраснел.

— То, что я сейчас спрошу, не совсем прилично, — сказал он, — даже несколько разнузданно, но, в общем, это ж между нами ж, мужиками ж, говоря.

— Ну, — сказали клиенты.

— Как она собирается плавать? — спросил трактирщик.

— Как это «как»?

— Я имел в виду… гм, то, что я сейчас выскажу, несколько распутно, но это ж между нами ж…

— Рожай скорее, — не выдержал Спиракуль.

— Она будет плавать в одежде?

На этом беседа попала в некий затор. Альберих снова перестал активизировать потоповыкачивающий насос. По лестнице неловко спустился выводок раков. Из воды выпрыгнула форель. Всколыхнулся остролист.

Клиенты замялись.

— Так как? — тихо спросил Ипполит.

— Мы об этом как-то не думали, — прошептали клиенты.

Ипполит не унимался:

— Подобные вещи требуют, чтобы о них подумали; дама собирается плавать у всех на глазах.

Он сглотнул слюну и заорал по поводу повышения уровня воды.

Поваренок оторвался от премудостей Весенника и бросился за работу.

Почесывая органы, Спиракуль заплатил за бутылку фифрыловки. Квостоган утер нос ладонью. После чего, натянув сапоги, оба вышли.

Три раза позвонили, три раза подождали, потом позвонили в четвертый раз.

— Это Лё Бе-уй, — сказал Зострил. — Я открою.

Присутствующие сжали ягодицы, опасаясь, что сейчас войдет городской страж Штобсдел, мэрский доносчик. Трясущийся Зострил отодвинул задвижку; упала защелка, и вошел нотариус. Все

облегченно вздохнули и заговорили о том о сем.

— Дождь идет, — сказал Лё Бестолкуй, вводя остальных в курс дела.

Он отряхнулся и поставил свой зонт в угол.

— Смотри-ка, — сказал Зострил.

— Что?

Зострил указал на приспособление.

— Это? — спросил Лё Бестолкуй.

— Да.

Чтобы поприветствовать вошедшего переведателя (персонажа значительного), присутствующие спираторы[143] встали и теперь продолжали стоять, безмолвно взирая на устройство.

— Так что? — спросил Лё Бестолкуй.

— Зонт, — ответил Зострил.

— И что?

— Зонт, — сказал Зострил, потому что это действительно был зонт.

Похоже, его замечание вызвало раздражение у вошедшего (мужчины сурового). Но он взял себя в руки.

— Здравствуйте, друзья, — обратился он к спи-

---

[143] Примечания: 143

Апокопа, т. е. усечение, в слове conspirateur (заговорщик) начального слога con- *(лат.* пред. «с, вместе» и *фр.* сущ. con (придурок, мудак; *вульг.* женский половой орган). Автор убирает «неприличное» слово и оставляет несуществующее spirateur, которое можно связать с *лат.* spirere (дышать).

раторам. — Это? Да! Зонт. Я конфисковал его у своей племянницы. Подарок какого-то шалопая.

— Куплено у Мандаса? — спросил Капустнер.

— Наверняка.

— Все же довольно практичная штука, — сказал Лё Бестолкуй.

Присутствующие были слегка поражены, но спорить не стали бикоз оф[144] почтения к этому сэру. Все сели.

— Да, — продолжил Лё Бестолкуй, — практичная, приходится с этим согласиться. Разумеется, я не одобряю подобную экипировку применительно к девушкам, но, полагаю, что ее можно простить зрелому мужчине. Смотрите: я почти не вымок! Только штаны внизу.

Он встал, чтобы продемонстрировать. И действительно, штаны внизу были мокрые.

— Ну и конечно, туфли, — добавил он.

И сел.

— Похоже, он у вас поменьше, чем у мэра, — заметил расстроенный Зострил.

Он не любил всю эту импортасину, благодаря

---

[144] Примечания: 144
Транслитерация с *англ.* because off (из-за).

которой его курент[145] Мандас явно жировал.

— Дамам, — объяснил Лё Бестолкуй, — полагается модель меньшего размера.

— Поговорим о чем-нибудь другом, — недовольно пробурчал Сенперт.

— Нам предстоит обсудить определенное количество вопросов, — объявил Капустнёр, не имевший о предстоящем обсуждении ни малейшего представления.

— За работу, — сказал Роскийи.

— За работу, — сказал Мазьё.

— За работу, — сказал Мачут.

С зонта переведателя текло как из душа. Взбадривая себя репликами, заседающие пытались воодушевиться.

— Рассмотрим вопросы по порядку, — громогласно начал Зострил.

Все замолчали и послушали, как еще сильнее забарабанило в ставни.

— Не похоже, что это скоро прекратится, — сказал кто-то.

Все согласились.

Снаружи продолжало лить.

— Рассмотрим вопросы по порядку, — сповто-

---

[145] Примечания: 145

Еще один случай усечения начального слога con-. Здесь Кено оставляет несуществующее слово current [ср. *лат.* currerej (бежать).

рядничал Зострил.

— Ах да! — вспомнил Лё Бестолкуй. — Еще одна маленькая деталь перед тем, как начать. Не могу не отметить, что я прибыл последним. Следовательно, я опоздал и прошу меня простить.

— Ничего, — сказал Зострил, — ничего.

Все подумали: ну и зануда! но бикоз офф почтения заткнулись.

— Приступим, — сказал Мачут.

— Думаю, — приступил Зострил, — никто из присутствующих не будет оспаривать: поступила новая информация.

— Неужели это правда? — спросил Роскийи.

— Сначала следует все проверить, — сказал Сенперт.

— Об этом говорит весь город, — сказал Мазьё.

— Это еще ни о чем не говорит, — сказал Роскийи.

— Я — не в курсе, — сказал Мачут.

— Не делай вид, будто не знаешь, — сказал Сенперт.

— Вы знаете не хуже нас, — сказал Зострил.

— Невозможно обсуждать намеками, — сказал Мачут.

— Я тоже так думаю, — сказал Роскийи.

— Мы в тесном мужском кругу, — сказал Сен-

перт.

— И мы знаем, о чем идет речь, — сказал Зострил.

— Я — нет, — сказал Мачут.

— Мы когда-нибудь прекратим лицемерить или нет?

— Это вы меня имеете в виду? — спросил Мачут.

— Не надо нервничать, — сказал Сенперт.

— Все же следует знать, чего придерживаться, — сказал Роскийи.

— Об этом говорит весь город, — сказал Мазьё.

— Неужели это правда? — сказал Роскийи.

— Что? — спросил Мачут.

— То, что говорит колбасник, — сказал Мазьё.

— Давайте поскорее кончим, — сказал Зострил.

— Или скорее начнем, — сказал Сенперт.

— Что? — спросил Мачут.

— Обсуждение самого животрепещущего, — сказал Мазьё.

— Только без скабрезностей, — сказал Роскийи.

— Без чего? — сказал Мазьё.

— Мы теряем время, — сказал Зострил.

Лё Бестолкуй трижды постучал ладонью сухо как документально бумажно папирусно при

актах в пергаменте на смерть при наследстве с глубокими морщинами словно время тайных кодов для обогащения ради агоний с пиявками и большой денежкой в сейфе закрытом на ключ и спрятанном в чулке что штопан лавандой и меж скукоженных пальцев на ногах у мумий мумий мумий.

— Мы, — сказал он, — так никогда ни до чего не договоримся, если я не вмешаюсь.

— С зонтом, — сказал Зострил.

— Что?

— Да: если вы не вмешаетесь с зонтом.

— Речь не о зонте, — сказал Роскийи.

— А о чем? — спросил Мачут. — Я — не в курсе.

— Нет, мы никогда не кончим, — сказал Зострил.

— Или скорее, мы никогда не начнем.

— Что именно?

— Обсуждать самое животрепещущее.

— Только без скабрезностей, — сказал Роскийи.

Три раза позвонили, три раза подождали, потом позвонили в четвертый раз.

— Это моя дочь, — сказал Лё Бе-уй.

Заседавшие почесали промежности и из вежливости встали. Зострил отодвинул задвижку;

упала защелка, и вошла Эвелина.

Она отряхнулась и, прислонившись, чтобы сохранить равновесие, к стене, сняла сапоги. У нее были довольно красивые ноги. Ее чулки почернели от воды.

— Дождь идет, — сказала она, чтобы обрисовать спираторам метеорологическую обстановку.

— Такая уж погода, — сказал Сенперт.

Он предложил посетительнице стул. Она села, закинула ногу на ногу и принялась согревать ступни ладонями.

Все смотрели.

— Итак, — сказал Лё Бе-уй. — Насколько правдиво то, что рассказывают?

— А что рассказывают? — спросил Мачут.

— Опять вы за свое, — сказал Сенперт.

— Сударыня, у вас есть уточнения? — спросил Роскийи.

Эвелина перестала согревать ступни, сняла ногу с ноги и опустила глаза перед мужским обществом.

— Хотите, я разведу огонь? — спросил Зострил.

— Я мало что знаю, — сказала Эвелина. — Нет, спасибо.

— Хотя бы то, что знаешь, — сказал Лё Бестолкуй.

— Смотри-ка, зонт Лаодикеи.

— Давайте не будем возвращаться к этому вопросу, — предложил Сенперт.

— Она здесь?

— Я тебе потом все объясню. Расскажи нам о том, из-за чего мы здесь собрались.

— Из-за чего? — спросил Мачут.

— Не надо нервничать, — сказал Сенперт.

— Мы тоже так думаем, — сказал Зострил.

— Ну? — сказал Лё Бестолкуй.

Эвелина посмотрела на них.

— Из-за Алисы? — спросила она.

Они покраснели.

— А-а, — протянул Мачут. — Алиса Фэй. Теперь понятно.

— Об этом говорит весь город, — сказал Мазьё.

— Из-за предстоящего Жди-не-Жди?

— Вот именно, — сказал Зострил.

— Из-за ее купания?

Все еще гуще покраснели за исключением Сенперта, который побелел, Лё Бестолкуя, который позеленел, и Роскийи, который порозовел.

— Да-да, — вырвалось из пересохших уст Сенперта.

Эвелине они показались смешными, но она не понимала, при чем здесь зонтик Лаодикеи, и

смеяться не стала.

— Так вы хотите знать программу будущего Жди-не-Жди? В праздничный полдень, вместо боя посуды, госпожа Набонид откроет инаугурацию Водяной Ямы, которую сейчас копают на Центральной Площади. Она в ней будет плавать.

— Она будет плавать? — спросил Мачут.

— Она будет плавать.

— Плавать? — спросил Мачут.

— Да, — сказал Сенперт. — Машешь руками и ногами в воде, не тонешь и двигаешься вперед.

— Стоя или лежа? — спросил Мачут.

— Лежа.

— Значит, она будет делать это лежа, — сказал Мачут.

— Ну да.

— Это непристойно, — сказал Мачут.

На том и порешили.

Шел дождь, когда они добрались до ворот Города, низведенных, впрочем, до одного лишь общеупотребительного названия, то есть простой таблички, и разрушенных с незапамятных времен. Путники находились в той части Родимого Города, что удлинялась и истончалась вдоль Окружной Дороги. Через открытое — несмотря на проливной дождь, искоса западавший

внутрь, — окно и сквозь водяную завесу доходил сбивающий с пути запах, тусклый и пресный, более растительный, совсем не тот, что раньше, но он все равно понравился путнику, который сказал сопровождавшему его лицу: «Чувствуешь?» и сопровождавшее лицо ответило: «Да».

— Это у мамаши Сахул варится бруштукай, — сказал путник.

Сопровождавшему лицу запах был незнаком.

— Да, — сказало оно.

— Пойдем поздороваемся с ней.

— Да.

Они толкнули дверь, вошли, увлекая за и под собой ручьи и лужи.

— Мы вас не побеспокоили, мамаша? — спросил путник.

— Чем могу услужить? — спросила домохозяйка.

— Ваш бруштукай пахнет отменно, — сказал путник.

— В этом году хорошего бруштукая ужо не ждите, — сказала мамаша Сахул. — Слишком много овощей и трав из-за этой воды. Растет их немерено со всех сторон: щавель — огроменный, шпинат — гигантский, кресс-салат — чудовищный: плохи дела. Не будет ужо хорошего бруштукая, что

бывал в прежние времена, ежели приходится пихать туда всю эту зелень.

Она повернулась в сторону Знойных Холмов:

— Гляньте, вон они, наши Горы, совсем ужо зеленые с этого дождя, что никак не кончается. Деревья растут чуть ли не на глазах, просто не верится! Даже не знаешь, как они называются. А сколько разновидностей! Пуще того, не успеешь глазом моргнуть, как вылезает еще один лист, которого раньше не видать было.

— Страна изменилась, — сказал путник.

— Вы, стало быть, знавали ее раньше?

— Да, — сказало сопровождавшее путника лицо.

— Вы, стало быть, не турист?

— Нет, — сказал путник.

— Откуда ж вы идете?

— От чужеземцев, — сказал путник.

— Да, — сказало сопровождавшее лицо.

— И вы уже бывали в нашем Родимом Городе?

— Он мне такой же, как и вам.

— Родимый?

— Конечно.

— Не может быть! Гспадин Жан! — воскликнула мамаша Сахул.

— Он самый, — сказал Жан, чтобы уступить

чужеземному самосознанию и сбить себя немного с толку.

— Гспадин Жан! — снова воскликнула мамаша Сахул. — Вы уж позволите?

И они расцеловались: чмок-чмок. И слеза вытекла из левого и правого глаза мамаши Сахул, но очи Жана оставались сухи.

— Радость-то какая вновь свидеться, — сказала хозяйка. — Особенно после всех этих изменений.

— Похоже, теперь все время идет дождь, — заметил Жан.

— И не говорите. Вода, одна вода, с утра и до вечера, опять и снова, и тэдэ и тэпэ.

— Так можно и отсыреть.

— Вот именно, — подхватила мамаша Сахул. — Удачнее и не скажешь. Ах, гспадин Жан, вы не изменились; у вас по-прежнему всегда найдется словечко про запас.

— Благодарю вас, — сказал Жан.

— Да чего уж тут. Я ничуть не преувеличиваю.

— А Сахул? — спросил Жан.

— В последнее время он меня пугает. Запил.

— Бедняга Сахул, — сказал Жан.

— Пьет беспрестанно. Одну воду, и в огромных количествах! Задыхается. Печень потихоньку разлагается, вот уж горе-то какое, с его-то заслугами.

В любую минуту дня и ночи берет здоровенный ушат воды и выхлебывает его за раз. Ах, как он опустился. А ответственный за это, гспадин Жан, все ж ваш брат, тот, что изничтожил тучегон. Во времена вашего отца, выушпрастите, гспадин Жан, всегда стояла хорошая погода, и мой супруг был сух, как тогдашние холмы. А сейчас? Так у него в заднице скоро вырастут грибы, а в носу — мох, точь-в-точь как в наших горах, что стали, по моему разумению, слишком овощнистыми. Ах, камни, камни!

Она принялась помешивать свой бруштукай.

— И действительно, — заметил Жан, — раньше был запах порезче.

— Еще бы! — сказал мамаша Сахул. — Ну что прикажете делать со всеми этими репами, морковками, свеклами и земляными грушами, которые на нас падают чуть ли не с неба?! А воды столько, что наше большое фамильное блюдо отмывается само собой: теперь никак не сохранишь исконный запах.

— Что касается меня, — сказал Жан, — если бы вы меня угостили, я бы все равно полакомился, несмотря ни на что.

— Гспадин Жан! Ну, конечно же! И вашего спутника тоже!

Она повернулась к спутнику, чтобы услышать слова благодарности, но тот промолчал. Она рассмотрела его. На нем была куртка, шорты и сандалии, как на туристе. Его мокрые волосы ниспадали справа и слева, иногда кудрями. Он смотрел в себя самого, в глубокую нутрь головы.

— Мой спутник, — сказал, улыбаясь, Жан, — никогда не ел бруштукая. Уверен, что ему понравится.

Вышеназванный спутник, вежливо склонил голову, затем встал, подошел к Жану и что-то прошептал ему на ухо. Жан кивнул, вышеназванный спутник пересек комнату и вышел во двор.

Заинтересованная мамаша Сахул переместилась поближе к зацветающему растительностью окну; выглянув, воскликнула:

— Да ведь это ж барышня!

— Это моя сестра, — сказал Жан. — Элен.

— Вона чего, — протянула мамаша Сахул.

И села, ошарашенная.

— Да, это Элен.

— Ну и дура же я, как же сразу не догадалась. Но, гспадин Жан, вы ведь не посмеете водить ее в таком виде по городу, в одежде для туристов и с голыми ногами?

— Я думал, времена изменились.

— Что вы хотите этим сказать, гспадин Жан?

— Я вернулся, чтобы посмотреть Жди-не-Жди, — сказал Жан. — Водный Жди-не-Жди.

Мамаша Сахул не ответила. Она посмотрела в другое окно и сказала:

— Дождь идет.

Элен вошла и снова села.

— Здравствуйте, барышня, — сказала мамаша Сахул. — Я не знала.

Элен улыбнулась. Мамаша Сахул изучала шорты, ноги, куртку, лицо, волосы. Все было очень мокрым.

— Теперь еще и из-за этого начнутся неприятности, — прошептала она.

— Расскажите лучше о моей невестке, — попросил Жан.

— О какой? О той, которую вы не знаете?

— Ну конечно, не об Эвелине же. Расскажите мне об Алисе Фэй.

— Много чего рассказывают.

— Дождь, — заметил Жан.

Мамаша Сахул вздохнула.

— По ее прихоти на Центральной Площади копают глубоченную яму. В ней собирается вода.

— Я же вам сказал, что приехал ради водного Жди-не-Жди.

— Все мужчины только об этом и говорят.

— Посмотрим, — сказал Жан. — Спасибо за бруштукай, но мы должны идти.

Он повернулся к сестре и сказал:

— Пойдем.

Элен встала. Большим и указательным пальцем правой руки она одернула шорты, прилипшие к ягодицам, затем, слегка согнув ноги, спросила:

— Да?

Тогда он произнес несколько фраз как-то очень необычно; некоторые звуки появлялись после определенного количества слогов, не все говорилось одним и тем же тоном, и манера сочетать слова была совершенно непривычной. Когда он замолчал, пол на кухне высох, и запахло правильным бруштукаем[146].

Они ушли. Мамашсахул зад ум чего глядь ела, как они ухадили.

Когда она снова принялась перемешивать варево, вода опять начала просачиваться на кухню. Запах блюда вновь стал пресным.

Грудь у Жермены была отвислой, животное пузо — бессильным и бесплодным. Темные во-

---

[146] Примечания: 146

В начальной версии романа Жан возвращался в Родимый Город под именем Симона (ср. Симон Волхв), что и объясняет совершенные им чудеса: правильный вкус бруштукая, осушение кухни.

лосья, свисающие от головы до зада, ниспадали прямо. Она приходилась матерью трем сыновьям Набонидам, супругой — мужу Набониду, невесткой — бабушке трех сыновей Набонидов, сестрой — своим братьям, племянницей — своим дядьям, тетей — своим племянникам, кузиной — своим кузенам, она была жалкой вылинявшей подстилкой былых мэрских продвигов, еванутой наставницей будущих сопляков не совсем как у других более менее, соучастницей эленического заточения, законной — с момента супружеского окаменения — вдовой без смысла, но не без дряхлости, безликой мастерицей, но не в любви, а в домашнем хозяйстве, никчемной, тоскливо-тусклой зрительницей дождя, Жерменой в девичестве Пальто, вдовой Набонида без сыновей по сути, ибо ни Пьер, ни Поль никогда не приходили с ней повидаться, еще реже Жан, который пребывал у чужеземцев, но поскольку в этот момент именно он и проходил по улице перед ее домом, это ее невероятно поразило. Он был не один, а с каким-то туристом в туристической форме. Они шли насквозь мокрые без козырьков и целлофана. Жан почти не постарел. Что касается туриста, то в нем проглядывало что-то семейное. Тупая, глупая, дурная и идиотическая Жермена

все-таки узнала, о! эти лица! на улице под падучей завесой дождя, свою дочь. Расплох, что умерщвляет сердечников, ее немного оживил. Она открыла окно и ставни. Получила прямо в физиономию несколько порывистых и увесистых ушатов воды. Вся ее гостиная, все ее вязанье, все ее кресла, весь ее вяз и весь ее дуб, все ее таганы и вся ее медная посуда, все ее аляповатые безделушки и все ее статуэтки, все ее тарелки и весь ее бархат, вся ее веленевая бумага и все ее разрисованные обои, весь ее нарисованный папа и вся ее нарисованная мама, весь ее нарисованный супруг и все ее нарисованные сыновья оказались забрызганными враз и вдрызг. Согнувшись над подоконником, она прокричала имена. Старческие букли мгновенно взмокли, вода обильно потекла по бороздам в рвины дряхлого лица.

Элен и Жан посмотрели в ее сторону.

— Смотри-ка, теперь она живет здесь, — сказал сын.

— Да, — сказала дочь.

Люди вокруг продолжали идти своей дорогой, так как хотели занять хорошие места, чтобы увидеть купание Алисы, назначенное ровно в полдень. Некоторые предпочли бы бой посуды, как раньше. Но все меняется, почему бы и не

это, к тому же никто толком не знал, что такое плавание, кинематографические воспоминания к тому времени уже стерлись. Все видели, как выкапывалась Водяная Яма на Центральной Площади, как она сама по себе наполнялась водой; теперь все шли смотреть, какое применение уготовила ей Алиса. А еще, полагали некоторые, осуществляя свой заплыв, Алиса будет, возможно, не совсем полностью одетой, и это окажется, естессно, зрелищем, которое они уже когда-то видели на экране, сидя на дне искусственных ночей в кинематографических залах.

Когда они позвонили, Жермена дотащилась до двери и резко ее распахнула, чтобы разом увидеть половину своего потомства, причем мокрую весьма.

— Дети мои, — сказала она.

— Элен, — сказала она.

— Жан, — сказала она.

— Элен, — сказала она.

— Дети мои, — сказала она.

— Ты назвала меня на один раз меньше, чем сестру, — пошутил Жан, — я сейчас уйду.

— Жан! Жан! — сказала мать.

В итоге, они уселись вокруг почти круглого стола в выбоинах и прожилках. Стали пить ядренку

из крохотных рюмок толстого стекла.

Музыкальный ящик затянул свои тонкие и хрупкие мелодии, а бледно-коричневые образы воссоздавали то, что оставалось от той жизни; детские воспоминания медленно перемещались с помощью слов в маленьком влажном пространстве материнской квартиры, едва озвученные, еще меньше означенные, прежде чем упасть и расплющиться о шесть поверхностей шарманки. И тут из соседней комнаты раздалось чье-то вурчанье, бабушка на последнем издрыхании, — на грош костей и горсть забвения, толика изношенной плоти, куцей шерсти, годами распухавшая мракостная рана, — опустошалась, теряя струпществование, и тут раздались первые залпы.

— Чтоб мне провалиться, — сказала мать. — Вот и праздник начинается.

— Да, — сказала Элен.

Она встала, брат тоже. Они побежали. Выскочили из дома. Оказались на улице. Толпа торопилась. Люди спешили. Шлепали по воде. Брызгали. Хлюпхлюп от их бега смешивался с залпами салюта. Люди пробегали под окнами. Своих детей Жермен уже не видела.

В ее комнату натекло немало воды. Она закрыла окно, и дождь принялся грызть стекло в то время,

как пушки своей наглухо дрескучей дефлаграцией[147] призывали население оценить плавание женщины, которую ныне действующий мэр взял себе в жены.

Встревоженная этими звуками бабушка-крот зарылась в одеяла. Жермена прошла в менее мокрую соседнюю комнату.

— Чойтам? — спросила старуха. — Чойтам?

— Ничего, — ответила Жермена.

— Чойтам? — спросила старуха. — Чойтам?

Она заворчала, обидевшись, что ей ничего не сказали.

Жермена помедлила, затем объяснила:

— Праздник.

Услышав эти слова, бабушка умерла. Все были на празднике. Надо было ждать окончания, чтобы предать бабушку грязи.

Жермена села вязать у окна. Улица была пустой, если не считать воды.

Проэсперментировав всего несколько часов, что свидетельствовало о его недюжинных способностях, Пьеру уже удавалось — упорно, умело, ухищренно, короче говоря, искусно — ваять (по

[147] Примечания: 147

Дефлаграция — быстрое сгорание или взрыв при химическом соединении веществ.

совету братца-мэра) мраморные волоски на руках статуи; впоследствии он мог бы их вздрючить также на икрах, ляжках, лобке и груди. Отмечая эту первую в жизни несомненную удачу, улыбка раздвинула губы приговоренного ваятеля. Он отложил молот. Услышал, как идет дождь. Поскреб мох, выросший в углублении камня.

Вошла Эвелина.

Она никогда еще не приносила с собой столько воды.

— Ну, вот и все, — сказал Пьер. — Наконец-то у меня получилась эта шерсть.

— Шлюха, — сказала Эвелина.

— Что такое?

— С Полуденного Праздника все мужчины вернулись в ужасном состоянии.

— Как это?

— Тебе не понять. Некоторые даже делали дамам предложения.

— По поводу чего?

Эвелина не ответила.

— А Поль?

Она улыбнулась и снова промолчала.

— Я пойду наверх. Бруштукай будет готов минут через пятнадцать.

— Я успею сделать еще три волоска.

Он снова принялся за работу. Во время эрекции последнего волоска в комнату вошли два персонажа, легко одетые и пропитанные, как губки. Пьер узнал Жана и угадал Элен. Про себя выругался, так как они помешали ему доскультурить третий волосок, но в конце концов это был его брат и это была его систер[148].

— Ну и ну, — отреагировал он, — самое настоящее приключение. Но здесь вопросительный знак.

Он повернулся к Элен.

— Но, — сказал он, — сестра моя, вы одеты по-мужски. К тому же насквозь мокры.

Она подошла к нему и расцеловала.

Братья обменялись рукопожатием.

— Вот мы и вернулись, — сказал Жан.

— Зачем? — спросил скульптор.

— Да, — ответила Элен. — Я никогда не кричала.

— Садитесь.

Элен и Жан отряхнулись и опустили свои седалища на каменные обломки, предназначенные для отцеваяния, отчего у них похолодело в проз. органах. Но они были закаленными, тур-

---

[148] Примечания: 148
Транслитерация *англ.* sister (сестра).

походными и холмознойными, а посему даже не вздрогнули.

— Итак, — продолжил Пьер. — Зачем вы вернулись в наш Родимый Город вопросительный знак.

Он смотрел на шорты Элен, на ее ноги, что робко упруги, долины изгиб, как в стране, где милосердие неба и щедрость земли в согласии мелкий журчащий ручей защищают.

— Это статуя, вопросительный знак Жана, указующего пальцем на мраморную глыбу с растущей щетиной.

— Ты в курсе, вопросительный знак Пьера.

— Да, — сказала Элен.

— Отчасти, — сказал Жан.

Пьеру нечасто представлялась возможность рассказывать свою историю, поскольку все родимогородцы ее знали, а туристы случались все реже и реже, да и тех к нему не водили. Он открыл рот и заговорил:

— Они прогнали меня из города пинками в зад, потому что я вызвал дождь. Дело в том, что с прошлого года дождь идет, как видишь, не переставая. Я оставался какое-то время за пределами города, плохая погода по-прежнему держалась. Отец растаял, из камня — гниющая падаль. Поль

оказался образцовым братом, он был счастлив со своей супругой, звездой, проявившейся прямо здесь. Благодаря избытку счастья он сумел разжалобить родимогородцев. Я смог вернуться в город при условии, что не выйду из дома, пока не восстановлю каменную форму отца, то бишь его статую; ибо из-за меня, заявляли они, она растаяла. Я, видите ли, им ее установил. Я им ее развалил. А теперь я должен им ее еще и восстановить. Я взялся за дело. Как видите, работа серьезная.

— Да, — сказала Элен.

— Бруштукай подан, — крикнула Эвелина, появившаяся на лестнице.

— Твоя жена? — спросил Жан.

— Смотри-ка, — сказала Эвелина. — Гм! Гм!

— Да, — сказал Пьер. — Действительно забавно. Она вышла за меня замуж. Еще когда я начинал статую.

Эвелина спустилась поздороваться с прибывшими и сразу же задумала когда-нибудь надеть, как Элен, шорты, если уж не получается надеть, как ее кинематографическая невестка, купальник.

Раньше, во времена посудобоя, женщины не участвовали в Полуденном Празднике; Элен при-

няли за юношу, и она смогла, как и Жан, увидеть Алису и присутствовать при раздевании невестки на крыльце мэрии. Когда Алиса обнажилась, сохранив на себе лишь две спортивные детальки[149], все мужчины исторгли единогласное ах. Затем Алиса нырнула, а потом, удерживаясь на водной поверхности, принялась перемещаться в жидкости легко и грациозно. Несмотря на скептицизм отдельных зрителей, массы были вынуждены признать факт: эта женщина плавала. После трех-четырех заплывов Алиса вышла из вод, и малое количество ткани, покрывающее небольшие поверхности ее плоти, словно растаяло. И все мужчины снова исторгли ах. Дождь шел, не переставая. Алиса подобрала свою одежду и зашла в мэрию. И все мужчины снова издали ах, но продолжали стоять.

Потом они стали расходиться. Некоторые пробовали заговаривать с женщинами и девушками, которых они и знать не знали, и речи эти были бессвязны.

Зато в трактирах и тавернах они пили фифрыловку почти молча. Иногда наклонялись, чтобы

---

[149] Примечания: 149

Согласно записи, сделанной в дневнике и датируемой 1940 г., Кено видел фильм И. Каммингса «Голливудская кавалькада», в котором Элис Фэй (первый и последний раз на экране) появляется в купальнике.

посмотреть на воду, в которой мокли их ноги; шевелили конечностями, и их взгляд следовал за движением волны, слабое напоминание об Алисиных изгибах.

— А вас, — спросила у Жана Эвелина, — вас это не смутило?

— Почему это должно было его смутить? — спросил Пьер.

— Да ладно тебе, — сказала Эвелина.

— В Чужеземном Городе, — ответил Жан, — есть и другие женщины.

— Женщина есть женщина, — заявила Эвелина, — а Алиса к тому же — очень красивая и очень привлекательная.

— Что ты такое говоришь? — прошептал Пьер.

— Правда, Жан?

— Да, — ответил Жан. — Она очень красивая.

Элен подняла глаза и также ответила:

— Да.

Эвелина на нее посмотрела.

— Вы останетесь поесть с нами бруштукай, — решил Пьер. — Он уже готов. Если верить тому, что минут пятнадцать назад сказала Эвелина. Мы поговорим обо всем за нашим родимогородским блюдом. Забавно, раньше я не очень его любил, все думал о вещах, которые мне мешали распро-

бовать, а теперь я работаю.

— Ты закончил эти три волоска?

Эвелина рассматривала легкий пушок на ногах Элен.

— Они пришли, когда я заканчивал второй.

— Она умерла, — сказал Поль, войдя и поставив в углу лавки водоистекающий предмет, пользование которым (занесенное из Чужеземья) радостные торговцы уже начали навязывать родимогородцам.

— Вас наверняка ждут в мэрии, — сказала Эвелина.

— Я забежал по пути, — ответил Поль. — Она умерла. Старуха.

Он отряхнулся. Вокруг него, справа и слева, образовались лужи. Он вытер лицо губкой и оглядел собравшихся: увидел второго брата и молодую женщину, которой могла быть только Элен.

— Знаешь, — сказал он Жану, — не очень-то мне и хочется оставаться мэром.

Не успел Лё Бестолкуй промокнуть себе рожу, как в дверь позвонил Роскийи. Затем прибыл Мазьё, потом Мачут, полностью замызганные. Поскольку Зострил и Сенперт обедали у Лё Бестолкуя, их внешность казалась менее подмоченной. Все переглянулись с выразительным выраже-

нием самого отчаянного отчаяния. После чего проделали это еще несколько раз, что избавляло от необходимости высказываться. Наконец Лё Бестолкуй кашлянул и сказал:

— Мы стоим перед фактом.

Остальные, стоя, согласились, пожав плечами, разводя руками, поднимая и опуская брови.

— Что говорит общественность?

Все вновь переглянулись. Почесали голову, ухо, потерли лоб, вытаращили глаза. А что она вообще говорила, эта общественность? Она не говорила ничего, эта общественность. Она была не в состоянии ничего говорить. В зрачке каждого родимогородца отпечатался образ одной и той же женщины, явление новое и лишающее дара речи.

— Где она сейчас? Что она делает? — спросил Зострил.

Остальные задумались над местоимением «она» и, пыхтя и научно тужась, сумели пастепена и пааднаму понять, что речь шла не об общественности, а о ней: Алисе Фэй.

Никто ничего не знал.

А Весенник? Еще один вопрос, стоящий на повестке дня. С ним также была полная неясность.

Все вздохнули.

Неразбериха клинила мозги.

Лё Бестолкуй предложил:

— А не выпить ли нам по стаканчику фифрыловки того года, когда Бонжан получил Главный Триумфальный Приз Весенника?

Все согласились, хотя и думали все-таки, однако и в общем-то, что для фифрыловки этот год был не такой уж и удачный.

Лё Бестолкуй встал и пошел за бутылью. Тем временем остальные молчали и предавались разнообразной деятельности, в основном связанной с ковырянием (носов, ушей, зубов и т. п.). Переведатель вернулся с открытой литровкой фифрыловки. Попробовали. Оценки не успели еще сформулитроваться, как в дверь позвонили.

— Так-так, — сказал Лё Бестолкуй.

— Ах, — выдал Зострил.

— Ох, — выдал Сенперт.

— Э-э, — выдал Мазьё.

— Гм? — вопросительно гмыкнул Роскийи.

— Кто это может быть? — произнес Мачут.

— Так-так, — повторил Лё Бестолкуй.

Он набрался мужества, встал и сказал:

— Я открою.

И сделал это.

Вошли два выуженных из потопа персонажа.

Тот, что был наверху, не нагнул голову, в результате чего ударился лбом о дверной косяк. Того, что был внизу, повело зигзагами; он толкнул переведателя и залил водой и грязью ковер, уже и так изрядно подпорченный предыдущими гостями. Человеческая пирамида распалась, и два составлявших ее элемента (в которых спираторы признали калек) поднялись, постанывая зевом и поскрипывая костью.

— Жри-жри! — приговаривали они, брызгая слюной.

— Не желаете выпить по стаканчику фифрыловки? — любезно лебезнул Лё Бестолкуй. — Того года, когда Бонжан получил Главный Приз Весенника.

— Пей-пей! — приговаривали заморыши.

Они тоже полагали, что это неудачный год.

Слепец на ощупь, паралитик ползком двинулись к одному и тому же стулу. Их распределили по достаточному количеству сидячих мест.

— Ну что? — спросил Никомед, оглядываясь.

— Ну что? — спросил Никодем, топая ногой.

— Ну что? — ответили остальные, тайно и быстро переглядываясь и перепихиваясь коленками.

Повисла пауза.

— Будто мы не знаем, что здесь происходит, —

сказал Никомед.

— А что здесь происходит? — спросил Лё Бестолкуй.

— Жри-жри! — ответил Никодем.

Лё Бестолкуй все же наполнил их стаканы. Два посетителя сглотнули винище и брезгливо поморщились. Стряхнули последние капли на паркет и сопроводили их двойным плевком.

— Бесполезно говорить о том, что здесь происходит, — сказал Никодем, утирая бороду рукой.

— Бесполезно, — подтвердил Никомед, повторяя его жест.

— Ну что? — спросил Лё Бестолкуй.

— Так вот, у нас есть новости, которых вы, может, еще не знаете, — сказал Никодем.

— Наверняка не знаете, — подтвердил Никомед.

— Посмотрим, — сказал Лё Бестолкуй.

— Расскажем? — спросил Никомед, повернувшись к брату.

— Давай, — ответил Никодем, по старой привычке поворачивая лицо в сторону своего собеседника и, конечно, не видя его; у него еще оставалось несколько машинальных жестов, которые несколько облегчали существование.

— Значит, так, — начал Никомед, — бабка Па-

улина умерла.

Он подождал. Заговорщики переглянулись. У всех появилась одна и та же мысль, у всех — правильная.

— Нам по фигу, — высказался Мазьё.

Слепец скривился.

— Минуточку, — продолжил Никомед, — есть еще кое-что: сегодня утром приехал Жан Набонид с сестрой.

— Это всем известно, — сказал Зострил.

— Кто этого не знает? — усмехнулся Лё Бестолкуй.

— Секрет полишинеля! — вставил Сенперт.

— И это все? — спросил переведатель у двух ветеранов.

Те почесали затылки.

— Они все разболтают, — сказал Сенперт.

— Нужно срочно принять какое-нибудь решение, — заявил Зострил.

— Выставим их наружу, — предложил Мазьё.

— Они все разболтают, — сказал Сенперт.

— Закроем их здесь, — предложил Мачут.

— Где? — спросил Лё Бестолкуй.

Все задумались. Квартира была чуть затронута модернизацией и испытывала слабое влияние чужеземных нравов, а посему имела холодильник.

Именно там, после быстрых консультативных переглядываний, спираторы заперли двух инвалидов.

Манюэль высморкался, неудачно размазав сопли по лицу. Задрал полу рубашки, использовал ее по назначению и скомандовал:

— Пошли.

Взглянув на него, Бенедикт, Роберт, Фюльбер и Альберих наклонились. Подняли ношу.

— Черт! — сказал Бенедикт. — И чем она только набивала себе пузо, эта старушенция. Не иначе как свинцом.

— Не преувеличивай, — сказал Альберих. — Я вот мускул тренирую.

— Заткнитесь, — сказал Фюльбер. — Давайте побыстрее ее отнесем и сплавим.

Они начали спускаться по лестнице.

Пришлось повозиться. Кщастью, спущали со второго этажа.

Перед выходной дверью остановились. Шел дождь.

— Черт! — сказал Бенедикт. — Опять эта жижа.

— Никогда, наверное, не прекратится, — сказал Альберих. — Старые пердуны утверждают, что раньше дождя вообще не было.

— Что-то не припомню, — сказал Фюльбер.

Манюэль и Роберт их заторопили:

— Шевелитесь! Быстрее! На свалку!

Они собрались с силами, подняли носилки и сделали три шага. Остановились. Сзади них возникла какая-то бабенция.

— Пойдете с нами? — прошептал Манюэль, обращаясь к госпоже Набонид.

— Семья, — прошептала она, — семья, — прошептала госпожа Набонид, — семья, — прошептала вдова Набонида, — семья, — прошептала невестка старой беззубой надзирательницы со Знойных Холмов.

Юноши переглянулись.

— Мощно хлещет, — сказал Бенедикт.

— Возразить нечего, — согласился Альберих.

— Действительно, — добавил Фюльбер.

Все бросили брезгливый взгляд на тело, которое якобы продолжало сруществовать под саваном. Он намокал и малапамалу очерчивал формы.

— Скорее бы дойти до свалки, — сказал Манюэль.

— Поднажмем, — предложил Роберт.

Госпожа Набонид заплакала.

— Семья… семья, — простонала она.

Но юноши ее не слушали.

И тут семья внезапно появилась.

Сначала она предстала своей самой безобидной частью. Родственники выглядели, как два туриста. Один из них оказался девицей, по причине округлых ляжек и выпуклостей под свитером.

— Похоже, Жан Набонид, — прошептал Манюэль, имея в виду не Элен.

— Похоже, — прошептал Роберт.

Юноши даже не пошевелились, чтобы сдвинуть носилки с места. После перешептываний они с большим почтением взирали на вышеназванного брата и с меньшим — на сестру.

— Это ваша бабушка, — вежливо проинформировал Альберих.

— Она умерла, — сокрушенно добавил Бенедикт.

— Мы несем ее на свалку, — объяснил Фюльбер.

— Я никогда не кричала, — проговорила Элен. — Никогда.

Юноши опустили глаза и покраснели.

— И правильно, — сказал Жан.

— Не будем терять времени, — раздался голос Поля.

Юноши обернулись: обнаружилась другая часть семьи.

— Дети мои, дети мои, — застонала Жермена.

Эвелина укрывалась от дождя под раскрывалкой, которую держал Поль. Алиса, по-прежнему в купальнике, куталась в целлофановый плащ. Рядом с ними стоял Пьер.

Юноши заметили его первым.

— Пьер Набонид, — начал Манюэль, — статуя закончена?

— Довольно об этом, — раздраженно оборвал его Поль. — Сегодня я разрешил ему выйти. Из-за нее.

Указательным пальцем он указал на носилки с покойной.

— Значит, — спросил Манюэль, — статуя не закончена?

Поль повернулся к Пьеру:

— Нет?

— Нет, — ответил Пьер.

Он шагнул к Манюэлю:

— Но сегодня у меня есть специальное разрешение выйти. Из-за нее.

Подбородком он указал на волокушу с усопшей.

— Как это все противно, — сказала Алиса.

— Старая карга, — высказалась Эвелина. — Подлая сука. Она уже никому не сможет навредить.

— Я никогда не кричала, — произнесла Элен. —

Никогда.

Наконец-то Алиса поняла, кто эта девушка в шортах, и принялась очень внимательно ее разглядывать. Она находила ее на удивление совершенной. Спрашивала себя про себя, не менее ли совершенна она сама. Сравнивала носы, ноги, груди, менее заметные компоненты — мочку уха, крыло носа, впадину подмышки, изгиб щиколотки, чашечку колена, косточку локтя, блеск волоса. Она себя спрашивала, спрашивала и спрашивала, пока не спросил Роберт:

— Вам не кажется, что она начинает повани-вать?

Разумеется, он имел в виду бабушку. Это не значило, что он упустил из виду звезду в целлофане; он тоже сравнивал ее с той, что в шортах, и уже не знал, куда поворачивать голову, куда направлять свою бедную головку.

Тут обнаружилась еще одна семья, большая семья спираторов. Лё Бестолкуй-переведатель-тесть, а также Мазьё, Роскийи, Мачут, Зострил и Сенперт, все промокшие от небесной влаги. За ними вырисовывались Спиракуль и Квостоган, не менее от, но на некотором расстоянии стоя.

Все перезыркивались. Лё Бе-уй идентифицировал девушку в шортах по ее схожести с Жаном.

— Ну и ну, — протянул он. — Это ты, Жан.

— Эй, вы! — отреагировала Элен. — Я никогда не кричала. Никогда.

Спираторы заткнулись.

— Она воняет, — сказал Манюэль. — Двинулись дальше.

И они двинулись.

Манюэль, Роберт, Альберих и Фюльбер несли носилки с некогда надзирающей. Позади: семья. Мать Жермена, существо ничтожное. Следом за ней: сыновья Пьер, Поль и Жан, каждый со своей половиной: Эвелиной, Алисой и Элен; последняя половинчатость — исключительно по родственной связи. В конце: шмыгающие и вынюхивающие спираторы.

Они все шли и шли.

Они шли похоронно.

Дождь все шел и шел.

Вода путалась с воздухом.

Они спускались по сухой горловине, вдоль которой располагались свалочные болота, а толпа родимогородцев взирала на них сквозь дождливые капли и видела их слегка искаженными, слегка истонченными из-за отчужденности, слегка измученными из-за траура, слегка транскрибированными на поверхности с небольшой

отрицательной кривизной.

Штобсдел толкнул калитку ограды, и они вошли. Забарахтались в вязкой каше, в которой гнили те, что больше не жили в Родимом Городе. Носильщики выбрали место, которое показалось им довольно ухабистым, перевернули носилки и свалили груз. Бабушка, завернутая в последнее облачение, издала буль, после чего забрызганный грязью куль стал медленно погружаться. Поглощающая почва отозвалась несколькими пукающими звуками.

Шел дождь.

Куль исчез в топи.

Манюэль, Роберт, Фюльбер и Альберих переглянулись. Манюэль сказал Полю:

— С вас четыре тюрпина и три ганелона.

Мэр заплатил.

Пьер произнес:

— Приятно вдыхать чистый воздух.

— Я никогда не кричала, — сказала Элен.

Пьер посмотрел на жижу, скрывшую еще один отброс.

— Там внутри наверняка найдется немало причудливых экземпляров, — прошептал он.

— Крупные насекомые, мелкие букашки, — прошептала Элен. — Вместе. Скребут ночь.

Маленькие лапки. Большие крылья.

— Они живут! — прошептал Пьер. — Они живут! Это трудно себе представить: породиться, побыть, подохнуть; возможно: мракостными, слепыми.

— В своем застенке, — сказала Элен, — я стала совсем седой. Но я никогда не кричала. Никогда.

— Утрачивая жизнь такой, какой ее воспринимает человек, — сказал Пьер, — я достигаю цели своих поисков.

— Вы ищете свалку? — спросил у него Манюэль.

Но Пьер уже об этом не думал.

— А идол так и не закончен, — добавил Манюэль.

Парни пялились на девушку в шортах и на звезду в целлофане. Эвелина на них прикрикнула:

— Не лезьте не в свое дело, оставьте статую в покое. Черт возьми!

Она оглядела Элен и Пьера.

— И это брат и сестра: как будто совершенно не, — проворчала она.

Затем, покосившись на Лё Бе-уя:

— Ну а ты, папа, все спиративничаешь? Старый хрыч.

Переведатель кашлянул. Слюна растворилась

— незаметно, неразличимо — в дождевых каплях.

— Я тебя просто не узнаю, — прошептал Лё Бестолкуй. — То, что твой муж вышел, не закончив статую твоего свекра, еще не повод обращаться ко мне со столь прискорбной грубостью. Я протестую.

И, распаляясь, повторил чуть громче:

— Я протестую!

И даже потряс над своей головой раскрывалкой Лаодикеи.

На этот предмет Манюэль косился с начала церемонии. И вот теперь он наконец его вырвал из Бестолкуевых рук и закрыл.

— А вы, — заявил он, — лучше об этом позабудьте!

— Но ведь идет дождь, — воскликнул Лё Бе-уй.

— Действительно, — согласился Пьер.

— Идет дождь, идет дождь, идет дождь, — завопили спираторы.

— Что верно, то верно: хлыщет здорово, — добавил Роскийи, порываясь тоже вкусить свободы слова.

— Дрянная погода, — машинально подтвердил Пьер.

— Вы еще скажите, что мы мокнем не из-за

вас! И что водоросли растут повсюду тоже не из-за вас!

Лё Бестолкуй уже чувствовал, как его шляпа начинает плесневеть. Он злился. К тому же, скопившись в немалом количестве у самой свалки, они начали постепенно погружаться в жижу, а отбросы, в противовес им, — подниматься на поверхность. Недавняя бабушка оказалась первой кандидаткой на подъем. Эвелина указала на нее пальцем:

— Смотрите, все никак не уймется. Может, и нам подняться? Как она?

Все закивали и забарахтались в сторону по домам. Паулина вновь затянулась в жижу.

— Не похоже, что она будет скоро закончена, — подытожил Лё Бестолкуй, обойдя статую несколько раз.

— Работы еще много, — ответил Пьер. — Выпьете фифрыловки? Эвелина, налей отцу стаканчик.

— Большое спасибо, — поблагодарил Лё Бестолкуй. — Но что-то я не очень понимаю. Безусловно, та статуя была более естественной.

— Это — нога, — пояснил Пьер, следуя за взглядом нотариуса. — Она еще не доделана. Не хватает растительности. Я успел сделать всего три волоска.

— А это?

— Глаз.

— Но почему один? Почему не два? По-моему, у вашего отца было два глаза. Где же второй?

— Вот.

— Не вижу.

— Я показываю то место, где он будет. Я к нему еще не приступил.

— За все это время? Мне кажется, дело продвигается не очень быстро.

— Папа, оставь его, на фиг, в покое, — сказала Эвелина, плеснув в стакан щедрую порцию фифрыловки.

— Ты стала очень дерзкой.

Эвелина пожала плечами. Мужчины чокнулись.

— Ты ревнуешь? — спросил у дочери Лё Бестолкуй.

— Я ей верен, — пылко ответил Пьер.

— Да я не об этом. Может, ей хочется показывать свои ноги, как твоей сестре в шортах или как твоей невестке в купальнике.

— А что? У меня ноги красивые.

Она задрала юбку, спровоцировав вокруг себя небольшое наводнение.

— Какая грязища, — вздохнула она.

Лё Бестолкуй принялся оценивать ноги дочери.

— И все же, — заявил он, — у Элен они более округлые, а у Алисы — более упругие.

— А ты что, их щупал, старый ты крендель? — спросила Эвелина.

— Что касается Алисы, то я прекрасно изучил ее ноги, когда ходил в кинематограф. Даже на ровной поверхности я способен угадать, упругие у женщины ноги или нет.

— С тех пор она постарела, — заметила Эвелина.

— Я так и знал, что ты ревнуешь.

— А вот мне, — сказал Пьер, — мне на ноги Алисы наплевать.

— А вы могли бы друг друга полюбить? — внезапно спросил у Пьера Лё Бестолкуй.

— Вряд ли, — ответила Эвелина.

— Конечно же нет, — ответил Пьер.

— Папа, не засирай нам мозги, — добавила Эвелина.

— Ладно, ладно.

Переведатель рассеянно посмотрел в окно, которое заливало дождем как из ведра.

— Как назло, этот засранец Манюэль увел мою укрывалку.

— Укрывалка не твоя, а Лаодикеи.

— Ладно, ладно.

Он переминался из лужи в лужу. Пьер хлопнул тестя по спине, отчего из редингота ударили чуть ли не фонтанные струи.

— Итак, переведатель, что вы думаете о моей статуе?

— Гм! гм!

— Откровенно.

— Ну же, старый хрен, — подхватила Эвелина, — давай, высказывай свою мысль, хотя то, что крутится у тебя на языке, вряд ли можно считать осмысленным.

— Ну, в общем… — проговорил Лё Бестолкуй.

Он замялся.

— Она не готова.

— И это все, что ты можешь сказать? — спросила Эвелина.

Пьер обречено махнул рукой.

— Ладно, пусть треплет языком то, что и так очевидно.

— И все-таки я имею право на последнее слово! — закричал выеденный из себя Лё Бестолкуй. — Так больше продолжаться не может! Твоя невестка выступает чуть ли не голая, еще хуже, чем голая, причем на Полуденном Празднике.

Твоя сестра заявляется от чужеземцев, да еще без предупреждения. А ты сам выходишь без разрешения. Так больше продолжаться не может!

— Он мне уже тыкает, этот надутый прыщ, — прокомментировал Пьер.

— Так больше продолжаться не может! — завопил Лё Бе-уй.

— Вы говорите о единичных событиях, которые происходят по одному разу, — заметил Пьер. — Как они вообще могут иметь продолжение?

— Неужели ты надеешься ему что-то втолковать? — вмешалась Эвелина.

— Так ведь одно — это последствие другого! — воскликнул переведатель. — Последствие!

— До него что-нибудь доперло? — спросила Эвелина.

— А еще этот дождь! — добавил сникший Лё Бестолкуй.

— Особенно теперь, когда у тебя нет зонтика Лаодикеи.

— Дождь, — прошептал Лё Бестолкуй. — Дождь. Дождь.

— Да ладно тебе! — осадила его Эвелина. — Это всего лишь вода!

— А женщины, которые ходят голые! И все из-за вашей воды! Из-за вашей воды! Алиса извивается

на поверхности водоема, Элен разгуливает в шортах с мокрыми ляжками. Вот что ты наделал, Пьер, своими рыбами и аквариумами, вот к чему это привело, вот во что это вылилось.

— Ну и что? — спросила Эвелина.

Пьер подошел к переведателю и, дыхнув ему в лицо, произнес:

— Чего вы от меня хотите? После всего? Статую? Она не закончена. Дождь? Он не кончается. А остановить его я не могу.

— Ладно. Брось трепать языком, папочка. Оставь нас, на фиг, в покое. Слушай, неужели ты рассчитываешь стать мэром? При поддержке твоих спираторов?

— А почему бы и нет, доча?

— Не смеши меня. Ты? Мэр? Да ты только посмотри на себя! Старый рогалик!

— Ну и что?

— Только без иллюзий, папа. Тебя все пошлют подальше. Даже твои спираторы.

— Если не я, то кто, по-твоему?

— А Поль?

— Да, Поль? — рассеянно спросил Пьер.

Он снова взялся за киянку и резец и стал местами подправлять недоделанную статую Набонида.

— Поль?! — опешил Лё Бе-уй. — После такого скандала?

— Да не было никакого скандала.

— Неужели?

— Нет ничего скандального в том, что все мужское население города проэрекционировало.

— Ах вот как? Значит, ты это скандалом не считаешь?

— Нет, — ответила Эвелина. — Знаменитой женщине всегда импонирует, когда весь город, пусть даже провинциальный, из-за нее эрекционирует.

— Ты спятила, доча. Так способны думать только твои шлюховатистые невестки. Это они вбили тебе в голову подобные мысли. Не знаю, каким образом и зачем.

— Заговор? — с явным безразличием подсказал Пьер, продолжая работать.

Он воодушевился. Теперь он действовал быстро и точно. Из-под резца летела мраморная крошка. Халат пропитался творческим потом. Лё Бе-уй уже не обращал на него внимания и продолжал выговаривать своей дочери:

— Их мысли ничего не стоят. Вот тебе доказательство: у всех этих людей, что сейчас ради развлечения мутят воду, скоро не останется ни

средств, ни другого выхода, как бежать к чужеземцам.

Пьер послушал, пожал плечами и снова принялся за работу. Эвелина пнула фазера по коленке, чтобы подчеркнуть важность вопроса:

— И что же ты намерен делать?

— Я хочу воцарить нравственность из-под палки.

— Какой именно палки? — поинтересовалась Эвелина.

Лё Бестолкуй выдрал у себя из головы клок волос. Они были мокрыми.

— Штоб я сдох! — взвыл он. — Эвелина! Ты же просто сенсуально[150] озабочена!

И тогда все задумались о предложении, которое им сделал Жан. При этом присутствовали: разумеется, сам Жан Набонид, патамуштаон токоштовыступал, его систер в шортах по имени Элен, его брат Поль со своей звездной супругою Алисой Фэй, городской страж Штобсдел, спираторы в неопределенном количестве, а также патентованные ворчуны Спиракуль и Квостоган, коих подобрали по дороге.

---

[150] Примечания: 150

От *фр.* sensuel — чувственный, сладострастный; отсюда философское понятие сенсуализм (чувственность).

Все это скопище извилин принялось урчать, юлить, егозить, скрипеть и пыжиться. Короче говоря, зеркально, трехмерно и все начисто отражающий мозговой желатин реагировал. Волны, ох, и до чего же короткие, ультразвуки, невидимые лучи пронзали серое вещество, ибо необычное, ах, и до чего же необычное, предложение им только что сделал Жан Набонид, младший сын покойного мэра.

А предложил он следующее: он будет говорить, но с высоты.

Предложения такого рода наводили на размышления.

Они чесали черепа, соскабливая с поверхности кожи сероватый гумус, фактуру которого мечтательно рассматривали под оральными ногтями.

— Не понимаю, чем мы рискуем, — выдал наконец Роскийи.

— Может, и ничем, — ответил Мачут. — Но сейчас мы знаем, что имеем, а вот что будет потом…

— Мы уже по горло сыты этим дождем, — воскликнул Мазьё.

— Ввязываться в будущее — дело довольно серьезное, — изрек Зострил.

— Предположим, произойдут изменения, — продолжил Мачут. — Но нет никакой гарантии,

что в лучшую сторону.

— Еще бы! — подтвердил Сенперт.

— Но этот дождь, — сказал Мазьё, — как надоел этот дождь.

— Верно, — согласился Сенперт. — Мы на него насмотрелись.

— И потом, — сказал Роскийи, — не очень понятно, что может быть хуже.

— Как что? — возразил Мачут. — Ну, например, снег.

— С не что? — спросил Мазьё.

— Снег! — крикнул ему в лицо Мачут. — Есть же он в рассказах путешественников, этот снег. И в кинематографических видениях, иногда.

— А что это такое? — спросил Мазьё.

— Затвердевшая белая вода в виде хлопьев! — заорал Мачут.

— Не может быть! — опешил Мазьё.

Мачут кивнул в сторону Элен и Жана.

— Вот они знают. Они путешествовали.

После чего указал на Алису.

— И чужеземка должна знать. Особенно если она из Святолесья.

Спиракуль счел нужным вмешаться:

— Разумеется, он знает, этот юный гспадин. Возможно, именно поэтому он и предлагает свой

план. Он любит снег. Так же как его брат любит дождь. Вы его послушайте, и очень скоро окажетесь по уши в вате. Но в мерзлой вате.

— Отлично сказано! — крикнул Мачут. — Вот именно. В меру злой вате. В меру злой вате. В меру злой вате.

— Но ведь это еще не доказано, — возразил Роскийи.

— Ваша история про злую вату — чистое безумие, — сказал Мазьё. — Этого не может быть. Зато хорошая погода… ну как о ней не вспомнить? Осмелюсь Даже сказать: ну как о ней позабыть? Как бы мне хотелось, чтобы она вернулась, хорошая погода на каждый день…

Мачут обратился к Алисе:

— Скажите нам честно, сударыня, он действительно снуществует, этот снег? Да или нет?

— Конечно, — ответила Алиса. — Есть еще и град.

— Что? — спросил Мазьё.

— Град.

— Не знаю такого, — честно сознался Мачут.

— Это затвердевшая вода, — принялась объяснять звезда. — В виде очень жестких горошинок. Как крохотные камушки.

— Ну вот, что я говорил, — воскликнул Мачут.

— Не может быть! — прошептал пораженный Мазьё. — Фантастика.

Слово взял Зострил:

— Если мы будем испытывать на себе все пертурбации окружающей среды, то никогда из них не вылезем. Из-за акватических идей нашего предыдущего капитула, мы терпим постоянный дождь. Ладно. И не надо ничего менять. Мы уже начинаем привыкать. Я даже нахожу, что у воды есть и свои приятные стороны, ну и потом, плавание как зрелище представляет некий шарм.

Он блаженно заулыбался. Остальные покраснели.

— Кроме того, мне нравится зелень, — добавил он.

— Фу, — скривился Поль.

— Эй! — заметил Спиракуль. — Вы обещали не вмешиваться в дискуссию.

Все замолчали.

Слово взял Квостоган:

— Быть может, его предложение лишено всякого смысла.

— Лучше и не скажешь, — отозвался Жан.

— Они уже переговариваются вовсю! — воскликнул Спиракуль.

Все снова замолчали.

— Возможно, у него ничего не выйдет, — сказал Мачут. — Но риск все же есть.

— За одним братом сразу же другой, — заметил Спиракуль. — Нет. Теперь мы их знаем, этих Набонидов.

— И все-таки, — взмолился Мазьё, — а если у нас есть шанс на хорошую погоду, пусть самый ничтожный? Неужели вы не помните, как было хорошо? Гнег, срад, мы даже не знали, что это такое. Зато хорошая погода, если бы она вернулась, если бы был шанс, чтобы она вернулась…

— Этот человек — авантюрист! — громогласно возвестил Зострил.

— Я?!

Пораженный Мазьё закрыл лицо руками, затем, посмотрев на ладони, обнаружил на них влагу и определил ее потное происхождение. Это была точно не дождевая вода. Он посмотрел Зострилу прямо меж век и произнес:

— Это я-то авантюрист? Я хоть раз уехал из города? Я хоть раз хотел из него уехать? Я хоть раз купил портвейн, зонт или какой-нибудь другой чужеземный товар! Я хоть раз не осудил инициативы, когда они были? Я хоть раз пожаловался на то, что инициатив никогда не было, до появления самой первой, а именно инициа-

тивы Пьера Набонида? Которая и принесла нам дождь? Признаюсь, я осудил вторую, а именно инициативу приговорить Пьера Набонида к с культурному заключению. Но я поддерживаю третью, цель которой — вернуть хорошую погоду. Вернуть хорошую погоду? Это да! Я — за.

Зострил взвыл подобно суке, которая своим протяжным истошным завыванием пытается устрашить ночное светило, которое на самом деле является весьма отдаленной и безразличной планетой. Он размахался руками, выбился из сил и сел. Несколько раз раскрыл рот, но, кроме пауз и вздохов, так ничего и не выжал.

— Я, — наконец-то выдал он, — дрить ее налево, а если… если…

— Если что? — спросил Мазьё.

— А если дождь не прекратится, даже когда статуя Пьера будет закончена?

Все перезыркнулись.

— Ну как? — прегордо воскликнул он. — Ведь никто об этом не подумал!

— Ядрить ее, — смутился Роскийи.

— Это совершенно не стыкуется, — сказал Капюстёр, взяв наконец слово.

— Ваше обсуждение растянулось, — сказал Поль.

— Тихо! — заорал Квостоган. — Дайте нам подумать!

— Любую проблему можно разрешить, — неожиданно проблеял Роскийи.

— Ну конечно, — сказал Мазьё. — Конечно же.

— Эта история со статуей — полная фигня, — заявил Капюстёр.

Зострил и Сенперт посмотрели на него с изумлением.

— Так вот почему с самого начала заседания вы ничего не говорили, — произнесли они хором.

— Этот человек — авантюрист! — громогласно возвестил Зострил.

Когда эхо его голоса затихло, на лестнице послышался шум, словно несколько человек бежали во всю прыть. Дверь распахнулась от мощного толчка, но без предварительного стука, и на пороге появился промокший, запыхавшийся Лё Бестолкуй с вываливающимся языком. Он рухнул на стул и залепетал:

— Онхо… хо… онхо… хо… чет…

Следом за ним появились Пьер и Эвелина, такие же промокшие и запыхавшиеся.

Лё Бе-уй дергался на стуле, как пациент, жадно страдающий по поводу своего здоровья.

— Да, — сказал он, переведя дыхание. — Это

правда. Это правда. Статуя закончена. Закончена.

Снаружи продолжал идти дождь.

— Теперь, — изрек Спиракуль, — вся семейка у нас под рукой.

И тогда очень терпеливо Жан снова объяснил им свой план.

Импортеру поручили найти сеть. Но ее не было ни в городе, ни загородом, ни в стране вообще. Рыбалка пока еще мало интересовала родимого-родцев, как из-за недостатка ихтиологических приспособлений (хотя их число все же увеличивалось), так и из-за отсутствия средств. Лишь детишки как-то пытались выловить плывущую в ручье кошку, предлагая ей привитый к веревке сначала выгнутый, а потом снова загнутый заостренный кусок железной проволоки, украшенный кусочком какой-то не стоящей внимания субстанции. Что касается оптовой ловли рыбы, до этого амбиции еще не доросли.

За прошедшие дни ожидания дождь конечно же не прекратился. Поль снял с себя мэрские обязанности и уехал в Чужеземье вместе с Алисой Фэй, которая незадолго до этого обнаружила в себе развивающийся плод. Их больше не видели. Впоследствии они народили целую кучу засран-

цев. Родимому Городу требовался регент. Одни (спираторы) предложили назначить Лё Бестолкуя, другие (например, Спиракуль и Квостоган) остановили свой выбор на Никодеме и Никомеде, которые медленно отходили от пребывания в ледяном застенке. Но, в итоге всех расчетов, эту должность получил Манюэль Бонжан. Лаодикея немедленно вышла за него замуж, что прибавило нотариусу уверенности в правильности его семейной политики. Пьер продолжал мраморно работать; он вытачивал волосы, изгибал икры, наращивал живот, сбивал припухлости. Эвелина чтила этот бесполезный труд, но изводилась от затянувшейся девственности.

Сеть наконец прибыла, и Мандас, в припадке гражданского мужества, оплатил расходы по ее доставке. На самом деле, сеть оказалась красно-белым ветроуказателем, какие встречаются на чужеземных авиационных площадках. Но кто среди родимогородцев смог бы отличить рыболовную сеть от метеорологического презерватива? И все население возрадовалось.

На следующее утро, на рассвете, в час, когда мокрые петухи заводят свои кря-кря-кря, все собрались на Центральной Площади. Быстро засыпали Водяную Яму грязью, черепицей и твер-

дыми камнями. Естессно, дождь шел по-прежнему. Импортер призвал всех к воротам Города. Все туда потянулись. Столб, тросы и лебедка были готовы. Жан Набонид обнял сестру, пожал руку Бенедикту, Роберту, Фюльберу и Альбериху. Все. Он устроился в люльке, прикрепленной к концу столба[151]. Четверо юношей принялись за работу и установили столб; его высота составляла примерно семь лье (родимогородское лье равно примерно полутора метрам). Когда столб оказался в строго вертикальном положении, его закрепили. Толпа отошла, задумчиво. Элен осталась у подножия. Пьер, неистово заработавшись, не смог присутствовать на показухе.

Естессно, дождь прекратился не сразу. Сначала он лил так же обильно, как раньше, но, казалось, мочил меньше. Возможно, это была иллюзия, но все радовались. Элен подпитывала брата, протягивая ему на конце жерди витаминизировано пропитанную губку[152]. По прошествии некото-

---

[151] Примечания: 151

В «Мистических рождениях» М. Илиаде рассказывает, что герои многих мифов залезают на вершину пальмы, чтобы подняться на небо.

[152] Примечания: 152

Отсылка к Новому Завету: «После этого Иисус, зная, что уже все свершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоивши уксусом губку и наложивши на иссоп, поднесли к устам Его» (Ин. 19, 28–30).

рого времени Пьер представил статую. Знатные лица удивились, но Манюэль одобрил. Ее дотащили до Центральной Площади и водрузили рядом со столбом. На людей это произвело очень хорошее впечатление.

Впоследствии вода, вместо того чтобы низвергаться потоками, стала ниспадать поливами, как с вытрясаемого ковра. Потом как-то поднялся слабый ветерок, который стал дуть весьма постоянным образом. Удерживаемая этим дуновением сеть реяла и качалась на воздушных волнах. Пьер часто приходил на нее смотреть, это напоминало ему молодость. Ведь он вернулся из Чужеземного Города тридцать лет назад (родимогородский год не имеет эквивалента в других хронометрических системах). Он навечно посвятил себя скульптуре, хотя время от времени занимался с Эвелиной любовью.

И вот однажды оказалось, что дождь заканчивается. Легкий ветерок, выполняя свою функцию, методично разгонял водяные капли. Показалось солнце, сначала влажное от пара, затем высыхающее на глазах. Легкий ветерок все поддувал и поддувал, вода с неба перестала литься. И тогда Жан воздержался от жизни, и ветер сник, и хорошая погода установилась окончательно. Стало

даже очень жарко. Статуя начала плавиться, оседать, пока не превратилась в карамельный сгусток: в этой стране статуи долго не сохранялись. Раздробленные скульптурные останки очутились на свалке, чуть позже туда же за ними последовал и обескураженный Пьер. Впоследствии его вдова еще не раз выходила замуж.

Тело Жана оставили сушиться на солнце[153]. Сочленение столба и мумии стали называть «душегон», позднее, по закону фонетической деградации, «тушегон» и, наконец, «тучегон». Элен, разочаровавшись в своих витаминизированно пропитанных, но отныне бесполезных губках, ушла на Знойные Холмы; по крайней мере, удалилась она в том направлении.

Позднее Жана нарекли Святым Жди-не-Жди (вероятно, потому, что, *ожидая вод* и *отводя дожди* — теперь это происходит постоянно, — он сидит наверху в своей сети и вряд ли когда-нибудь спустится на землю) и даже придумали в честь него специальный праздник. С утра раскалывают сосуды; пополудни пальцами имитируют

---

[153] Примечания: 153

Реминисценция темы в раннем тексте Кено: «А вы, осьминоги, даруйте нам эти звезды и страсти, что вы храните в пещерах Тихого океана, иначе земля развеется по небу, и на каждом аэролите, рожденном ее смертью, человек усохнет в чистом эфире» (Сюрреалистические тексты I. Полн. собр. соч. Библ. Плеяды, 1989, с. 990–991).

рост растений (встречающихся все реже и реже); вечерний салют не вызывает никакой атмосферной пертурбации, так как погода установилась намертво. И общественность с превеликим удовлетворением полагает, что знает о том, что может, если пожелает и когда захочет, прекрасно понимая, зачем и почему, с преспокойной душой отменять или устанавливать погоду, хорошую погоду, навязчиво хорошую погоду-фикс[154].

[154] Примечания: 154

Кроме «автобиографического» обрамления (см. комм. к «Рыбам» / В файле — примечание № 1 — *прим. верст.*/), конечная рифмовка является аллюзией на известный сонет С. Малларме с очень редкой рифмой на ix/yx/ixe, который часто называют «сонетом на „икс“».